

Юлия Васильева

ВОЛШЕБСТВО ОБМАНА

Глава 1

ВОЛШЕБНИКИ С СЕВЕРА

Самые невероятные события случаются всегда внезапно. Баронесса Зоненштадтская знала об этом по собственному опыту и потому каждую секунду своей жизни была наготове. Лишь когда ей минуло семьдесят лет, она позволила себе чуточку расслабиться — и пожалуйста! За окном сыплет снег, сугробы в человеческий рост, и все, что отделяет ее от холодной смерти, — это маленькая печка в санях. В санях! Ей и в голову не могло прийти, что случайный разговор на одном из торжественных приемов закончится посреди бескрайней белой степи в стране, где нет дорог, а есть лишь направления.

От недовольства собой Лукреция Зоненштадтская еще глубже зарылась в меховое манто, но уже через секунду загадочно улыбнулась. А надо отметить, что тот северянин был хорош и напомнил ей бравых гусар далекой юности, которым она позволяла кружить себя на балах, но не кружить ей голову. С каким напором и с какой восхитительной наглостью он подошел! К той, к которой уже много лет никто не осмеливался подходить просто так...

Недоброжелатели называли почтенную даму старой интриганкой. Но баронесса считала, что это слово не в полной мере описывает ее способности. Если уж говорить со всей откровенностью, то вернее будет — профессиональная интриганка. И профессиональная настолько, что в прошлом месяце играючи расстроила свадьбу, призванную породнить две сильные монархические династии. Не бесплатно, конечно. Лукреция знала себе цену.

К несчастью, цена эта нисколько не смутила незнакомца, на западный манер назвавшегося ей Вольфгангом. Ну как тут откажешь, когда младшая внучка на выданье, а непутевый сын пристрастился на старости лет к картам?

«Молодой волк обманул старую лису», — с неудовольствием констатировала пожилая дама.

Сани внезапно остановились, дверца распахнулась, впустив ворох пушистых снежинок, и внутрь заскочил упомянутый выше северянин-«гусар».

— Добрый день, леди Лукреция! — радостно воскликнул он, стряхивая с себя комья снега. — А на улице-то распогодилось!

— Добрый день, — сухо ответила баронесса. Если это распогодилось, то вполне возможно, что обратное путешествие придется отложить до весны.

Лукреция еще раз оглядела своего спутника, будто желая удостовериться, что представившийся ей на балу шикарно одетый бравый «гусар» никуда не испарился за прошедшие несколько недель. Да, камзола, перегруженного золотой вязью вышивки, не было, но высокий рост, светлые волосы и тяжелые надбровные дуги с густыми бровями никуда не делись. Ну хоть смотреть будет приятно. Лет после пятидесяти Лукреция стала воспринимать красивых мужчин именно так — как картины или статуи, не больше.

И все же странно, откуда северянин взялся посреди пустой заснеженной дороги? Ведь не с ветром же прилетел? Хотя кто его знает.

— Нам осталось совсем немного до города, — успокоил спутник баронессу. — А там согреться.

Как бы между делом он потрогал печку, прошептал пару слов, и в санях стало будто бы теплее.

— Вольфганг... — начала было Лукреция.

— Здесь друзья зовут меня Вольга, — перебил ее «гусар». — Это ваши соотечественники что только не вытворяют с моим именем. Не удивлюсь, если в следующем моем путешествии меня вообще станут звать Вольфом или Вульфом. Ар-р-р!

Вольга совсем по-мальчишески оскалил зубы, очевидно изображая волка. А впрочем, для баронессы он и был мальчишкой лет тридцати — тридцати пяти.

В город они въехали довольно неожиданно. Вот только что вокруг не было ничего, кроме бескрайней белизны, и вдруг — то по одной стороне, то по другой — из сугробов стали выныривать покатые крыши, резные коньки, заборы, калитки, колодцы, сады. И чем дальше, тем выше становились дома, шире окна, затейливее резьба, а вместо коньков на крышах появлялись невиданные звери и птицы.

Лукреция, сама того не замечая, придвинулась поближе к стеклу. Там, за окнами саней, проносилось что-то вроде ярмарки. Праздник? Весь народ разодет ярко, аж в глазах рябит. Мужчины в меховых шапках, разноцветных кафтанах, подпоясанных у кого ремнями с чеканными пряжками, у кого вышитыми кушаками с бахромой. Люди крепкие, рослые; у парней широченные плечи, девушки — полногрудые, с тонко затянутым станом, щеки пышут румянцем, а яркие юбки только что не горят на фоне белизны снега.

Баронесса почему-то тут же представила, как выглядит со стороны: маленькая востроносая старушка с хрупкими птичьими косточками, по самые глаза закутанная в серое меховое манто.

— У вас какой-то праздник? — спросила она Вольгу, который все это время внимательно наблюдал за ней.

— У нас каждое воскресенье праздник, — ответил он непонятно.

Лукреция промолчала и лишь плотнее закуталась в мех. Эта страна одновременно пугала ее и притягивала.

Они остановились далеко от центра города, перед деревянными хоромами, один размер бревен в срубе которых внушал невольное уважение. Представить, что где-то и когда-то росли такие исполины, было практически невозможно. Баронесса только ступила из саней, как тут же оказалась по колено в снегу. Не дав ей даже вскрикнуть, Вольга неожиданно легко вынул гостью из сугроба и посадил себе на плечо, будто она была молоденькой девушкой, а то и вовсе ребенком. Лукреции ничего не оставалось, как только выпрямиться и с достоинством перенести щекотливый момент. Баронесса не позволяла себе терять лицо ни при каких обстоятельствах. Кто знает, может, у северных варваров принято именно так обращаться с гостями? Хотя чутье подсказывало, что Вольга просто не захотел, чтобы гордая аристократка утонула в снегу.

Так она и въехала в этот громадный резной дом: сквозь сад, засыпанный снегом, касаясь головой раскидистых еловых лап, верхом на гостеприимном хозяине. Северянин отпустил гостью только на крыльце. Наверно, из тех соображений, что нежеже будет, если дама стукнется головой о притолоку.

Лукреция невозмутимо поблагодарила его, привела в порядок одежду и как ни в чем не бывало проследовала внутрь через тяжелую дубовую дверь, обитую кованым железом. В доме пахло деревом, выпечкой и мокрым мехом. В широком коридоре, или, как назвал его Вольга, в сенях их никто не встретил, будто в эдаких хоромах не было ни единого человека прислуги. Баронесса вспомнила, как подозрительно живо и дружелюбно хозяин общался с возницей, и пожалела, что в этот раз не взяла с собой горничную. Вольга сам снял с нее меховую накидку, сам обмел небольшой щеткой запорошенные снегом сапоги и подол платья. Лукреция помалкивала, зорким взглядом примечая каждую мелочь. А мелочей было довольно: в сенях стояло множество обуви, и мужской, и женской. Причем большая часть богато расшита бисером или из добротной, хорошо выделанной кожи. По стенам висели полушубки, шали и добротные кафтаны, так что в доме гостили или жили не менее десяти человек, а то и вовсе целая дюжина.

— Ваша комната на втором этаже. — Вольга широким жестом показал на дубовую лестницу, такую крепкую и просторную, что при необходимости по ней мог подняться всадник на лошади. Складывалось впечатление, что из этого дома совсем недавно выселилась семья великанов и только после этого он отошел «гусару».

Лукреция кое-как преодолела гигантские ступени, не обращая внимания на красноречивые, но уже привычные жалобы коленей. В конце концов, старость случилась

с ней не сегодня утром — каждый раз напоминала себе баронесса. Сначала ты привыкаешь к морщинам на лице, потом к тому, что дети твоих детей зовут тебя бабушкой. Больные колени на этом фоне не кажутся такой уж катастрофой.

В спальне было просторно, светло и аскетично. Следом за Вольгой в комнату ввалился вихрастый мальчишка, которого до этого момента пожилая дама считала лишь возницей, и не более того. Паренек без особой натуги один за другим составил в комнату тяжеленные сундуки баронессы. Откуда только сила в долговязом теле? Задумавшись, Лукреция напоролась на любопытный взгляд возницы, в котором не было ни тени услужливости или подобострастия. Вот ведь наглец!

— Ждан, оставь нас, пожалуйста. Баронесса устала с дороги, — попросил Вольга.

— Ничего она не устала! — возмутился вихрастый. — Вы просто будете секретничать.

— Цыц! — Хозяин прищелкнул языком, и прохвост оказался на лестнице. Лукреция даже не успела заметить, как это у него вышло так быстро.

Лишь только дверь за мальчишкой закрылась, Вольга повернулся к пожилой даме и жестом предложил ей сесть в широкое разлапистое кресло.

— В этом доме нет слуг, — ответил он на невысказанный вопрос, — только гости. Мои особые гости.

— Вы обещали рассказать, в чем суть задания, когда я прибуду на место, — невозмутимо напомнила баронесса, устраивая свое закоченевшее тело на мягком сиденье.

— Я уже начал это делать. — Светловолосый «гусар», нимало не смущаясь, примостился на один из сундуков Лукреции. — Вы, наверное, считаете, что прибыли в школу для магов?

Пожилая дама приподняла седые брови, что было равносильно ожидавшемуся от нее вопросу.

— Строго говоря, здесь нет ни одного мага, и это не школа, потому что я не учитель. На Севере вообще не существует магов в вашем понимании этого слова, но есть волшебники.

— Простите, я, наверное, недостаточно хорошо знаю ваш язык. В чем разница?

— Со временем, думаю, вы сами поймете. Сейчас в этом доме гостят девять юных волшебников, а я лишь присматриваю, чтобы от них не вышло никому вреда.

— И как долго они будут здесь гостить? — с сомнением спросила баронесса.

— Пока я не сочту их безопасными для самих себя и для окружающих, — развел руками Вольга. Не понять, шутит или нет.

— И в чем же суть вашей проблемы? — Лукреция сложила тонкие пальцы в замок.

— Этот дом не просто место для молодых волшебников, но и хранилище для наших семейных реликвий.

— Семейных?

— А вы не знали? Все волшебники Севера — ветви одного древа, связанные пусть и дальними, но неразрывными узами родства.

Пожилая дама беспокожно пошевелилась в кресле. Она привыкла заранее готовиться к заданиям, но на этот раз у нее не было ни достаточного количества времени, ни источников информации. Ощущать себя школьницей, не выучившей урок, было неприятно.

— Так что с вашим хранилищем?

— Оттуда пропадают вещи.

— Много? Какие?

— Проблема в том, что я и сам не знаю, сколько и чего там хранится. Заметил это только месяц назад, когда пропало кольцо Радогаста Предсказателя погоды. Потом исчезло зеркало Береники и пояс Всеслава. Но на самом деле, скорее всего, пропало гораздо больше.

Баронесса неодобрительно поджала губы. Она любила порядок во всем, и хранение ценностей без мало-мальски вразумительного каталога представлялось ей чудовищным разгильдяйством.

— Там хранятся только волшебные предметы?

— Не обязательно. Там собраны предметы, которые когда-то принадлежали знаменитым волшебникам.

— Вы же волшебник, почему сами не найдете вора?

— Дело в том, что все эти реликвии — достояние нашей семьи, любой может взять, что пожелает. Но для того чтобы вынести их из дома, необходимо мое разрешение. Я проверял: ни одного из пропавших предметов в доме больше нет. Сделать это мог только очень сильный волшебник, но, кроме моих воспитанников, в хранилище никто не бывает. Я даже не знаю, что для меня сейчас важнее: найти пропавшее или узнать, кто скрывает свой талант.

— Поразительная беспечность с вашей стороны! И полная профессиональная несостоятельность! — не удержалась от выговора баронесса. — Так и дом по бревнам разобрать можно — вы не заметите.

— Вы слишком строги ко мне, — нисколько не обиделся Вольга. — Нет у нас такой профессии, как воспитатель волшебников. Тут обитают девять великовозрастных оболтусов, не знающих, куда девать собственную силу. А я один. И иногда мне нужно спать, пусть в это время кто-то и разбирает дом по бревнышку. Вы когда-нибудь имели дело с невыспавшимся волшебником?

Никакого желания шутить у Лукреции не было.

— К тому же есть еще и этический вопрос, — продолжал хозяин дома. — Одно дело, если вы будете вмешиваться в жизнь ребят и высказывать свои подозрения, и совсем другое, если это буду делать я. Как нам потом существовать под одной крышей?

Баронесса не могла не признать, что в этом есть здравый смысл.

— Боюсь только, что вмешиваться в жизнь ваших подопечных мне будет не так-то легко, учитывая пропасть в десятки лет между нами.

— О, об этом не беспокойтесь! У меня уже готов план! Но о нем после ужина. У вас есть два часа, чтобы отдохнуть, а потом спускайтесь вниз, в столовую.

Вольга поклонился и вышел, оставив Лукрецию в некотором замешательстве. Такого однозначного задания у нее еще не было. Во всех иных случаях баронесса ощущала свое превосходство: в остроте ума, знании человеческой психологии, умении плести интриги. Здесь же... Северяне были абсолютно непонятны — сталкиваясь с этим народом ей еще не приходилось. А уж северяне-волшебники... С волшебниками состязаться было все равно что принимать участие в спортивных соревнованиях в ее возрасте.

И все же внезапно вспыхнувший азарт и давно позабытое девичье любопытство мешали ей собрать вещи и немедленно уехать обратно.

В столовой баронесса была ровно в шесть. И была там одна: компанию в назначенное время ей составила только кукушка, выпорхнувшая из напольных часов, — самое воспитанное существо в этом доме. Пожилая дама заняла место во главе стола (которое, как она считала, полагалось ей по праву старшинства и титула) и, чопорно положив руки

на колени, принялась ждать.

В две минуты седьмого в комнате появилась худенькая щекастая девчушка, ойкнула при виде грозной старухи и едва не уронила стопку тарелок, которую принесла.

— Не «ой», а добрый вечер, — поправила ее Лукреция. — Хозяин дома сказал, что ужин будет в шесть. Почему никого еще нет?

— Так сейчас же шесть, все придут, — невразумительно пролепетала девочка.

Баронесса многозначительно показала на часы, где жила ее верная союзница в вопросах пунктуальности — кукушка. Великая интриганка, она давно уже примерила на себя роль дотошной старой перечницы — в таком образе ее редко кто принимал всерьез, полагая, что старушечья лишь в шаге от слабоумия. Это всегда было на руку.

Для пущего эффекта Лукреция пристукнула по полу клюкой, которую таскала скорее как театральный реквизит, чем как необходимую опору. Незачем окружающим знать, что, несмотря на свой почтенный возраст, баронесса еще весьма и весьма проворна.

Девчонка быстренько расставила тарелки и, сверкнув хитрым взглядом, скрылась из комнаты.

Когда на часах было пять минут седьмого, в столовую начали подтягиваться и другие обитатели дома. Появился вихрастый пацан, что до этого правил ее санями, небрежно и иронично поклонился. Но не успел он сесть, как Лукреция стукнула клюкой по столу, аж тарелки зазвенели.

— Молодой человек, потрудитесь сначала объяснить свое опоздание к ужину!

— Чистил и кормил лошадей после дороги, ваше строжайшество! — Стервец вытянулся в струнку и зачем-то приложил ладонь к виску.

Лукреция не удержалась от вздоха.

— Даже если причина уважительная, необходимо прежде всего извиниться перед теми, кого вы заставили ждать.

— Приношу свои глубочайшие извинения, но лошади должны быть накормлены вперед людей.

В комнате снова появилась девчушка с пухлыми щечками и поставила на стол исходящий густым ароматом горшок.

— Морош, представляешь, она нас воспитывает! — с радостным изумлением воскликнул вихрастый, нарушив еще с десятков правил хорошего тона.

Лукреция приложила титанические усилия, чтобы не закрыть лицо ладонью.

— Именно поэтому всех северных волшебников считают безалаберными самодурами. — В комнату вошла еще одна девушка: высокая, хорошо сложенная, с двумя толстенными косами до пояса. Она была заметно богаче одета, чем двое других подростков. Поставив на стол тарелки с солеными грибами и овощами, она слегка поклонилась баронессе.

— Добрый вечер. Меня зовут Белоника. Олег спустится через пять минут — у него возникли непредвиденные трудности.

— Буреслав? — хором спросили остальные.

— Ага, каким-то образом снес дверной косяк... утверждает, что волшебством, — ответила Белоника, тут же позабыв о напускной воспитанности.

На присутствие Лукреции никто не обращал внимания. Ее не представили и не дали возможности представиться самой. Пожилая дама была оскорблена до глубины души. Похоже, что сегодня роль старой перечницы будет исполнена ею с особым энтузиазмом и шиком.

Зашли еще трое юношей и девушка — эти были уже совсем взрослыми. Каждый принес

что-то к сервировке стола. Видимо, здесь так было принято — баронесса взяла обычай себе на заметку. Если она хочет влиться в общество, необходимо принимать его правила. Завтра тоже придется носить тарелки. Или лучше старая перечница принесет перечницу? Она улыбнулась — мысленно конечно же.

Тем временем в столовой поднялся жуткий галдеж. Появление Вольги в компании шуплого горбоногого паренька с примечательно широкими бровями обстановку несколько не улучшило. Лукреция снова была вынуждена прибегнуть к помощи своей клюки. Как-никак, а чувствовать себя невидимкой она была готова только тогда, когда ей это выгодно.

— Молодые люди! — Баронесса умела сделать тембр своего голоса настолько противным, что его невозможно было игнорировать. Обитатели дома разом замолчали и замерли — многие слышали такой отвратительный звук впервые. Гостя могла собой гордиться. — Если стол уже накрыт, будьте добры занять свои места!

Все удивленно и восторженно переглянулись, а затем (о чудо!) стали рассаживаться вокруг стола, толкая друг друга в бок локтями.

— Вольга, мне неудобно напоминать, но ваш долг, как хозяина дома, представить меня присутствующим, — безапелляционно заявила Лукреция. Порой ее слушались генералы и даже некоторые королевские особы, где уж тут устоять какому-то северному волшебнику.

Вольга встал и откашлялся, но могло показаться, что он пытается скрыть улыбку.

— Девочки и мальчики, волшебники и просто возмутители спокойствия. — Он покосился на горбоногого мальчишку, усевшегося рядом. — Хочу представить вам нашу гостью — баронессу Зоненштадтскую, любезно согласившуюся помочь мне с приведением в порядок нашего хранилища.

Лукреция склонила голову, подумав про себя, что причина выбрана очень удачно.

— Олег, а она с нами останется? — спросил вихрастый нахаленок-возница.

Вместо нормального ответа Вольга посмотрел на него с подозрением:

— Зачем тебе?

— Ну понимаешь, мы же тут дети. А детям нужен кто-то, кто будет их воспитывать и над кем они потом с благодарностью будут издеваться.

Девочки захихикали, парни одобрительно закивали. Вольга покосился на гостью и стал задумчиво накладывать себе в тарелку соленых грибов.

— Первая здравая мысль, — внезапно одобрила Лукреция. — Но воспитывать придется не только вас. Меня представили, а это только полдела, хорошо бы представить всех остальных.

Хозяин дома закрыл открытый было рот, так и не донеся до него особо привлекательный грибок.

— Простите, голод уничтожил остатки моих светских навыков, — беспечно рассмеялся он. — Рационализатор системы собственного воспитания — это у нас Ждан.

Вихрастый мальчишка еще раз насмешливо поклонился. Раздались жидкие аплодисменты.

— Если вам захочется куда-то выехать, то договаривайтесь с ним.

Безрадостная перспектива.

— И если к вам в комнату нагрянет какая-нибудь неведомая тварь — тоже, — прыснула в кулачок красавица с косами.

— Остротой языка можете мериться с Белоникой, — не моргнув глазом произнес Вольга. Видимо, уже выработал устойчивость к репликам своих подопечных. — Со всеми

бытовыми нуждами, касающимися вашего пребывания здесь, также можете обращаться к ней.

— Белка, я там, в комнате, немного порушил, — жалобно проныл бровастый мальчишка.

— Я уже почувствовала. Молоток в чулане. Сам порушил — сам и ремонтируй.

— Ну Белочка, ну что тебе стоит, — заканючил ребенок.

— Душевного спокойствия мне это стоит, — фыркнула Белоника. — Снести косяк — это тебе не коза чихнула! У меня вон до сих пор ребро ноет!

— Цыц! — наконец вмешался Вольга. — Горе-открыватель новых путей — это Буреслав.

— Буренка! — показала язык девочка с пухлыми щечками.

— Сама со мной запрочишься, когда я стану в другие страны гулять как в соседнюю комнату!

— Но пока, если Буреслав будет вас куда-то звать, ни за что не соглашайтесь, — не очень деликатно подвел итог Вольга.

— Он и до уборной не всегда может без приключений дойти, — снова не усидела на месте щекастая девочка. — А я Морошка!

— Морошке мы обязаны сегодняшним ужином, — с очевидной теплотой в голосе сказал хозяин дома, — и вообще всем съедобным, что можно найти на кухне.

Щечки девочки заалели от удовольствия.

— Люди, в сущности, как животные — привязываются к тем, кто их кормит, — заметила юная волшебница с узким лицом и тонкими черными косами, похожими на змей.

— А у нас сегодня твой любимый пирог к чаю, — схитрила Морошка.

Чернокосая хмыкнула, но не без удовольствия.

— Любительница пирога с брусникой — Надира, — прокомментировал Вольга, незаметно пытаясь что-то жевать.

— А эта неразлучная тройца — Весень, Лель и Ратко, — нетерпеливо указала Надира на трех парней, один из которых, Ратко, был скорее похож на взрослого здорового мужика. Лукреция едва успевала запоминать. — Иначе мы так до ночи просидим голодными.

— Разумница ты наша, — сладко сказал Лель, будто сошедший со страниц детской сказки о принцах и принцессах.

Надира недовольно отвернулась, но было видно, что она смущена.

Баронесса мысленно пересчитала ребят и повернулась к Вольге:

— Вы, кажется, говорили, что у вас девять воспитанников?

— Есть еще Нина.

— И почему Нина не присоединилась к ужину? Она больна?

Волшебник замялся.

— Она в лесу, — простодушно сказала Морошка.

— Ужинает в лесу? — опешила Лукреция.

— И не только! — радостно подлил масла в огонь Ждан.

— Как так можно обращаться с ребенком? — Пожилая дама даже привстала от возмущения. — Там же могут быть дикие звери!

— Там и есть дикие звери: медведица, стая волков, семейство лис, а уж зайцев и белок не сосчитать, — немедленно согласился Ждан. — Хотите, завтра покажу?

Луcreция схватилась за сердце:

— Вольга!

— Не беспокойтесь так, леди Луcreция. Я же рассказывал, что все мы здесь не совсем обычные люди. Нина, в силу ее природы, большую часть времени проводит вне дома.

— Но там же мороз!

Вольга только развел руками:

— Давайте уже ужинать.

Баронесса села, что-то недовольно бормоча себе под нос. Бормотание было на другом языке, так что только хозяин дома мог порадоваться таким словам, как «варварство» и «преступление».

Еду за столом каждый накладывал себе сам, передавая другому общие блюда. Немного растерянной и рассерженной Луcreции, не привыкшей к отсутствию слуг, помогли сидевшие рядом Белоника и Морошка.

— Так зачем вы к нам приехали? — как бы между делом спросила Белоника, предлагая баронессе попробовать соленья.

— Ваш воспитатель уже сказал: чтобы разобраться с хранилищем, — спокойно ответила пожилая дама, которая при желании могла бы написать три тома о том, как говорить правду и врать одновременно.

Красавица шепнула что-то на ухо Морошке, и девочка, кивнув, предложила гостье салат из папоротника с морковью. Луcreция с интересом попробовала. Кушанье было острым, с каким-то неизвестным соусом, который обволакивал язык и небо. Обволакивал...

— Так с чем конкретно вы будете разбираться в хранилище? — настаивала Белоника.

— Буду искать вора... — Луcreция попыталась закрыть рот и не смогла, — который крадет ваши реликвии.

Пожилая дама с детской растерянностью и обидой оглядела присутствующих. Таких катастрофических оговорок с ней еще не случалось. Баронесса даже похолодела: уж не маразм ли постучался в ее двери?

На лицах подростков были ухмылки. Вольга пил клюквенный морс, будто его это не касалось.

— У нашей Морошки папоротник выходит просто замечательно! — хохотнул Ждан.

— Леди Луcreция, — не унималась Белоника, — а не расскажете ли нам, кто вы такая?

— Меня зовут Луcreция Зоненштадтская. Как частный специалист я работаю по заказам разведки своей страны и других лиц. Мое поле деятельности — это тайны, интриги, заговоры и расследования, — начала говорить Луcreция и никак не могла остановиться, хотя животный ужас охватывал ее все сильнее. — Я дважды вдова. У меня трое детей, восемь внуков и десять правнуков...

Тут Луcreция вскочила и быстрым шагом вышла из столовой, хлопнув на прощанье дверью. Для пожилой дамы это был единственный способ справиться со своим языком, который вдруг стал ей злейшим врагом.

Вольга обнаружил баронессу в спешке пакующей свои сундуки.

— Вы уже покидаете нас? А как же уговор?

— Наш уговор теперь не имеет смысла, — холодно ответила Лукреция. — Они все обо мне знают. Не понимаю, как вам вообще пришло в голову пригласить для решения этой задачи обычного человека? Все расходы на проезд, а также компенсация за причиненное беспокойство остаются за вами. Я напишу вам адрес своего банкира.

— Леди Лукреция, погодите хоть секунду! Ничего катастрофического не произошло! — Вольга попытался отрезать ей путь к сундуку.

— Как это не произошло? Они все знают! Ваши дети лишили меня единственного преимущества!

— Это позволит нам создать такое преимущество, о котором вы и не мечтали!

Баронесса придержала готовые сорваться с языка слова и посмотрела на Вольгу новыми глазами.

— Вы все это спланировали!

— Просто я знаю своих воспитанников лучше, чем кто бы то ни было. С одного хода их не обведешь.

— И что же вы задумали?

— Сейчас, когда их внимание отвлечено на матерую шпионку, баронессу Зоненштадтскую, мы создадим другого персонажа, который не вызовет таких подозрений. — Вольга улыбнулся сладкой улыбкой, от которой у Лукреции по спине побежали мурашки. Сорок лет назад, возможно, эти мурашки были бы от восхищения и трепета, но, когда тебе минуло семьдесят, видишь истинную сущность людей. Мурашки были от недобрых предчувствий.

— Что значит — создадим?

— Не забывайте, что я волшебник.

Вольга поставил баронессу перед зеркалом и заставил закрыть глаза.

— Вы помните себя в юности? До всех этих браков, детей и внуков? — внезапно спросил он. — Не надо открывать глаза. Представьте свое отражение таким, каким оно было тогда. Что вы видите?

— Я худая, — начала припоминать Лукреция, перед мысленным взором которой вдруг предстал давно забытый облик, — и кажусь младше своего возраста. У меня острые колени, ключицы, нос — да практически все.

— А волосы? — подсказал Вольга, вдруг фамильярно, но очень нежно погладив ее по голове.

— Они были цвета ореха. У вас это, кажется, называется светло-русые.

— Глаза?

— Карие — уж явно поярче, чем сейчас.

Волшебник положил ей руки на плечи:

— И ты была такой же строгой и суровой, как сейчас?

— Нет... Я была легкой и беспечной... Я еще не знала, что меня ждет...

— Открывай глаза.

И я открыла глаза.

Голова тут же закружилась: мир вокруг стал резче, четче. Все предметы приобрели объемы и краски. Боже мой!

Что это?!

В зеркале отражалась я — и не я одновременно. Я знала, что мне семнадцать и что я выгляжу именно так. Но при этом помнила, что все это ложь и у меня еще есть целый ворох воспоминаний. Хотя сейчас казалось, что все они мне не подходят, как это жуткое старушечье платье из дорогой материи, бесформенным мешком свисающее с моих худых плеч.

Плеч... Почувствовав на своих плечах чужие руки, я поняла, что Вольга все еще держит меня и только благодаря этому я не оседаю на пол. Выпрямившись, я повернулась к нему и...

О господи!

Да он, оказывается, старый! Сколько ему? Тридцать — не меньше!

Глава 2

ТЕМНАЯ ЛИЧНОСТЬ

Я замерла перед зеркалом, не в силах отвести взгляд от своего отражения: рассматривала гладкую кожу, волосы, руки. Затем начала крутиться, приседать и даже прыгать. Это было обалденно! Я могла двигаться так, как хочу — свободно и без оглядки на голос собственных суставов. Правда, немного смущало, что я стала думать такими категориями, как «обалденно». Если Вольга отмотал назад не только возраст моего тела, но и разума, то у нас намечается катастрофа. Не подумайте, в семнадцать лет я тоже была весьма сообразительна, но совсем не в тех ситуациях, в которых надо.

— А это надолго?

— Сможешь превращаться обратно, когда пожелаешь, главное, чтобы под рукой было зеркало. — Вольга рассматривал меня слишком пристально, с какой-то непонятной заинтересованностью.

— Если бы навсегда, то у вашей двери стояла бы очередь жаждущих немедленного омоложения. — Я внезапно замерла и нахмурилась, наконец осознав, что поменялось в общении с волшебником. — Кстати, а почему вы обращаетесь ко мне на «ты»?

Руки сами нащупали клюку, и я требовательно ею пристукнула. Нет, все же баронесса Зоненштадтская все еще жила во мне, и даже более того — здоровствовала.

— Было бы странно обращаться к несовершеннолетней девочке на «вы», — разумно заметил Вольга. — И устраивать путаницу с этими обращениями не стоит.

— Только не говорите, что собираетесь ввести меня в свою школу в качестве новой ученицы!

Это было бы самым нелепым шагом, который только можно себе вообразить. Второго провала на одном задании я не потерплю!

— Обижаешь, я придумал совсем другую роль. Тебе даже не придется втираться в доверие к моим подопечным — они сами будут рвать тебя на части, еще запросишь пощады.

— Может быть, мне все же стоит о ней знать? Это не игрушки — нужно основательно проработать свою легенду, чтобы не провалиться на какой-нибудь мелочи. — Я вновь назидательно постучала клюкой.

Северянин встал с кровати, на которой все это время крайне невоспитанно восседал, любуясь своим творением, то есть мной. Я бы тоже любовалась, не будь дел поважнее. Но вместо того чтобы серьезно начать обсуждать нашу стратегию, этот фамильярный мужлан обнял меня за плечи и отобрал клюку.

— Ты провалишься не потому, что мы не продумали легенду, а потому, что не вынула отсюда, — он довольно оскорбительно постучал костяшками пальцев по моему лбу, — Лукрецию Зоненштадтскую и не заменила ее маленькой беспечной девочкой.

Да за кого он меня принимает? Чтобы я и не смогла изобразить какую-то девочку?! К вашему сведению, однажды мне пришлось изображать даже мальчика! История не очень приглядная, но с тех пор я с глубоким сочувствием и щедростью отношусь к пажам.

— Как хоть звать будут девочку? — снисходительно спросила я, не опускаясь до того, чтобы оправдываться перед варваром.

— Имя Лукреция, если не ошибаюсь, означает «светлая»? — К счастью, Вольга меня отпустил, а то его прикосновения вызывали какие-то давно позабытые чувства.

— Именно.

— Ну а мы сделаем из тебя темную личность... Он потер подбородок. — Мелания?

— Что означает «темная»? С претензией на остроумие. Не слишком ли для девочки? —

поморщилась я.

— Сокращенно — Лана.

— Сойдет.

Вопрос непринципиальный, Лана так Лана. Придумывать что-то экзотическое для моей неброской внешности было бы нелепо.

— Хорошо. С этим решили. И в чем же будет ходить Лана?

— Женщина есть женщина, — рассмеялся северянин. Похоже, только я подходила ко всей затее ответственно, — хоть в семнадцать, хоть в семьдесят.

— Не разделяю бурного веселья. Ваши подопечные показались мне весьма сообразительными. Думаю, что бархат и фамильные бриллианты на девочке заставят их задуматься.

— На чердаке есть целый шкаф оставленной одежды, я тебе принесу.

— И, Вольга, что нам делать... с баронессой? — Я немного запнулась: говорить о себе в третьем лице было более чем странно.

— Олег.

— Что?

— Ребята зовут меня Олег, на местный манер.

— О господи, сколько же у вас еще имен?

— Хельге, Вольг, Вольгаст, Олько... Всех и не упомнишь, накапливаются, — небрежно бросил волшебник.

Я тоже за свою жизнь пользовалась многими именами, но то были чужие имена. Мне бы и в голову не пришло их копить.

— Так что с баронессой?

— А что с баронессой? Пусть живет. Роемся в хранилище и пристаем к детям.

Ну что за характер! Иногда рядом с Вольгой я казалась себе беспросветной дурой, а иногда, как сейчас, белым человеком, наткнувшимся в лесу на дикаря. Вроде бы и чувствуешь свое превосходство, но дубина в руках туземца сводит его к нулю.

— Вы думаете, никто не заметит, что Лана и Лукреция никогда не появляются вместе?

— Ах, это пустяки! — Волшебник развернулся к зеркалу. Я лишь моргнуть успела, и передо мной уже стояла баронесса Зоненштадтская, оставшаяся лишь в длинной мужской рубаше (штаны рослого Вольги не удержались на худых бедрах). Жалкая и нелепая до безумия — но, несомненно, это была она. Это была я!

Я схватила шаль с кресла и обернула вокруг ее бедер — поверьте, вид старушечьих ног не самое прекрасное зрелище.

— Вы совсем потеряли совесть? — как змея прошипела я, оскорбленная тем, что этот варвар увидел голые ноги Лукреции, мои голые ноги... Или уже не мои, а его? Таких противоречивых чувств мне еще не доводилось испытывать.

— Хах, промашечка вышла, — вдруг сказала лжебаронесса голосом чуть ниже своего обычного. — Прости, не подумал, что выйдет такой конфуз. Я и правда ничего не успел увидеть.

Тут Лукреция Зоненштадтская посмотрела в зеркало и в буквальном смысле покатила со смеху — мне только и оставалось, что успевать придерживать шаль. Ситуация была неутешительной: если Вольга и не успел увидеть ничего сейчас, то обязательно как следует рассмотрит потом, коли уж мы продолжим всю эту затею с превращениями. Не

могу сказать, что для своих семидесяти лет я выглядела ужасно — извечная худоба на закате жизни обернулась неоспоримым плюсом, — но... мое тело — это мое тело. И нечего всяким там варварам его разглядывать и примерять!

— Тебе придется одолжить мне одежду, — отсмеявшись, вполне серьезно сказал волшебник. — Клятвенно обещаю переодеваться с закрытыми глазами.

Я одарила его суровым взглядом, показывая, что не верю в подобные обещания.

Думаете, для меня в новинку одалживать свою одежду мужчинам? Вовсе нет. Например, как-то раз с помощью похожего незатейливого трюка удалось вытащить одного мятежного принца из замковой тюрьмы. Но чтобы одалживать вместе с одеждой и свою внешность — такого еще не было. Тот принц в атласном платье с голубыми цветочками репутацию мне не испортил, скорее наоборот — улучшил. Не знаю, что уж там стало с его собственной. А вот Вольга вполне может выкинуть нечто по-варварски каверзное.

— Вы уверены, что способны изобразить меня и не вызвать при этом серьезных подозрений?

— Да ладно тебе, раздам пару приказаний, сосну часок-другой в кресле, книжку почитаю — никто и не заметит. Ребята все равно не успели познакомиться с баронессой как следует.

Что-то подсказывало, что позора потом не оберешься.

— Превращайтесь уже обратно! — потребовала я. Все же смотреть на себя в мужской рубашке и шали вместо порток было крайне неудобно, а уж тем более обсуждать с эдакой мадам серьезные дела.

Вольга сразу же меня послушался и, не подумав, вернулся в свой родной облик. Затем, сообразив, в чем подвох, попытался удержать на бедрах сползающую шаль. Но было поздно — теперь мы квиты.

— Уже отвернулась! — поспешно сказала я и стала глядеть в окно, главным образом для того, чтобы скрыть ухмылку. Голых мужчин на своем веку я повидала немало, но почему все они кажутся такими забавными?

Интересно, баронесса так же бы улыбалась при виде Вольги без штанов? Нет, только не Лукреция Зоненштадтская! Она бы приподняла брови — не слишком высоко, в рамках приличия, — а потом сухо заметила, что в помещении слишком холодно, чтобы так разоблачаться. Улыбка осталась бы где-то внутри.

— Ты по карнизам лазить умеешь? — внезапно огорошил меня вопросом волшебник.

От удивления я повернулась и, к счастью для Вольги, застала его уже в штанах.

— А что, есть шанс, что придется?

— Не просто шанс, а настойчивая необходимость. — Вольга подошел к окну и, распахнув его, выглянул наружу. В комнату тут же ворвался ледяной воздух.

Я нахмурилась, но тоже высунула голову за подоконник — вдоль всего второго этажа тянулся небольшой резной выступ. Лазать по крышам мне уже худо-бедно приходилось, но при этом они не были покрыты льдом.

— И ради чего я буду рисковать жизнью? — спросила я. Заказчик должен понимать опасность своего задания — глядишь, щедрее будет на оплату.

— Я поселю тебя в соседней комнате. И таким образом можно будет незаметно перебираться из спальни в спальню. — Вольга только слегка постучал пальцем по выступу, как лед буквально осыпался мелкими искрами. Без волшебства тут конечно же не обошлось. Что же он тогда не может двор от сугробов расчистить?

— А по коридору нельзя?

— Заметят. У нас тут постоянное движение.

— А я на цыпочках, — съязвила я, не дав себе труда напомнить северянину, что скрытное перемещение — одна из незыблемых основ моей профессии. Уж что-что, а быть незаметной я умела.

— И проделать дверь между комнатами я не могу, — вздохнул волшебник, так и не заметив шпильки. — Белоника сразу же об этом узнает.

— Почему она и откуда?

— Она хозяйка в этом доме. — Я окончательно запуталась, и Вольге пришлось объяснить: — Не в формальном, а в волшебном смысле. Дом буквально держится на ее чарах — без этого никак, слишком уж он древний. А сейчас из всех моих подопечных именно она самый подходящий для этого человек, ее дар — это в основном волшебство пространства и материи. И сейчас ее чары буквально срослись с этими стенами. Она может их изменять по своему желанию, добавлять комнаты и даже целые этажи, но при этом обязательно почувствует, если кто-то попытается сделать то же самое.

Я выдохнула, не зная, что и сказать.

— Ну нельзя проделать дверь — значит, нельзя.

Тайные свидания с карнизом, ночные прогулки под луной — оказывается, со стороны Вольги было очень предусмотрительно не убирать сугробы во дворе. Первый раз встречаю такого разумного варвара. Да еще с красивыми ногами...

Как же крепко спится в юном теле! Ни мыслей о судьбах мира, ни подсчета собственных расходов и доходов, ни раздумий о том, что неплохо бы побелить потолок и поменять матрас на кровати, ни составления списка дел на завтра, ни мучительных диалогов с самой собой. Просто смыкаешь веки, и — раз! — Вольга трясет тебя за плечо, а за окном занимается рассвет. Я-то думала, глаз не сомкну, размышляя о метаморфозах собственного тела.

Все опасения оправдались: мое представление юным волшебникам в исполнении Вольги превратилось в фарс. Северянин притащил пыльную длиннополую рубаху с разноцветной вышивкой по подолу и, представив эту куцую одежку как платье, заставил в нее переодеться. Сверху пошла лохматая шуба, под весом которой у меня едва не подогнулись колени. А пахло это чудо так, будто предыдущий хозяин (то бишь медведь) был вынужден расстаться с ней не далее третьего дня. Дальше хуже: волшебник засунул меня в здоровенные валенки, в которых плохо сгибались ноги, и потихоньку вывел из дома.

— Прогуляйся пока. — Вольга добродушно хлопнул меня по плечу, отчего я едва не села в снег, и преспокойно вернулся в тепло и уют дома.

Великолепно! Северная галантность может поспорить только с северным вкусом в одежде. Почему бы не оставить меня пережидать в какой-нибудь кладовке? Обязательно надо выставить на мороз!

Чтобы не замерзнуть, я поплелась по плохо расчищенной тропке вглубь сада, через каждые три шага теряя в снегу громоздкие валенки. Добредя до хлипкой ограды, за которой начиналась опушка леса, я внезапно вспомнила рассказы Ждана о волках и медведях. Да уж, дилемма: бродить либо по протоптаным дорожкам, рискуя столкнуться с кем-то из обитателей дома, либо рядом с лесом, где можно встретить уже его обитателей. Волшебникам хоть можно что-то соврать, медведю ври не ври...

— Ты кто такая?

Я вздрогнула, услышав над головой тихий голос, похожий на шелест листьев. Надо мной в ветвях дерева, стоявшего на самой опушке леса, сидела хрупкая девочка в одной льняной рубашке. И как я только не заметила ее с самого начала? Уму непостижимо. Я бы сказала, что старею, если бы не чувствовала здоровый девичий румянец на собственных щеках.

Встреча была настолько необычной, что мне вспомнились старые детские сказки. Если

верить им, то, отдай я сейчас шубу этой лесной фее, она в благодарность обязательно исполнит три моих желания или уж по меньшей мере озолотит. Было бы неплохо, можно было бы уйти на покой.

— Я... — Это надо же было забыть свое новое имя! — Я просто гуляю...

— Тут редко кто гуляет утром в мороз, в шубе и под волшебной, — бесстрастно сообщила девочка.

Мне оставалось только мысленно послать Вольге привет — похоже, и эта его затея на грани провала.

— Кроме тебя? — спросила я, слишком замерзшая для того, чтобы удариться в панику.

— Я без шубы, — так же спокойно ответила незнакомка. — Но да, тоже под волшебной.

Оно и заметно: редкие снежинки даже не таяли на ее коже. Не тот ли это ребенок, которого Вольга держит в лесу и морит голодом?

— А тебе в дом совсем не хочется? — решила спросить я, вдруг горе-воспитатель все же издевается над детьми.

— Нет, — ответила Нина.

Не успела я должным образом удивиться, что вспомнила имя этой девочки, как из-за дерева выглянула волчица и посмотрела на меня внимательными желтыми глазами.

— А тебе в лес разве не хочется? — спросила волчица, широко разевая пасть.

От потрясения я только и смогла, что помотать головой. Нет, не может быть! Наверняка это сказала Нина, а мне просто померещилось.

— Почему? — переспросила девчушка, и, пока я отвлеклась, волков стало уже двое. Лес как будто придвигался все ближе и ближе: вот-вот сомкнет тяжелые ветви над головой. И у этого леса было множество глаз.

Нет, позвольте, вопрос не в том, почему я не хочу жить в зимнем лесу, а в том, почему меня не волнует близкое присутствие двух опасных хищников?!

Я зачерпнула в пригоршню снега и высыпала себе за ворот шубы — лучшего средства от морока не придумаешь. Холодные комья вмиг прогнали по моему позвоночнику кавалерию из мурашек. Я встряхнулась, попрыгала и поплотнее запахнула на себе шубу. Покосилась на волков: раз до этого момента они вели себя спокойно, может, и обойдется.

— Они не укусят?

— Зависит от обстоятельств. — Нина так и не проявила ни одной эмоции. Может, ребенок просто замерз до потери чувствительности? — Кто ты такая и что тут делаешь?

Постепенно до меня стало доходить, что я нарвалась на своеобразного охранника этого дома. А Вольга, конечно, не удосужился ни о чем ее предупредить. Тем временем волки вокруг прибывали, и, судя по вечернему разговору, можно ожидать еще и появления медведя.

Позади раздался скрип тяжелых шагов. Я вздрогнула и повернулась, опасаясь увидеть все что угодно, но, к моему величайшему облегчению, это был Вольга.

— Нина, она своя, не надо ее есть.

Я инстинктивно повернулась к волкам, но волков уже не было — на плече у девочки сидела пушистая белка. Посмотрела на северянина и по его глазам поняла, что это просто неудачная шутка.

— Уже успела понавешать на нее чар, — возмущался волшебник, размахивая руками, будто отряхивал меня от снега, но при этом не касаясь даже меха на шубе.

И странно, с каждым взмахом его руки день как будто бы немного прояснялся, не такими непролазными казались заросли, не такими глубокими тени, да и чувство, что кто-то смотрит тебе в спину голодными глазами, вдруг исчезло.

— Если ты выпустил ее в сад одну — значит, хотел, чтобы я ее напугала, — бесстрастно ответила Нина, почесывая белке брюшко.

Я снова повернулась к Вольге с тем взглядом, от которого он немного покраснел и в смущении позабыл обо всей конспирации.

— Но вы же сами вчера кричали о бедном голодном ребенке, замерзающем в лесу.

— Вы меня с кем-то путаете, — с нажимом ответила я. Если уж кто и испортит этот план с превращениями, то только сам Вольга.

Волшебник покраснел еще сильнее, повернулся к нам спиной, чтобы скрыть это, и, бросив кратко «пойдем в дом!», резво-резво зашагал по снегу. Если бы я была в своем прежнем теле, то обязательно обозвала бы его мальчишкой. Сейчас в голове крутилось «идиот». Старость определенно делает людей снисходительнее.

— Надеюсь, вы придумали способ, который позволит мне с ними общаться. Вы же знаете, какими неприветливыми могут быть к чужакам подростки.

— Не беспокойся, я придумал такое, что ты будешь молиться о равнодушии с их стороны.

Прозвучало угрожающе.

Я приготовилась выслушать очередной сумасбродный план, но волшебник подхватил меня под локоть и потащил к двери в столовую.

— Вольга, подождите, а как же моя легенда? — взмолилась я, поняв, что знакомство состоится безо всякой предварительной подготовки.

— Никому ничего не говори — вот твоя легенда, — отрезал северянин и протолкнул меня в дверь.

Я довольно резво выскочила в столовую, путаясь длинными худыми ногами в подоле рубахи, и, когда уже почти справилась с неуклюжим телом отроковицы, умудрилась запнуться о чью-то непредусмотрительно выставленную ногу. Отчаянный взмах руками дела не поправил — я полетела вниз. Радовало только то, что, глядя на мои кульбиты, Вольга, возможно, передумает заставлять меня лазить по карнизам. Как ни странно, падать я не боялась: это в семьдесят любое неосторожное движение грозит переломом шейки бедра, а в семнадцать разве что синяк останется. Но падать и не пришлось. Чьи-то заботливые руки подхватили меня и поставили вертикально. Подняв голову, я встретилась взглядом с глазами цвета ляпис-лазури. Как-то раз я прочла нечто подобное в одном из романов, которыми увлекается моя младшая внучка, потом долго смеялась, зачитывая цитаты вслух. Почему-то вслух эти истории звучали в три раза смешнее, чем прочитанные про себя.

И вот сейчас, когда Лель, такой красивый и неземной, смотрел на меня в ожидании обычного девичьего трепета, я не выдержала и тоже рассмеялась. Нет, конечно, девичий трепет был — молодой организм не обманешь одними саркастическими размышлениями, но ситуация показалась крайне комичной.

Красавец опешил, лицо его вытянулось, разрушив чарующий облик, и я увидела перед собой обыкновенного растерянного юнца.

— Спасибо. Извини, что засмеялась: просто, судя по твоему лицу, ты ожидал, что спас принцессу.

— Так я и спас, — тут же вернулся в роль Лель, схватил мою руку и попытался запечатлеть на ней незабываемый поцелуй.

Прежде чем я успела сообразить, что делаю, моя свободная рука ударила лъстеца по лбу.

Небольшо, но довольно обидно. Видимо, это была мышечная память: всего месяц назад я поступала так с придворными подхалимами. Вот только если подобные действия прощались эксцентричной пожилой даме, то для молодой девушки были крайне агрессивными. Видно, с Лелем так еще никто не обращался, он покраснел до корней волос и резко отошел от меня в сторону. Мужское самолюбие — вообще штука ранимая, а уж в молодости и подавно. Ничего, пару раз потом томно вздохну в его сторону, чтобы юноша не терял веры в себя.

— Олег, если это твоя новая подопечная, то она мне уже нравится, — заявила Белоника, которая едва сдерживала смех.

Надира только презрительно хмыкнула.

— Не-не-не, — вмешался Ждан. — Наглая она какая-то. Девушки не должны быть наглыми, они должны быть...

— Нежными, кроткими и проводить все свое время на кухне? — опередила его Белоника.

— Что в этом плохого?

— Лана не моя новая подопечная, — вклинился Вольга, пока не успел разгореться спор. — Она — задание для вашего выпускного экзамена.

— Что?

— В смысле?

— Правда?

Круг юных волшебников вокруг меня начал медленно, но неумолимо сужаться. Ну спасибо, Вольга, удружил. Еще секунда — и они начнут, как в зверинце, тянуть ко мне руки, чтобы потрогать. Дети, никогда не тяните свои нежные мягкие конечности к незнакомому животному — мало ли, может, оно еще не обедало.

— На Лану наложено заклятие. Тот, кто сможет вернуть ей истинный облик, получит знак полноправного волшебника и будет свободен уйти отсюда, — провозгласил довольный хозяин дома. Я невольно съезжилась и попыталась спрятаться за широкую спину северянина, но он неумолимо продолжал ставить под угрозу им же придуманную легенду. — Мелании запрещено рассказывать вам о себе. Если вы попытаетесь выведать что-то против ее воли, задание не только не будет засчитано, но я еще и обещаю наказание за нарушение правил задания. Помимо этого условия вы можете использовать любые чары, которые не повредят ее телесному или умственному состоянию. У меня все — начинайте знакомиться. Белоника, подготовь для девушки комнату рядом с комнатой баронессы.

На этом Вольга закончил мое представление — и был таков. Я осталась наедине с толпой волшебников-недоучек, жаждущих испытать на мне свои силы.

— Чур, я первый, — схватил меня за рукав Лель. И на этот раз в его обращении не было и тени флирта, теперь я была для него лишь подопытным кроликом.

— Нет, это мне Олег велел показать ей комнату! — Белоника положила руку мне на плечо.

— Пойдем, я угощу тебя пирожками, — дергала подол моей юбки Морошка.

Похоже, я и вправду зря опасалась, что меня будут игнорировать. Не разорвали бы на части.

Глава 3

ПРИТВОРЩИЦА И ДЕСЯТЬ ВОЛШЕБНИКОВ

— Руки! — грозно сказала я, поняв, что как минимум четыре ладони держат меня за одежду. И кто поручится, что все они чистые? Дети есть дети. В моих наипервейших интересах организовать эту толпу внезапно образовавшихся поклонников, иначе не будет ни одной свободной минуты. Юная поросль станет передавать меня из рук в руки не хуже опытных филеров, ведущих иностранную агентку. — Пусть все занимаются мной по очереди!

Несколько потрясенные смелостью незнакомки, дети отпрянули. Наверняка не ждали такого напора от худышки. Ничего, они еще будут желать мне спокойной ночи в строго указанный час и в установленном порядке. Иначе же никакой жизни нет — поверьте женщине с сумасшедшей профессией, умудрившейся вырастить своих детей.

— Но как же? — возразил Ждан. — У первых будет преимущество! Да и как решать-то?

— Вы еще подеритесь, — подначила я, чем только увеличила неприязнь паренька. — Вот ты, лохматый, можешь меня прямо сейчас расколдовать? Ну давай, не стесняйся! Я жду!

— Ничего я не лохматый. — Ждан пригладил свои непослушные вихры.

— Лохматый-лохматый! — Я уже примерила на себя роль вспыльчивого подростка и с удовольствием ее разыгрывала.

— А может, принц крови попытается? — Мой палец указал на Леля. — Или ты, малявка?

Морошка грустно покачала головой.

— Что, сдулись, сдулись, да?! Только и можете, что языками болтать да за руки хватать! — Тут я поняла, что логичный финал у всей этой крайне эмоциональной тирады может быть только один, и вдруг резко всхлипнула, а потом и вовсе разревелась.

Как и следовало ожидать, мальчики тут же стушевались и постарались отойти в сторонку, девочки принялись утешать, даже Надира принесла стакан воды.

— Ну тише, тише, — гладила меня по голове Белоника. Липкая пятерня Морошки лежала на моем плече, но больше никто не хватал меня и не тянул в разные стороны — в наших отношениях с волшебниками наметился прогресс. — Все будет хорошо. Мы со всем разберемся.

— А хочешь, я тебе пряников принесу? С маком, — вторила ей Морошка, видно лечившая всех и вся своей стряпней.

Я с энтузиазмом закивала, потому что с раннего утра у меня не было крошки во рту, а молодой организм требовал свое.

— По-моему, на этот раз Олег зашел слишком далеко! — Белоника внезапно вскинула голову и обвела глазами всех присутствующих. — Одно дело — просить зачаровать толпу или вовсе лишит нас магии в качестве экзамена, а тут живой человек страдает!

— Мы еще не знаем, человек ли она, — с некоторым подозрением посмотрел на меня Ждан.

— Ну да, ну да. Снимем чары — а там кикимора! — поддержал его Лель, которого такой поворот событий вполне устроил бы, так как объяснял мое непростительное равнодушие.

— Или принцесса, — ядовито заметила Надира, — за спасение которой в награду обещано полкоролевства. Вот ты локти потом кусать будешь.

— Нет, а прикиньте, что она вообще мужик! — вдруг вклинился Буреслав, фантазия которого работала более изощренно.

— А ты правда мужчина? — наивно спросила Морошка, вернувшаяся с обещанным пряником.

Прежде чем я успела помотать головой, впервые на моей памяти голос подал Ратко, который и сам выглядел как заколдованный подросток, коварно превращенный в портового грузчика.

— Эй, слышь, добрый молодец, силушкой померимся, а?

Я едва не подавилась пряником.

— Ну будет тебе! — расхохотался верзила, видя мой неподдельный испуг. — Я ж не про сейчас, а когда расколдуют.

— Между прочим, — голос Надиры резал воздух, как нож, — Олег запретил нам ее расспрашивать.

— Так мы ж не расспрашиваем, а предполагаем, — пожал плечами Ждан.

— Помогает? — Сарказм был практически осязаем. Я мысленно аплодировала девочке — лучшей защитницы и не придумаешь, надо будет подружиться.

В этот момент открылась дверь и вошел Вольга. Вернее, вошла баронесса Зоненштадтская, но, поскольку я была точно уверена, что баронесса — это я, другие варианты не рассматривались.

В том, что волшебник сейчас предстал в моем теле, был неоспоримый плюс. Я-то все голову ломала, как появиться перед обитателями дома после вчерашнего сокрушительного фиаско и при этом не потерять лица. А тут за меня это сделает человек, и в собственном-то теле не испытывающий особого стыда и мук уязвленного самолюбия. Ах, если бы в прошлые годы жизни у меня был подобный дублер!

— Доброе утро! — провозгласила пожилая дама и окинула всех таким взглядом, будто каждый, кто рискнет не вернуть приветствие, будет сожжен заживо.

Дети зашелестели в ответ, словно класс перед строгой учительницей. О боже, боже, неужели я так смотрюсь со стороны? Это же просто восхитительно! Хотя нет, наверняка я смотрюсь лучше, ведь я же оригинал, а Вольга лишь пародия.

— Я понимаю, что хозяина дома здесь нет, но неужели никто из присутствующих не поинтересуется, как спалось госте? — продолжала важная старуха.

Вольга выбрал темно-серое платье из моего гардероба. Надо будет сказать ему, что надевать утром бриллианты — дурной вкус.

— И как же вам спалось? — успела я вперед всех, рискнув поговорить с самой собой.

— Весьма прескверно. Если не ошибаюсь, вчера вас тут не было? Уж не та ли вы дикая девочка, что живет в лесу вместе с волками?

— Не та.

— Дикая девочка — это, наверно, я, — невозмутимо заметила Нина, шлепая босыми ногами мимо баронессы.

Вольга в облике пожилой аристократки приподнял брови, очень похоже скопировав меня, но вместо того, чтобы прямо возмутиться тем, что Нина ходит без обуви, уклончиво спросил:

— Дорогая, по вашим следам я вижу, что вы были на улице. Как там погода?

— Ветрено, — ответила Нина, полностью пропустив намек. Девочка уселась за стол, всем видом показывая, что пришла сюда исключительно ради завтрака, а никак не ради нашей теплой компании.

— Олег дал нам новое задание, — сообщил ей Ратко, хотя она ни о чем и не спрашивала. — Ты снова все пропустила.

— Мне это неинтересно. Я могу уйти отсюда в любой момент, но пока не собираюсь.

— Отлично! — с энтузиазмом разорвал повисшую паузу Буреслав. — Значит, в очереди ты не участвуешь. Как будем определять последовательность?

— Последовательность чего? — поинтересовалась баронесса.

— Завтрака, — немедленно вклинился Ждан, чтобы потом насладиться всеобщим хохотом и вытянувшимся лицом Лукреции Зоненштадтской. Нужно признать, что Вольга держался молодцом и ничем себя не выдавал.

Отсмеявшись, Белоника поспешила разъяснить ситуацию, ибо пожилая дама уже открыла рот, чтобы разразиться гневной тирадой.

Когда возникшее недоразумение разрешилось, фальшивая баронесса с таким же фальшивым сочувствием положила мне руку на плечо, но вместо ожидаемого «все будет хорошо», я услышала:

— Детонька, на вашем месте я бы бежала отсюда, пока не поздно. Ваш внешний вид не так страшен по сравнению с тем, что могут сделать с вами эти молодые люди. Доживать век в теле старой жабы будет еще хуже — уж поверьте мне на слово.

Я отшатнулась. Всем, конечно, показалось, что от испуга. Но на самом деле от возмущения. Да как смел этот невоспитанный варвар произнести такое! Да еще прямо мне в лицо!

Девочки снова принялись успокаивать меня, уверяя, что все будет хорошо и ни в какую жабу никто меня не превратит, а если и превратит, то тут же вернет прежний облик обратно. Баронесса ухмылялась. Улыбкой нахального северянина Вольги.

— Ну, раз так, — не унималась пожилая гостя, — позвольте мне спросить, есть ли кто-нибудь, кто хочет быть первым в этой очереди?

Кое-кто из волшебников дернулся было выйти вперед, но вдруг передумал.

— Я так и подозревала, — удовлетворенно сказала лже-Лукреция.

Действительно, зачарованный объект (то есть я) был совершенно не изучен. И когда первый азарт прошел, дети успели подумать, стоило ли тратить впустую свою первую попытку расколдовать нечто неизвестное? Или лучше сначала присмотреться и составить план действий?

— Ну-ка, детка, назови любое число, — кивнула мне баронесса.

— Восемь, — сказала я, скосив глаза на часы, потому что привыкла завтракать на час раньше.

Лже-Лукреция сухим морщинистым пальчиком принялась считать детей и на счете «восемь» указала на Белонику.

— Ты первая! — безапелляционно заявила она.

— Кто вам дал право решать? — справедливо возмутилась девушка. — Пусть уж лучше это делает Олег!

Пожилая дама с прищуром оглядела присутствующих.

— Я не вижу, чтобы кто-то еще был против.

Дети хитро переглядывались — всех, кроме Белоники, выбор устраивал. Я мысленно поаплодировала находчивости Вольги.

— Ну хорошо, но следующего вы назовете только завтра утром, — выдвинула встречное требование красавица. — Так будет честнее.

Вот тут заволновались остальные: никому не хотелось узнавать об испытании только утром того же дня.

Баронесса не обратила ни малейшего внимания на эти волнения и торжественно уселась

за стол.

— Мне неловко спрашивать, — спокойно произнесла она, — но есть ли на Севере обычай принимать пищу по утрам?

Вот прямо с губ сорвала вопрос.

Удивительно, но завтрак проходил в молчании. Кто-то, как я, был слишком голоден, чтобы разговаривать, кто-то слишком занят своими мыслями.

Тишину и звяканье ложек внезапно нарушил Ждан, искоса посмотревший на баронессу:

— Ребят, а она живая?

Пожилая дама уронила голову на грудь и не сказать чтобы дышала.

— Деточка, только убедившись, что я мертва, можно было задать такой нетактичный вопрос. — Лже-Лукреция приоткрыла веки.

Я нервно хихикнула. По-моему, тут Вольга переигрывал.

— Я же из самых добрых побуждений, — возмутился вихрастый.

Баронесса внезапно встала.

— Если хозяин дома так занят, что не может выйти к завтраку, то я прошу меня извинить.

— Как думаете, обиделась? — наивно спросил Ждан, когда гостя вышла из комнаты.

— А кто она такая? — еще более наивно спросила я.

— Шпиёнка, — угрожающе прошипел Ждан.

— Иностранная? — прикрыла я рот ладонью.

— А как же! Других не держим!

— И за кем она шпионит?

— За кем? За нами, конечно! Тут кто-то из кладовки увел кожаный реме...

— Только пока она больше спит, чем шпионит, — перебила Белоника. — Ждан, раз уж она тебе так нравится, возьми над старушкой шефство?

— Да запросто! — с энтузиазмом пообещал вихрастый.

Я приуныла.

Дверь в столовую приоткрылась, и все подобралось на случай, если это вернулась леди Лукреция. Но вместо нее в дверь просунул нос Вольга, уже сменивший облик на свой собственный.

— Старушка уже ушла? — спросил этот непревзойденный лицемер.

Дети так же заговорщически кивнули ему в ответ. Только тогда их воспитатель соизволил просочиться в дверь целиком.

— Чей там купчина топчется у дверей? — спросил Вольга, усаживаясь за стол и накладывая себе в тарелку каши, как будто только что не проглотил порцию в образе баронессы.

— Ой! — Белоника вскочила из-за стола. — А Нина куда делась?

За едой и разговорами никто не заметил, как лесной ребенок растворился в пространстве.

— Ну знамо куда! — пискнула Морощка. — Хорошо, я ей успела пирожок в карман

положить.

— Она бы и так взяла, — сообщила Надира, — говорит, что лисам они очень нравятся.

Белоника была уже у самой двери, когда ее окликнул Ждан:

— Белка, а ты ничего не забыла?

— Что еще?

Паренек молча указал сверху пальцем на мою макушку:

— Это на сегодня твое.

Красавица некрасиво чертыхнулась, вернулась, схватила меня за рукав и потянула за собой к двери. Никто даже не удосужился спросить, закончила ли я завтракать. Только Вольга заметил нам вслед:

— Я вижу, вы уже со всем разобрались, — и пододвинул к себе корзинку с калачами.

На заметном снегом крыльце действительно топтался дородный человек в богатом тулупе и шапке, отороченной мехом куницы.

— Доброго утра, кудесница! — пробасил он при виде Белоники и покосился на меня, снова облаченную в гигантскую шубу и валенки до колена. — Вот пришел, как уговорено. Дом готов, плата при мне.

Посетитель вынул из-за пояса кожаный кошель.

— После отдашь, — бросила Белоника.

— Как это после? — удивился толстосум и с подозрением произнес: — Все мастера всегда деньгу берут заранее. А ну как обманет заказчик?

— Рискнешь обмануть волшебницу? — усмехнулась девушка.

— И то, — крикнул посетитель. — Ну что? У меня там саночки у ворот дожидаются — домчу с удобством.

— Обратнo домчишь, — отрезала Белоника и почему-то с неодобрением покосилась на его кунью шапку. — Я сейчас помощницу свою найду и приду, ты пока место огорода да охранников поставь, чтоб ни один зевака не пролез.

— Уже-уже! А мне посмотреть можно? Ну хоть одним глазком, я не помешаю.

— Ты в уме остаться хочешь? Я смотреть только дуракам разрешаю — им без ума остаться нестрашно.

Купец крикнул во второй раз и заторопился по дорожке к воротам, на ходу выкрикивая:

— Ну так я жду!

— За что он тебе деньги предлагал и почему ты сейчас не взяла? — спросила я, когда проситель оказался уже в санях.

— Да вот Силантий Фомич дом себе новый отстроил и просил украсить так, чтоб ни у кого больше такого не было. Волшебством похвастаться хочет — мрамором да гобеленами кого сейчас удивишь? — Волшебница скорчила на румянem личике гримаску. — А что не взяла, так это еще неизвестно, чем оно все обернется. Кудесница я только так, по названию. Пойдем Нину искать. И догадался же этот боров кунью шапку надеть! Так бы сейчас в саночках поехали. Нинка, если такое увидит, враз и без шапки, и без головы дурака оставит!

— А что не так с шапкой? — поинтересовалась я.

— Да пропали у нее из леса несколько куниц, теперь мы все ходим под подозрением.

Глава 4

КРАСОТА И ВОЛШЕБСТВО

Белоника плыла по улице павою — яркий платок, сверкающие бисером сапожки, на плечах лисья шубка, через мех которой все равно заметно, что стан у девки тонкий, грудь высокая, а бедра крутые. Ими-то она и покачивала так, как может только красавица, крепко уверенная в своей красоте. Толстые светлые косы двигались как два маятника где-то на уровне ягод. Алые ленты на концах — завершающий штрих для тех, кто до сих пор так и не понял, куда надо смотреть.

Парни да мужики сворачивали шеи вслед такой лебеди и абсолютно не замечали плетущихся за ней цыплят — меня и Нину.

— Эй, красавица, щечки твои словно наливные яблочки. Где взяла такие?

— Милая, а пойдем со мной на санках кататься! Нынче парни с девками за заставой собираются костер жечь, хороводы водить!

— Ишь выступает! Небось приворот на себя наложила, чтоб мужики слюни пускали, а сама горбунья страшная. Ты, Анисеевна, сынка-то своего уведи.

— Эй, ласточка, а зайди к нам и подружек своих пригласи — я вас медом да пряниками угощу!

— Пряниками он угостит! Во двор пошел! Дров в доме нет! Усы едва отросли, а туда же, женихаться!

— Ну мам!

— Не мамкай мне тут.

Так мы продвигались улица за улицей. Белоника была абсолютно невозмутима, только изредка изгибались широкие брови да в усмешке подрагивали уголки алых губ.

— Как ты это терпишь? — не выдержала я, когда очередной галантный кавалер пригласил волшебницу «на крылечко вечерять», что бы это ни означало.

— Так ты, значит, нездешняя? — Красавица бросила на меня цепкий взгляд, и я с досады прикусила губу. — Это они мне не в обиду, а в уважение. Где же видано, чтобы красивая девка в полной тишине прошла по улице? Тут у нас каждый двор соревнуется, кто кого перекричит. А если не окликают со двора — значит, дом пустой, обиженный, раз ни одного сына в семье.

Я без всякого сожаления подумала, что помимо весьма неопределенного приглашения на пряники ни мне, ни Нине никто доброго слова не сказал.

— А если ты вот возьмешь и согласишься «вечерять» или на санках кататься? — полюбопытствовала я.

Белоника засмеялась — видно, такой вариант в голову девушке не приходил.

— Наверное, парни сильно удивятся. Так просто соглашаться не принято. Да и предложения делаются не для того, чтобы я согласилась, а ради самого предложения.

— И жены их, наверно, будут против, — буркнула я.

— Нет, женатые так себя не ведут. Будь муж хоть юнцом зеленым, а все же глава семьи, несолидно.

— Солидно не солидно, а сластолюбцев на пяток дворов по одному, — отрезала я и снова удостоилась пристального взгляда. Да, наверно, странно было слышать такое из уст голенастой девчонки. Надо срочно исправлять положение. — Зачем тебе Нина?

Вопрос был вполне естественным, если вспомнить, что нам понадобилось не меньше четверти часа, чтобы выманить дикарку из леса. Теперь она плелась следом с

неприкаянным видом, заглядывая в глаза всем встречным лошадям, собакам и кошкам, чем привлекала не меньше внимания, нежели Белоника.

— Силантий Фомич жаждет украшений для своего дома. Дом я могу изменить, а вот придумать сами изменения — увы! — Красавица развела руками.

— А Нина, значит, может?

— Ей и придумывать не надо, она просто видит красоту там, где не видят другие.

«Как и все художники», — подумала я, но вслух высказываться не стала, и так уже непонятно, что обо мне думает Белоника.

— А когда ты меня расколдовываешь будешь? — Отчего-то представлялся страшный обряд с кровью и перьями.

— А я не буду.

— Почему? — неподдельно возмутилась я.

— Ну, потому что не смогу. Это задание совсем не для моего волшебства. Олег, конечно, знал об этом, когда его давал. Так что даже не буду пытаться.

— Ты сдаешься, даже не попробовав?

— Не люблю зря тратить силы, — легко ответила Белоника.

— А кто тогда сможет? — полюбопытствовала я, намереваясь держаться от этих волшебников на достаточном удалении.

— Весень или Лель. Это и понятно: они давно здесь, им пора уходить. Может быть, смогли бы Надира и Морошка — лет через пять, правда.

— Я не хочу так ходить пять лет!

— Тише... — Белоника нежно погладила меня по голове. — Уверена, если мы не справимся за пару недель, Олег сам снимет с тебя чары.

Было так непривычно ощущать чью-то руку у себя на макушке — будто я снова стала маленькой и беззащитной.

В только что отстроенном доме купца чудесно пахло деревом и известкой. И хотя ни в самом доме, ни в саду не было ни души, за забором толпились любопытные горожане, а те, кто посмелее, так и вовсе висели на калитке. Когда за нами закрылась дверь, я вздохнула с облегчением, потому что в толпе внезапно начались обсуждения, не новая ли волшебница появилась в доме на Калиновой улице, да как бы испытать, на что эта чародейка способна. Сейчас только таких вот народных испытальщиков не хватало в компанию к пробующим на мне свои чары волшебникам-недоучкам.

Белоника тем временем обходила комнаты, расположенные в тщательно продуманном порядке. Девушка трогала руками стены, полы и окна, прижималась щекой к широким перилам, будто вслушиваясь во что-то внутри самого строения. Нина же, как мы вошли, сразу уселась на пол в первой же комнате, да так и не двигалась с места, будто погруженная в транс.

У меня возникал только один вопрос. Что здесь делаю я? Если Белоника не собиралась надо мной колдовать, то зачем потащила меня к этому купцу? Подышать свежим воздухом? Или слоняться вместе с ней по пустым комнатам? Странная девушка, себе на уме. Могла ли она выносить волшебные предметы из хранилища? Тут возникало еще два дополнительных вопроса: как и зачем? На этот предмет следовало попытаться всех воспитанников Вольги поочередно.

Вопрос «как?» в отношении Белоники следовало пока отложить: я еще не видела ее волшебства, но ждать теперь недолго. Оставался вопрос «зачем?». Очень маловероятно, что на продажу. Еще в первый день я обратила внимание, что красавица одета богаче

всех волшебников, включая самого Вольгу. А сейчас, вспоминая толстенный кошель, который купец предлагал за работу, могу быть вполне уверена, что деньги на свои наряды она заработала честным путем. Красть магические предметы ради их магии? Тоже сомнительно — слишком уж трезво она рассуждала о собственных способностях. А вот отказ Белки пробовать свои силы, чтобы расколдовать меня, — это уже интересно. Успешное выполнение задания Вольги влекло за собой выпуск из этой своеобразной школы и соответственно потерю доступа к хранилищу. Не поэтому ли волшебница даже не пыталась помочь мне? Может, ей нужно было оставаться в доме на Калиновой улице?

Должна ли я теперь подозревать всех, кто откажется пробовать свое волшебство на мне? Я посмотрела на Нину, которая все еще неподвижно сидела посреди комнаты, — вот эта девочка точно откажется. Что ей до каких-то там заданий? И представить, что она обворовывает хранилище, я тоже пока не могла. Хотя жизнь неизменно доказывает, что люди вовсе не такие, какими кажутся на первый взгляд. Волшебники тоже люди. Или нет?

— Лана! — Голос Белоники заставил моего внутреннего сыщика умолкнуть. — Подойди сюда, будь добра.

Я осторожно вошла в пустое, немного вытянутое помещение, которое впоследствии должно было превратиться в столовую, или трапезную, как здесь иногда говорили.

— Можно я на тебе попрактикуюсь? — несколько бесцеремонно спросила красавица.

— То есть рисковать Ниной ты не хочешь? — уточнила я, шутя лишь наполовину.

Белка рассмеялась, показывая жемчужные зубки.

— А наивной тебя не назовешь! Могу поспорить, потом окажется, что ты гораздо старше нас. — К счастью, она не ждала от меня ответа. — Домом не хочу рисковать. Вряд ли ты придумаешь что-то опаснее, чем это могла бы сделать Нина.

— В каком смысле?

— Иди сюда и дай мне руку.

Я послушалась, раз уж моей безопасности ничто не угрожало.

— А теперь вспомни какую-нибудь красивую комнату, украшенную рисунком или орнаментом. Пусть она стоит перед твоим мысленным взором, — попросила Белоника.

Я почему-то представила охотничий зал в своем фамильном замке: на потолке сложный узор из переплетающихся копий, стрел и лент, канделябры щеголяют клыками, а все балки и стенные выступы стоят будто бы на когтистых лапах. Зал возник передо мной настолько явно, что, увлекшись воспоминаниями, я не сразу обратила внимание на происходящее вокруг.

А происходило странное, стены будто колебались, шли зыбкой рябью. И постепенно пространство вокруг стало меняться: появились неглубокие ниши, очень похожие на те, в которых в моем замке вешали рога убитых на охоте животных. На потолке же, наоборот, сформировался выступ, рельеф которого долго перестраивался, пока не начал превращаться в рисунок копий и стрел, будто подсмотренный из моей памяти. Хотя почему — будто? Уверена, что именно этим и занималась Белоника — создавала подобие убранства зала из моих воспоминаний. Пусть это и не была точная копия, но любой, кто видел оба помещения, сказал бы, что над ними поработал один мастер. Когда над окнами проросли клыкастые пасти, а у всех столбов появились когти, волшебница сочла свою работу законченной и отпустила мою руку.

— Лель удивится, если ты окажешься не принцессой, а дочкой людоеда, — оценила она результат.

И надо сказать, обстоятельства для такого иронического замечания были самыми подходящими. То, что казалось вполне уместным в охотничьем зале замка, в столовой купеческого дома выглядело так, будто здесь действительно трапезничала семья людоедов. И почему мне не пришло в голову представить летнюю веранду в королевском дворце? Гроздь винограда и стилизованные кувшины возбуждали бы аппетит гораздо

сильнее.

— Это теперь так и останется? — осторожно спросила я, предвидя бурный восторг купца-заказчика.

— Нет, развеется, если не закреплять форму.

И действительно, стены вновь пошли рябью, а спустя пять минут приняли свой прежний вид.

— Ты отдохни теперь, мы быстро справимся, — обратилась ко мне Белоника и, выглянув из столовой, позвала: — Нина, давай поработаем! Потом я схожу с тобой на базар за салом, семечками и солью для твоих зверушек.

Я все же осталась неподалеку от Белоники, чтобы посмотреть, как выглядит ее волшебство со стороны. Но когда юные волшебницы взяли за руки, это было совсем не похоже на то, что случилось со мной. Воздух наэлектризовался, словно перед грозой. Я смотрела на две абсолютно неподвижные фигуры и не понимала, отчего у меня по коже бегают мурашки и встают дыбом волосы на затылке. Наконец стены заколебались, но вместо привычных орнаментов или рисунков на них стали проступать натуральные очертания листьев, ветвей деревьев, по столбам начали карабкаться вьюнки.

Я развернулась, пытаясь успеть за разбегающимися по всем поверхностям контурами растений. Вот над входом появился дуб, каждый листик виден отчетливо и так реально, как не сделает ни один мастер; в кроне примостились две пичуги и белка — точно изваянная по подобию Нининой рыжей подружки. Из столовой в коридор тянутся травы, среди них есть знакомые — осока, крапива, лебеда. По стенам ползет хмель с пузатыми наливными шишечками, завивается, образуя причудливые узоры. Я вышла из столовой и как зачарованная взбежала по лестнице, перила которой уже увивал дикий виноград. На втором этаже в маленькой уютной комнате по стенам тянулись розы, в них можно было заметить тончайшие силуэты бабочек и стрекоз — здесь поселилось лето. В соседней спальне качались березы; их изящные сережки ласково свисали над нишей, где когда-нибудь хозяин поставит свою кровать.

Охваченная каким-то странным ликованием, я носилась по второму этажу, распахивая двери в комнаты: вот тут кленовые листья, здесь почти голые стены сверху, но от пола до уровня пояса стоят выпуклые колосья пшеницы; а здесь плетется малина или ежевика. Вспомнив, что осмотрела не все помещения на первом этаже, я снова спустилась вниз. И в этот момент дом заскрипел, протяжно и как-то зловеще.

Любому ребенку с детства известно, что, если в сказке творится какое-то доброе волшебство, никаких зловещих скрипов быть не должно. Максимум — щебетание восторженных птичек. Послышался еще один скрип и как бы приглушенный стон, шедший глубоко из-под земли. Понимая, что творится нечто непредусмотренное, я со всех ног влетела обратно в столовую. Мои девочки все так же стояли, взявшись за руки, только вот лицо Белоники было блее снега, а на высоком лбу и вокруг губ выступили бисеринки пота. Рука, за которую ее держала Нина, была напряжена, будто от огромных усилий, прилагаемых, чтобы вырваться из хватки маленьких пальцев. Но эта сцена заняла меня лишь на секунду, потому что со стенами происходило жуткое. Деревья, которые раньше проступали лишь изящным рельефом, вдруг стали выпуклыми и буквально сдавливали небольшую столовую. Их корни и вовсе утратили художественную нереальность, они выпирали из стен, впивались в доски пола и уходили куда-то вглубь. Дом трещал, стонал и рос. Дикий виноград, что лишь минуту назад был только резьбой на перилах лестницы, вдруг приобрел объем, переполз по ступеням и гибкими плетями потянулся по полу к моим ногам. Я в ужасе отпрыгнула и тут же попала в цепкие объятия хмеля, который уже отделился от стены и стал настолько реальным, насколько это было вообще возможно.

Неожиданно Белоника дернулась и каким-то сдавленным голосом позвала:

— Олег!

«Ага, как же, прибежит он!» — со злостью подумала я, уверенно наступая валенками на

тянущиеся ко мне корни и стебли. Добравшись до стоявших посреди столовой девочек — а для этого мне пришлось ободрать листья какому-то чересчур наглому кусту (это посреди зимы-то!), — я взяла крепко сомкнутые руки волшебниц и просто разъединила их. При этом раздался резкий щелчок, и что-то наподобие исполинских мурашек пронеслось по моему телу от макушки до самых пяток. Незадачливые украшательницы палат повалились на пол, а агрессивная флора на стенах резко поменяла свою политику, прекратив попытки утащить меня в неизвестную даль.

Да, я была несправедлива к Вольге. Северянин появился буквально через несколько минут, так что моя роль спасительницы немного померкла от сознания того, что за волшебницами все же присматривали. Интересно, он бежал? Хотя не похоже, да и не добежишь до центра города с самой окраины. Я с интересом уставилась на прибывшую скорую помощь, гадая, что будет дальше.

Первым делом Вольга оценил обстановку и немного расслабился, поняв, что немедленного вмешательства не требуется. «Сейчас начнет ругаться и раздавать наказания», — подумала я. И снова оказалась не права.

— Белоника! — требовательно начал он. — Что ты сделала не так?

Увидев Вольгу, волшебница вспыхнула.

— Недоценила силы, — с досадой и мучительным стыдом ответила девушка.

— Конкретнее.

— Я слабее Нины! — почти выкрикнула красавица, едва не плача.

— Еще конкретнее.

Несчастливая недоуменно захлопала глазами, моментально забыв о слезах.

— Нина? — перевел взгляд наставник.

— Она слабее в живом волшебстве, — без тени раскаяния ответило маленькое чудовище, которое только что чуть не разрушило дом до основания.

— Но я не занимаюсь волшебством живого!

— Зато я занимаюсь, — отрезала Нина. — Мы были на стыке.

— И я не смогла тебя сдержать? — с ноткой понимания в голосе спросила Белоника и вдруг успокоилась.

«Дикая» девочка кивнула.

— Хорошо, — одобрил Вольга, хотя стоял посреди хаоса торчащих из стен ветвей, корней и побегов. Понятия о хорошем положении дел у нас были разные.

Я кашлянула, привлекая общее внимание.

— Скоро купец придет.

Удивительно, что пришлось указывать им на такой очевидный факт.

Вольга огляделся еще раз и будто только сейчас заметил, что интерьер не отвечает купеческим ожиданиям.

— Нина — домой, — начал по-военному раздавать команды он. — Белка, возвращай все, как было.

Потом обратился куда-то в потолок:

— Лель, сюда, быстро! У нас проблемы.

Слащавый красавчик тоже появился на пороге дома спустя всего пару минут. Я недоуменно покосилась на волшебников: сапоги-скороходы им, что ли, выдают? Тогда

почему мне достались валенки? И те на пять размеров больше.

Склонив головы друг к другу, наставник с воспитанником оживленно зашептались о чем-то. Оставалось только надеяться, что результат их обсуждения не будет пытаться утащить меня и съест. Переговаривались волшебники недолго. Как только они кивнули друг другу в знак согласия, я с интересом стала ждать чудес, которых почему-то не последовало. Лель просто походил по комнатам, потрогал стены и косяки, а затем вышел за порог и больше не вернулся.

Вчистую проиграв собственному любопытству, я подошла к Вольге.

— Что он сделал? Я не вижу изменений.

— А ты присядь и осмотришься.

Я с удивлением оглянулась: мебели в доме как не было, так и не появилось.

— Куда?

— Да без разницы, хоть на пол.

Ну, на пол так на пол. Это платье и шубу, между прочим, мне сам Вольга и дал, не жалко и на грязном полу посидеть. Я уселась, предварительно сняв валенки, потому что в них ноги никак не хотели сгибаться. Огляделась.

А что, даже уютно. И сидеть на голом полу удобно. Все-таки деревянные дома — для людей. Этот так особенно хорош вышел: ничего лишнего, все на своем месте. Вот бы мне такой. Надо будет узнать у купца, кто его строил.

Погодите!

С каких это пор я стала поклонницей деревянного зодчества? Ведь всю жизнь провела в замках и дворцах.

Я ошарашенно посмотрела на Вольгу:

— Что это?

— Волшебство иллюзий. Теперь этот дом будет нравиться всем без исключения. И более того, вызывать легкую зависть. Купец может тут даже мебели не ставить, а соломы постелить, — все равно гости будут в восторге.

— Экономично, — пробормотала я. — Только как убедить в этом купца?

— О боже, будто ты третий год на свете живешь! Тещу приведет — и пусть та попробует к чему-нибудь придраться, — засмеялся Вольга.

Глава 5

ВОЛШЕБНЫЕ ВЕЩИ

Лукреция Зоненштадтская открыла глаза и в некотором замешательстве посмотрела на свое отражение в зеркале. Полдня, проведенные в облике подростка, не просто сбивали с толку, но заставляли ощущать свое собственное тело как старое платье не по размеру. Человека с более хрупкой психикой подобные метаморфозы могли бы свести с ума, но баронесса была крепким орешком. Она скрылась в комнате Мелании сразу же после возвращения из купеческого дома, справедливо рассудив, что, поскольку Белоника не имеет никаких притязаний на ее фальшивую личность, а очередь других юных волшебников еще не подошла, самое время подойти к задаче с другой стороны и взглянуть на хранилище волшебных реликвий.

Разговоры о переползании из комнаты в комнату по скользкому выступу можно было вести только в легкомысленном теле подростка, баронессе же вовсе не хотелось смешить ворон своим появлением на карнизе. После удачного перевоплощения леди Лукреция бесшумно подошла к двери и прислушалась. Слух у пожилой дамы был на удивление острым, впрочем, как и все остальные органы чувств. В коридоре раздались шаги, судя по тяжелому гулкому звуку, мужские — Вольги или Ратко. Шаги стихли, где-то рядом щелкнул замок. Пространство за дверью погрузилось в тишину, и инстинкт, который не подводил на протяжении долгих лет, подсказал, что путь безопасен.

Баронесса без лишней нервозности, с достоинством вышла за дверь. Умение держать себя — основа любого блефа и лучший козырь в щекотливой ситуации. Теперь, когда она оказалась в коридоре, никто уже не мог задать вопрос, что она делала не в своей комнате. Успокоенная лазутчица направилась к лестнице, ведущей вниз. И тут перед самым носом благородной дамы открылась дверь и в коридор шагнула вторая леди Лукреция, отличавшаяся от оригинала лишь цветом платья и плутоватым выражением лица.

Баронесса среагировала моментально: одной рукой схватилась за дверь, а второй, с удивительной для ее возраста силой, затолкала самозванку обратно в комнату.

— Вольга, вы в своем уме? — прошипела она. — Зачем использовать мою внешность, если в этом нет необходимости?!

Лже-Лукреция реагировала не так быстро и несколько раз недоуменно моргнула, прежде чем примирительно произнести:

— Вы только не ругайтесь, но я без вас немного пошалил. Все искал способ, как малой кровью навести порядок в доме, а тут такой шанс!

— Какой порядок?

— Вы видели, как ровно стоит обувь в сенях? — торжественно подняла палец лже-Лукреция. — Я не мог этого добиться годами. А теперь стоит!

Пришла очередь настоящей баронессы недоуменно моргнуть.

— И как же вы этого добились? — с опаской спросила она, втайне надеясь, что дело обошлось без рукоприкладства и оскорблений.

— Я очень удачно споткнулся, а потом полчаса приходил в себя от пережитого шока и причитал.

Леди Лукреция пристально, не мигая, уставилась на своего двойника, будто тот совершил самое тяжкое в мире преступление. Другой бы давно осознал всю неотвратимость грозящей ему опасности, но не Вольга.

— Мои обороты подумали, что едва не убили старушку, — жизнерадостно закончил он.

При слове «старушка» баронесса поморщилась, и только тут волшебник понял, что сморозил лишнее, и поспешил переменить тему.

— Ну и как вам первая демонстрация волшебства?

— Жутковато, — Лукреция замялась, — и в то же время...

— Вы видели, какими последствиями чреваты упражнения моих подопечных. Как думаете, почему, несмотря на это, чуть ли не каждый день у нас на крыльце появляется по просителю?

— Потому что вы успеваете вовремя все исправить? — предположила баронесса, хотя интуитивно уже угадала правильный ответ.

— Не всегда, — улыбнулся польщенный Вольга. — Просто волшебство, настоящее волшебство, оставляет определенный отпечаток на человеке, даже если не было направлено на него. Что-то схожее с ностальгией или сожалением о несбывшемся. Это одновременно грустно и прекрасно. Вы почувствовали что-то подобное?

Баронесса вспомнила хищные растения, тянущие к ней свои плети, напряженное лицо Белоники и деликатно покачала головой.

— Не уверена. Скорее, мне показалось это глупым и опасным.

Северянин явно остался недоволен ответом. И губы лже-Лукреции сжались в узкую твердую линию. Баронесса с неприязнью подумала, что сама частенько повторяет это движение.

— Вольга, будьте добры, снимите мой облик! Совершенно недопустимо, чтобы по дому разгуливали две баронессы одновременно!

— Составим график? — немедленно оживился волшебник.

— Никаких графиков! Если бы я знала, что вы собираетесь эксплуатировать мою личность подобным образом, никогда бы не согласилась. От вас требуется лишь изредка появляться вместе с Ланой — и никакой посторонней деятельности у меня за спиной!

— Просто у вас выдалось трудное утро, — заметил Вольга.

— Благодаря кому? — с восхитительным спокойствием спросила Лукреция.

— Отвернитесь, мне надо переодеться, — еще раз перевел тему лицемер. — Если вы не против. Я оставил здесь свою одежду. И как только вы справляетесь со всеми этими юбками и панталонами?

— Как часто вы обсуждаете с посторонними собственные панталоны? — Баронесса отошла от первого шока и выбрала нужный тон для столь щекотливого разговора.

— По правде сказать, нечасто. Видите ли...

— Тогда я попрошу вас относиться с таким же уважением к моим, — перебила его Лукреция.

На самом деле Вольга всего лишь хотел заметить, что вовсе не носит панталон, поэтому испытывает неподдельный интерес к иностранному женскому туалету. Благо разумно решив не углубляться в тему, северянин скрылся за дверцей распахнутого шкафа.

Баронесса тем временем успокоилась и даже стала размышлять, каким образом хозяин дома надевает ее корсет. Ведь делать это самостоятельно можно только после долгих и упорных тренировок. Лукреция уже почти решилась задать вопрос, но Вольга опередил ее.

— А этот корсет... Вы только подумайте — мне приходится использовать волшебство, чтобы оказаться в нем. Волшебство, черт побери!

Послышался шорох падающей на пол ткани, недовольное бормотание, снова шуршание одежды, позвякивание металлических пряжек, и наконец Вольга предстал перед Лукрецией в собственном облике. На процесс перевоплощения у него ушло около пяти минут.

«В случае кризисной ситуации это может стать проблемой», — подумала баронесса.

— Вольга, а нельзя придумать какое-нибудь заклинание, чтобы превращаться сразу с одеждой?

— Мы не используем заклинаний, — с легкой обидой сказал северянин. — Но я работаю над этим. Перевоплощения не моя область волшебства, поэтому мне трудно с ней освоиться.

— Я выйду первой, осмотрюсь и, если в коридоре никого нет, подам вам знак, — решила Лукреция.

— Зачем?

— Подумайте только, как неприлично это будет выглядеть! Вы выходите из комнаты женщины!

— Да неужели? — Вольга фыркнул и прошел мимо баронессы.

Лукреция только вздохнула и последовала за ним.

— Спасибо за заботу о моей репутации.

— Поверьте, уж вашей-то репутации ничего не грозит, — весьма двусмысленно ответил волшебник. — Куда вы направлялись?

— В хранилище. И, несмотря на все ваши попытки меня уязвить, буду благодарна, если вы мне его покажете.

— С удовольствием. Я даже буду обходителен. — Вольга предложил ей руку, но галантность была наигранной.

Встреченные на первом этаже Надира и Морошка с таким видом покосились на баронессу, что та уже не сомневалась: Вольга в ее облике имитировал перелом обеих ног и сердечный приступ одновременно. Мысль о том, что теперь надо бороться за право пользоваться собственной внешностью, не вдохновляла.

Лукреция замерла на середине шага, застигнутая врасплох неожиданным озарением. Ей завтра придется очень постараться, чтобы первой явиться на завтрак, — иначе определять очередность испытания для воспитанников снова будет северянин. А с него станет поступиться интересами расследования ради достижения каких-то своих личных целей. Опираясь на мнение Белоники, баронесса собиралась до последнего избегать близкого знакомства с Весенем и Лелем. Можно было попробовать договориться с Вольгой напрямую, но она сомневалась, что это хоть как-то повлияет на результат. Варвар был непредсказуем и абсолютно неуправляем.

Будто почувствовав, что мысли спутницы коснулись его персоны, Вольга тоже остановился и вопросительно оглянулся на Лукрецию.

В эту секунду баронесса все же решила попытать счастья.

— Вольга, вы разрешите мне завтра самой выбрать, с кем из ребят провести день?

— Ни в коем случае!

— Но позвольте, это мое...

— Не позволяю, — безапелляционно отрезал волшебник. — Мне лучше, чем кому бы то ни было, знакомы мои подопечные. Я хорошо знаю их возможности, поэтому буду выбирать таким образом, чтобы ваше расследование не растянулось надолго.

Пожилая дама не стала отвечать, но выразила свое мнение движением бровей. Если бы Вольга настолько хорошо знал своих подопечных, насколько утверждает, ее услуги бы не понадобились.

Хранилище напомнило Лукреции ломбард. Откуда пожилая аристократка знала, как выглядит ломбард изнутри? Нет-нет, не подумайте, что однажды расстроенные финансы заставили баронессу Зоненштадтскую искать там спасения. Все гораздо интереснее: ей приходилось его грабить — по долгу службы, конечно.

Перед пожилой дамой предстало большое помещение, буквально заваленное различного рода предметами. Здесь были плащи и шляпы, посохи и трости, кольца и браслеты, даже диковатого вида рогатый шлем в дальнем углу, а уж поясов, башмаков, ожерелий и лент было просто не счесть. Стол в центре помещения загромождали блюда, тарелки и ступки, вторым слоем на них лежали ложки, ножи, пестики, скалки и прочая столовая утварь. Шкаф у дальней стены был до отказа заполнен оружием всех видов и степеней проржавелости. Правая стена полностью скрывалась под зеркалами и портретами. Книгам даже не нашлось особого места, и они кипами валялись по углам. Все это было лишь малой частью волшебных сокровищ, которые Лукреция успела заметить.

— Если бы я не знала, что некоторые вещи волшебные, то посоветовала бы вам отдать их на благотворительность, — сухо заметила она, чтобы скрыть свое потрясение.

— И стать причиной катастрофы? — немного нервно усмехнулся Вольга. — Здесь их держат именно затем, чтобы они не попали в руки обычных людей.

— Но вы говорили, что другие волшебники могут брать любые предметы с вашего разрешения, — сказала баронесса, профессиональная память которой успела отметить этот факт.

— Совершенно верно.

— И часто к вам обращаются с подобными просьбами?

— Не очень.

— А когда вы в последний раз отказывались отдать что-либо?

— Не припомню такого.

— Печально, — пробормотала Лукреция, опасливо трогая край щита, прибитого рядом со шкафом для оружия. — Что делает этот щит?

Волшебник с сомнением посмотрел на покрытую зеленоватым налетом поверхность.

— Скорее всего, рассеивает внимание врага.

— Значит, этот щит делает неуязвимым любого человека, который держит его в руках?

— Если кто-то показал ему, как им пользоваться, — уточнил Вольга.

— А каждый маг сможет понять, как им пользоваться?

— Волшебник, леди Лукреция, волшебник. Скорее наоборот: практически любая волшебная вещь среагирует на присутствие волшебника рядом, а уж разобраться, как она работает, не составит особого труда.

— Хотите сказать, что обычные люди могут годами владеть волшебными предметами и не знать об этом?

— Именно.

— Хах, — издала возглас Лукреция, на секунду представив, сколько подобных вещей может быть в ее фамильном замке, куда усердные предки годами стаскивали различное барахло из военных походов. — Почему же они сейчас не работают? Вы же волшебник! Этот дом кишит волшебниками!

— Спасибо за меткое слово «кишит».

— Ваш язык мне не родной, — отбилась Лукреция, хотя сказала именно то, что

подумала.

— Я все хотел спросить, почему у вас нет акцента? — внезапно спросил Вольга.

— Моя бабушка была с Севера, она и учила меня в детстве.

— Понятно. Возвращаясь к теме нашего разговора, — это специальное хранилище для специальных вещей.

— Скорее специальная свалка. Неужели никому в голову не приходило составить каталог?

— Разве вы не заметили, что волшебники не очень организованный народ? То, что все предметы собраны в одном месте, — уже большое достижение.

— Заведите неволшебника — что может быть проще?

— Обязательно, — усмехнулся Вольга. — Но пока у нас есть только вы. Распоряжайтесь.

— Да, пожалуй, — согласилась Лукреция, еще раз оглядывая помещение. — Сделаю вид, что я тут именно за этим. Но мне нужен помощник, иначе никак. Вот, к примеру, этот ремень — можно представить, что он превращается в змею и защищает своего хозяина, а на самом деле окажется, что просто создает иллюзию тонкой талии.

— Почти угадали, — присвистнул волшебник, — еще и осанку выправляет.

Баронесса посмотрела на него с сомнением (не шутит ли?) и сказала:

— Предложите своим подопечным пойти ко мне в помощники. Посмотрим, что из этого выйдет.

— А госпожа баронесса — провокатор, — едва ли не промурлыкал Вольга. — Проблема в том, что все здесь знают, что вы провокатор.

— Вы удивитесь, какие глупости иногда совершают люди, которые думают, что все знают.

Провокация состоялась прямо за обедом. Баронесса задумчиво гоняла ложкой по тарелке какой-то стебелек, гадая, не подсыпали ли ей и на этот раз в суп немного волшебства.

— А где Мелания? — спросила Морошка, которой пришлось встать на табурет коленками, чтобы налить всем супа. Лукреция хотела ей помочь, но на нее посмотрели так, будто она посягает на святое.

— Я сам отнесу ей обед попозже, — моментально нашелся Вольга. — Наши избоборубительницы-домостроительницы несколько напугали девочку.

— Белка, что ты с ней сделала? — с ленивым любопытством поинтересовался Лель.

— Да, Белочка, скажи, как ты ее расколдовывала? — заискивающе прошептал Буреслав.

— Это не я, это Нина, — беспечно ответила красавица.

Теперь уже заинтересованность появилась на всех лицах.

— Что на этот раз? — простонал Ждан.

— Лес посреди города вместо дома купца, — сообщила Белоника, будто это было в порядке вещей.

— Зачем ты ее вообще с собой брала? — вознегодовал Ждан, будто это дело касалось его лично.

Белка пожала плечами, не желая углубляться в тему.

Предложение помочь баронессе с хранилищем, высказанное Вольгой как раз вовремя, чтобы увести обсуждение подальше от Ланы, вызвало неожиданный прилив энтузиазма у детей.

— Я могу, — поднял голову Буреслав, до этого хлебавший суп с такой скоростью, что было непонятно, как он умудряется оставаться таким худым.

— И я, — поднял руку Ждан. — Ради баронессушки ничего не жалко. Заодно найду то, что мне надо.

Лицо Лукреции вытянулось: еще никто не называл ее так, тем более в глаза. Что еще за баронесса-несушка?

— Да и я не против, — с ленцой протянула Надира, придирчиво рассматривая кончики своих длинных кос.

— О, неужели? — протянул Ждан. — Разве мы достойны одолжения с твоей стороны? Ты не перетрудишься?

Смуглая волшебница даже не повернулась в его сторону.

— Конечно, перетружусь. Вы же вдвоем не сможете опознать волшебную вещь, даже если она превратит вас в двух дворняжек.

Леди Лукреция выразительно посмотрела на Вольгу, уже представляя, как все эти волонтеры переругаются при ней в хранилище.

После обеда Лукреции в голову пришла гениальная по своей простоте мысль, и она решила вернуться в хранилище. Весьма маловероятно, что большая часть находящихся там вещей была создана просто от скуки. С их помощью волшебники решали свои насущные проблемы, и вряд ли каждый раз это было спасение мира или ловля единорогов в лесу. Промокающие ботинки в равной степени выведут из себя и волшебника, и простого смертного. А поскольку половина волшебников, несомненно, была волшебницами, то уж наверняка хотя бы одна из них озаботилась проблемой быстрой смены гардероба.

Подхватив на выходе из столовой Ждана под локоток, баронесса ласково проворковала:

— Не сможешь мне спуститься в хранилище? Уж больно там крутая лестница.

— Конечно! — с энтузиазмом воскликнул Ждан. — Я вообще удивляюсь, как вы ходите после сегодняшнего падения. Ох и криков-то было!

Лукреция хотела спросить своего спутника, что же такого натворил в ее отсутствие Вольга, но тут они подошли к лестнице, ведущей вниз в хранилище.

— Не будем рисковать! — решительно заявил паренек и, прежде чем пожилая дама успела уточнить, чем именно, присел, подхватил ее под коленки и поднял на руки.

Баронесса едва удержалась, чтобы не взвизгнуть, забыв обо всех приличиях. Она бы непременно потребовала поставить ее на пол, если бы Ждан, полностью игнорируя потрясенное выражение лица аристократки, не начал невозмутимо спускаться по лестнице. Лукреция была слишком предусмотрительна, чтобы качать свои права, когда положение и так шаткое.

— У вас, северян, очень странное понятие о риске, — сдавленным голосом заметила она и перекинула свою руку мальчику за шею, чтобы тому было удобнее нести.

Ее самообладание было оценено по достоинству.

— Все-таки вы потрясающая женщина! — в который раз восхитился Ждан и поставил Лукрецию на пол прямо перед хранилищем.

Баронесса прикрыла улыбку рукой и тихонько засмеялась, так что, если бы не возраст, можно было подумать, что леди флиртует.

— Просто рыцарь на страже перелома шейки бедра! Премного благодарна.

— Всегда к вашим услугам! — Ждан потешно поклонился. — Могу внести вас к ужину!

Настроение у Лукреции совсем приподнялось; поклонник — это всегда приятно, а уж в преклонном возрасте вдвойне. Пусть даже все это не более чем шутка. Она достала из кармана веер и игриво стукнула паренька по руке.

— Какой ты шустрый! Раз так, не мог бы ты мне помочь еще кое в чем? — И баронесса, не дожидаясь ответа, втолкнула Ждана в хранилище.

Зимний день уже перевалил за середину, и света, лившегося из окон под самым потолком, становилось мало. Лукреция уже начала жалеть, что не взяла с собой спички, как Ждан уже зажег один из светильников. Вот только пожилая дама не успела заметить, с помощью спичек или как-то по-другому. Действительно рыцарь, но без доспехов и хороших манер.

— Только не просите протирать здесь пыль, — страдальчески протянул рыцарь.

— Я не настолько бессердечна, чтобы подвергать кого бы то ни было такому страшному испытанию, — серьезно ответствовала баронесса. — Просто помоги найти какую-нибудь вещь, которая решила бы мою проблему с переодеванием.

Парень изобразил на лице недоумение.

— Видишь ли, у нас, у баронесс, принято, — с немалой долей иронии сказала Лукреция, — переодеваться минимум по два раза на дню. И я никак не ожидала, что здесь в моем распоряжении не будет горничной.

— Вам нужна горничная, чтобы просто переодеться? — с изумлением спросил Ждан, делая такое ударение на слове «горничная», будто Лукреция требовала галеру, полную рабов.

— Хах, молодой человек, вы имеете очень смутное представление о туалете светской дамы.

Ждан хрюкнул:

— Неужели кто-то обязательно должен полировать ваш золотой горшок?

Баронесса замерла и посмотрела на своего помощника с некоторым недоверием, не зная, чего опасаться больше — того, что это шутка, или того, что нет.

— Тебе никто не говорил, что слово «туалет» имеет несколько значений? — осторожно спросила аристократка, вставая на скользкий путь просвещения.

— Ну конечно, есть будочка, та, что прямо за конюшней...

— Слово «туалет», — с нажимом произнесла Лукреция, решительно прерывая речь ребенка, которая могла обернуться лекцией об устройстве северных отхожих мест, — также означает одежду. Определенное количество вещей, которые надевает на себя человек. Туалет придворной дамы иногда может насчитывать до двадцати.

— Потрясающе! — восхитился мальчик. — Вы просто невероятная! И вы каждый день надеваете их все? Можно мне посмотреть?

Лукреция окинула его мрачным и неодобрительным взглядом.

— Ладно-ладно, понял. Женские штучки и все такое. Давайте я помогу искать вам, а вы — мне.

— И что же ты ищешь? — с неподдельным интересом спросила баронесса, немедленно сбросив маску осуждения.

— Что-нибудь, в чем есть душа.

— Прошу прощения?..

— В большинство вещей здесь вложили волшебство. Но есть еще и предметы, в которые волшебник может поместить часть своей или чужой души.

— И что тогда?

— Тогда предмет становится как будто бы осмысленным, иногда даже может разговаривать.

Лукреция представила говорящие сапоги, жалующиеся на несвежесть носков своего хозяина, но даже не улыбнулась.

— И зачем тебе такая вещь?

— Это эксперимент! Я хочу сделать волшебное животное!

— Надеюсь, не лошадь.

Лошадь, указывающая своему седоку, куда ехать, тоже была бы весьма анекдотична.

— Сначала попробую на куницах.

— А это законно? — с сомнением спросила баронесса, которую волновала также и моральная сторона вопроса.

— Вольга разрешил.

— Ну, раз Вольга разрешил... — Пожилая дама не пожалела сарказма. — Подожди, а где ты возьмешь куниц?

Ждан замялся:

— Я уже одолжил.

— Одолжил ли?

— Ну хорошо, взял. Я же потом верну — Нина ничего не заметит! Но вы-то откуда знаете? Уже шпионите за нами?

— Я просто внимательна к деталям. Возможно, и Нина тоже.

— Да что вы все ее так боитесь? Ничего она мне не сделает!

— На вашем месте я не была бы в этом так уверена, молодой человек.

— Были бы, потому что она моя сестра. Не дороже ведь ей эти куницы, чем я?

Лукреция отметила новые для себя сведения и на секунду замешкалась с ответом.

— Ладно-ладно, — по-своему воспринял заминку Ждан. — Не беспокойтесь, она точно не узнает.

— Конечно, — лукаво кивнула баронесса, — только если куница сама ей не расскажет, после твоего волшебства.

Искать нужный предмет в хранилище было все равно что искать иголку в стоге сена. Пока Ждан рассматривал и переключивал пояса, накидки и ожерелья, баронесса поймала себя на том, что уже составила полный план систематизации и каталогизации этих реликвий. Не зря же она столько времени провела в архивах королевского двора, разыскивая необходимые в работе сведения. Огромным усилием воли Лукреция заставила себя заняться делом, а не мысленной расстановкой стеллажей.

Способность менять наряд своего владельца может быть заключена в абсолютно любой предмет одежды или украшение. Перебирая их все, они могут справиться тут не только восьмидесятилетие Лукреции, но и восьмидесятилетие Ждана. А что, если для начала найти вещь, которая сама помогает искать вещи? Тут уже количество наименований

будет более ограниченным: луна, очки, клубок или... Баронесса с некоторым удивлением уставилась на ветку какого-то светлого дерева, которая расходилась к концу рогаткой. Если ей не изменяла память, то некоторые народы с помощью этого простого инструмента могли находить воду под землей. Пожилая дама вытащила артефакт из кучи чего-то, что могло быть сбруей, и продемонстрировала своему помощнику.

— Ты можешь сказать, что здесь за волшебство?

— Вы гений! — закричал Ждан, как только взял в руки ветку.

— Так, значит, мое предположение верно и это поисковик?

— Ну баронессочка, ну голова! — продолжал восхищаться парнишка.

— Ты знаешь, я в восторге от присутствия уменьшительно-ласкательных суффиксов в вашем языке, кроме тех случаев, когда они применяются к моей персоне, — мягко намекнула пожилая дама.

— Вот ей-богу, вы иногда говорите по-нашему, а такое ощущение, что на тарабарском, — не обратил внимания на замечание Ждан. — Ну ничего, мы вас научим!

— Этого-то я и опасуюсь.

— Ладно, давайте попробуем эту штуку в деле. — Юный волшебник взялся двумя руками за рогатку и радостно сообщил: — О, затряслась! А теперь найди-ка мне вещи, в которых есть хоть немного души.

По его велению ветка, словно в сказке, дернулась, а потом указала на стену, где висел портрет усача в тюрбане с кисточкой, выражение лица которого было весьма и весьма кислым. Но на этом магический артефакт не успокоился и поочередно указал еще на десяток предметов, среди которых было два зеркала, книга и музыкальная шкатулка.

— Либо он не работает, либо тут у вас еще и хранилище душ, — подвела итог Лукреция, с любопытством глядя в одно из зеркал.

— Сейчас проверим. — Ждан почему-то подошел к портрету, хотя до него было тяжелее всего добраться, и, положив руку на раму, стал вглядываться в изображение. — Это Фенрир Справедливый — толковый был мужик. Вот бы что-то от него осталось в этом портрете!

Баронесса подумала, что ей почудилось, когда зрачки на портрете чуть дрогнули. Но юноша восторженно закричал:

— Есть! Есть! Там что-то есть!

— Не могу назвать выражение его лица приятным, — с сомнением заметила Лукреция. — На твоём месте я бы дала твоей палке-копалке другое задание — показать самую доброжелательно настроенную душу в этих предметах.

— Вы как будто сто лет занимаетесь волшебством!

— Хочу тебя уверить, что я несколько моложе.

— Хорошо, покажи мне самую дружелюбную душу, — изменил свой приказ Ждан. Веточка без колебаний остановилась на музыкальной шкатулке, но паренька это не обрадовало. — А мне все равно больше нравится Фенрир.

— Как знаешь, но я бы вообще не стала вкладывать человеческую душу в любое существо, у которого есть зубы и когти.

— Вы меня пугаете.

— Совершенно не имела такого намерения, — сменила тон баронесса. — Это личное дело — твоё и Вольги. Давай наконец приступим к поиску того, что нужно мне.

Необходимая Лукреции вещь нашлась так быстро, что леди даже немного разочаровалась. Какой смысл расставлять все предметы по своим местам и составлять каталог, если палка-копалка может выкопать из кучи барахла нужный артефакт в мгновение ока. Но баронесса тут же напомнила себе о причине своего задания: необходимо было совершенно точно понимать, какие вещи пропадают.

Ждан протянул Лукреции небольшую брошку, щедро украшенную рубинами.

— Как ею пользоваться?

— Представьте наряд, который вам нужен, и поверните центральный камень. Чтобы убрать иллюзию, надо повернуть камень обратно. Вот только, — волшебник сделал небольшую паузу, — лучше потом посмотреться в зеркало, потому что эти штучки не всегда работают как надо.

Что-то, а уж зеркало теперь всегда было у Лукреции с собой. Смущало одно: брошь выглядела слишком роскошной, чтобы оставаться незаметной. Баронесса прикрепила украшение к корсажу, затем представила на себе лиловое придворное платье и повернула крупный рубин в середине артефакта.

— Ого! — отреагировал Ждан. — Надеюсь, это не наряд для сегодняшнего ужина.

— Конечно нет, — фыркнула Лукреция и заглянула в ближайшее из зеркал, которое, по мнению волшебной рогатки, содержало в себе чью-то душу. Наряд был в полном порядке, вплоть до каждой перламутровой пуговички на рукавах.

Аристократка уже хотела повернуться к зеркалу боком, чтобы еще раз оценить себя во всем блеске, как отражение затянуло сизым туманом, и в глубине стеклянной поверхности кто-то громко и отчетливо зевнул. Затем раздался дребезжащий голос:

— Слишком претенциозно, на мой вкус.

Баронесса вздрогнула от неожиданности, но потом сообразила, в чем дело.

— На мой — тоже, — ответила она зеркалу и натянула на стекло пыльное покрывало, в которое оно было завернуто раньше. Не хватало еще, чтобы это волшебное трюмо пыталось ввязаться в диалог.

— Только не думайте, что, если представите себя в шубе, вам будет тепло на морозе, — сделал еще одно предупреждение Ждан.

— Сколько еще у тебя этих «только»?

— Волшебные штучки полны сюрпризов.

— Это потому, что их создатели не дают себе труда продумать все как следует. Скажи, я должна попросить у Вольги разрешения, чтобы пользоваться этой игрушкой?

Глаза Ждана округлились почти до невозможных размеров.

— Я думал, вы уже сделали это!

— Понятно. Безопасность у вас не на высоте.

Глава 6

ПОЕДИНОК БАРОНЕСС

Напомнив себе, что ранняя пташка всегда найдет червячка (если эту поговорку можно было перевести на язык северных варваров именно так), Лукреция проснулась засветло. Баронесса никогда не думала, что ей придется подниматься с зарей только для того, чтобы отвоевать право быть самой собой. Но место надо было занять до того, как этот вьедливый волшебник разберется, в чем дело. Сейчас, когда у Лукреции в руках была волшебная брошка, задача значительно облегчалась. Баронесса встала, умылась и уложила волосы, но вместо того, чтобы начать утреннюю борьбу с корсетом и китовым усом, натянула поверх нижней сорочки шерстяное платье с вышитым подолом — одно из тех, что вчера принес Вольга.

Еще вечером Лукреция поэкспериментировала с волшебным артефактом, но, как бы она ни исхитрялась, дорогая рубиновая брошь всегда была видна на выдуманном ею наряде. А это означало одно: закаленная шпионка никак не могла ходить в собственной одежде, так как при превращении украшение будет красоваться на простеньких нарядах Мелании, что непременно вызовет вопросы не только у Ждана, но и у всех остальных.

Лукреция встала перед зеркалом и приколола брошь. Затем представила свое дневное лиловое платье и повернула рубин в сердцевине украшения. Вышло похоже. Только вот талия без корсета казалась немного широковатой, но кого это сейчас волновало?

Баронесса повернула камень обратно и, снова оказавшись в шерстяном платье, сняла с него брошь и спрятала в карман — туда, где уже наготове лежало небольшое ручное зеркальце. Превращаться в Меланию она уже натренировалась без особого труда, но все равно проделала этот трюк еще раз. День надо начинать во всеоружии.

Вернувшись к своему привычному облику, она вновь приколола брошку, представила лиловое платье, добавив к нему для разнообразия белый воротничок, и, довольная собой, вышла из комнаты. Проходя мимо комнаты Вольги, Лукреция неожиданно для себя скорчила проказливую гримасу, а затем чинно постучала.

— Кто это? — раздался сонный и недовольный голос из-за двери. — Если снова по поводу Буреслава, то пусть ждет, пока я позавтракаю.

— Вольга, простите, это всего лишь я. Хотела пожелать вам доброго утра, не думала, что вы еще спите. Подожду вас в столовой.

Дверь распахнулась очень резко, и на пороге показался взлохмаченный Вольга в штанах, рубашке навыпуск, но босиком.

— Вот, значит, как, — протянул он.

Баронесса улыбнулась со всей теплотой, на которую была способна.

— Вы же знаете, мы, пожилые люди, встаем рано. Не сердитесь, если я вас разбудила.

— Не буду, — загадочно ответил Вольга. — Ждите меня в столовой, сейчас спущусь, нам надо поговорить.

Дверь комнаты волшебника закрылась.

Пожилая дама пожала плечами: разговорами ее не напугать. А своего Лукреция уже добила — Вольга видел, что она спустилась вниз в собственном облике, и не сможет игнорировать этот факт, если только не собирается выдать их обоих с головой. Поэтому в столовой она сидела спокойно и даже добродушно подумывала, не помочь ли щекастой девочке на кухне готовить завтрак.

Все добродушие пожилой дамы испарилось моментально, когда через десять минут дверь открылась и в столовую вошла вторая Лукреция Зоненштадтская, но только в сером платье. Подлинной аристократке, как бы она ни была удивлена и шокирована, оставалось только придержать свои чувства.

— Вольга, вынуждена вас расстроить: выходить в одном и том же платье два дня подряд неприемлемо для уважающей себя дамы. — Баронесса поджала губы.

— Боюсь, что здесь об этом знаете только вы. Да и я, строго говоря, не дама. — Вторая леди Лукреция закрыла за собой дверь.

— Вы с ума сошли! Сейчас сюда спустятся дети! Как вы собираетесь это объяснить?

— Я вас умоляю, чего только эти дети здесь не насмотрелись. — Усмешка Вольги довольно странно выглядела на холеном лице баронессы. — Но вы еще можете поправить ситуацию, не зря же я вчера разрешил вам пользоваться рубиновой брошью. Вижу, она даже сейчас на вас.

— Вы манипулятор самого низкого пошиба! — прошипела Лукреция.

— Спасибо. Я буду наблюдать за вами и совершенствоваться дальше, — самодовольно ответила лжебаронесса в сером. — Слышите шаги и смех на лестнице? На вашем месте я бы поторопился.

Лукреция умела признавать свое поражение без лишней аффектации. Она ловко повернула камешек в брошке, моментально оказавшись в шерстяном платье, сняла украшение и вытащила из кармана зеркальце.

Я несколько раз моргнула, покрутила головой, убедившись, что в зеркале отражается моя юная физиономия. Превращение прошло без изъяна.

Лже-Лукреция довольно улыбалась.

— Забыла сказать, что уже пообещала Морошке помочь накрыть на стол, — без зазрения совести соврала я. — Вольга, вам придется сделать это за меня.

— Неужели? — со вполне оправданным сомнением протянул волшебник.

— Надо же мне как-то завоевать доверие ваших подопечных.

«Да и проиграть будет не так обидно, если Вольга станет подавать мне завтрак», — подумала про себя я.

Северянин не успел ничего ответить, как распахнулась дверь и в комнату вошли Весень и Ратко. С другой стороны из кухни проскользнула Морошка, нагруженная пышными блинами.

— Доброе утро! — раздавалось со всех сторон, из чего я сделала вывод, что положительно влияю на юные умы. Всего день нотаций о необходимости приветствий — и дети, включая Вольгу, научились здороваться.

— Милая, — неожиданно обратилась лжебаронесса к Морошке. — Я так хотела тебе помочь, но, к сожалению, плохо себя чувствую. Может, погода меняется. Зато вот эта девочка, Мелания, была так добра, что предложила меня подменить. Заодно и подружитесь.

Все это Вольга произнес тоном, за который можно было выдавать почетную грамоту «Образцовой бабушке». Я едва удержалась, чтобы не пнуть под столом самозванку, всюю пользовавшуюся преимуществом моего возраста и статуса.

— Не волнуйтесь, не волнуйтесь, — запричитала Ягодка. — Сидите, я вам сейчас водички принесу. Мы и без вас справимся.

Волшебник наградил меня победоносным взглядом. Взглядом моих собственных карих глаз!

— Если хотите, я могу немного вас подлечить, — неожиданно предложил Весень, бледный настолько, что казалось, будто в медицинской помощи нуждается он сам.

Вольга вздрогнул и отстранился, явно не желая, чтобы ученик случайно раскрыл обман.

- Благодарю, но я всегда предпочитала более традиционные средства.
- Как знаете, — безразлично пожал плечами парень. — Но лучше бы я помог сейчас, чем... В общем, справляться с сердечными хворями у меня пока не получалось.
- Очень постараюсь не добавить тебе практики, — оптимистично ответил Вольга.

Всегда считала, что проигрывать надо достойно, а еще лучше извлекать из своих проигрышей пользу. Это так бесит победителей! Когда бы я еще попала на кухню и поговорила с девочкой? Сомневаюсь, что Вольга выберет ее мне в компаньонки сегодня или в любой другой день.

Кухня, находившаяся в полуподвальном этаже дома, была просторной, уютной да к тому же завлекательно пахла блинами и кашей. Только при виде громоздкой плиты, которая занимала большую часть одной стены, всех этих кастрюль и сковородок, круп, половников и скалок я впервые за два дня задалась вопросом: как со всем этим справляется хрупкая девчушка, едва дотягивавшаяся до верхних полок кухонных шкафов?

- Тебе кто-нибудь помогает?
- Нет, а зачем? — неподдельно удивилась Морошка.
- Так ты же кормишь десять человек каждый день, и это не считая гостей!

Я не стала упоминать, что в моем замке работает кухарка с помощницей, а за столом каждый раз собирается не больше четырех-пяти человек.

— А-а-а, так тут половина утвари из нашего хранилища. Даже плита должна была оказаться там, но просто-напросто не поместилась. Совсем забыла! — Юная волшебница подошла к огромному горшку, что стоял на столе, подняла его крышку и приказала, заглядывая внутрь: — Горшочек, не вари! Отнесешь кашу наверх?

— Конечно. — Я обняла теплый горшок и в состоянии легкого шока потащила в столовую. Когда вернулась, Морошка наливала стакан воды для лже-Лукреции; по воде прыгали красноватые искры, а в воздухе почти что кожей ощущалось присутствие волшебства.

- Что ты делаешь?
- Добавляю нашей бабушке немного бодрости.

Я поперхнулась, во-первых, при слове «бабушка», во-вторых, потому что бодрости Вольге было не занимать. Еще немного, и он станет абсолютно неуправляем.

— Мне кажется, если старушка себя плохо чувствует, это только повредит. Лучше ей выспаться как следует и набраться сил, — не без задней мысли предположила я.

— Да? — наивно спросила девочка.

— Ну, моим бабушкам становится легче. — Мои глаза светились подкупающей простотой. — Где тут тарелки?

— Раз уж ты уверена... — Морошка провела над стаканом ладонью, и искры внутри стали голубыми, а затем погасли. — Возьми вон в том шкафу. Я пока соберу ложки.

— Это, значит, так ты делаешь еду волшебной? — заметила я. — Без всяких там крыльев летучей мыши и кореньев мандрагоры?

— Откуда ты знаешь? — смутилась Морошка.

— Белоника рассказала, как вы разоблачили баронессу, — на голубом глазу продолжала врать я.

— Белка сама меня подговорила, я не думала, что все так обернется. — Уголки губ

волшебницы опустили, и мне показалось, что она вот-вот заплачет. — Я думала, это будет только шутка. Мне так жаль старушку. Думаю, я должна извиниться.

— Мне кажется, она не обиделась. И этот стакан волшебной воды будет достаточным извинением, — заверила ее я, испытывая определенное удовлетворение от того, что хотя бы часть фразы была правдой. Я действительно ни капли на нее не обиделась. У меня есть для этого Вольга.

Я отнесла посуду наверх и с удовольствием наблюдала, как Морошка влила в ту, что считала баронессой, свой заговоренный стакан воды. При этом у меня возникла шальная мысль: а что мешает этой умелице наколдовать, к примеру, какой-нибудь пирожок послушания? Скармливаешь его Вольге, приказываешь ему дать разрешение на вынос магических артефактов, а потом об этом забыть, и — оп! — преступление совершено. Следов нет.

Правда, пока нет и мотива.

— А как это у тебя получается — делать зелья без всяких лягушачьих лап? Никогда такого не видела, — решила узнать я, когда мы снова вернулись в кухню.

— А зачем они?

— Ну как... — растерялась я. — Есть же всякие книги по зельям, маги их варят по рецептам, разве нет?

— А если обычный человек сварит по рецепту? — спросила Морошка.

— У него ничего не получится, — с удивлением ответила я.

— Так в чем волшебство-то: в человеке или в ингредиентах? — как маленькую спросила меня девочка.

Я замерла как громом пораженная. Так эти шарлатаны веками скармливают народу жабью икру и толченые куриные лапки, вместо того чтобы просто помахать руками над водичкой?!

К тому моменту, когда мы подняли в столовую последнее блюдо, все обитатели дома были уже в сборе, лже-Лукреция забылась глубоким сном, а Ждан заботливо укутывал ее пледом.

— Ой, — испугалась Морошка, — наверно, надо было сделать это после завтрака.

— Так это твоих рук дело? — хмыкнул Ждан. — А мы уже подумали, что она совсем дряхлая.

Ценой невероятных усилий мне удалось сдержаться и не ответить ему, как следовало. Вместо этого я предложила:

— Давайте будем говорить потише, пускай отдохнет.

— Нет, мы не будем говорить потише, — категорически и довольно громко заявил Лель. — Она должна была решить, кто сегодня сдает экзамен. Я не собираюсь ждать, пока она проснется, и терять отведенное время.

— Значит, надо просто решить это другим способом, только и всего, — ответила Белоника. — Почему бы вам не бросить жребий? Могу организовать, раз я уже использовала свой шанс.

Пока все гудели в знак одобрения этой идеи, красавица наклонилась к моему уху и прошептала: «Я тебе помогу».

Нет-нет-нет, не надо мне никакой помощи! Я не для того боролась с Вольгой, чтобы отдать право выбора этой девчонке! Но было уже поздно что-то исправлять. Белоника вышла и вернулась с пучком соломинок, зажатых в кулаке.

— Победит тот, кому достанется короткая, — объявила она.

Я едва не закрыла глаза. У меня не было ни малейших сомнений, что ее представления о помощи совершенно расходятся с моим желанием провести еще один день без разоблачения.

Все волшебники, кроме Морошки, сгрудились вокруг Белоники — попытать удачу.

— А ты почему не попробуешь? — спросила я девочку.

— Да я тут подумала, что мне здесь нравится, и я пока не хочу уходить, — ответила та.

Из толпы, окружающей Белонику, раздавались разочарованные возгласы, потом я увидела, как Весень вытянул короткую соломинку. При этом он так странно и удивленно посмотрел на Белку, что сразу стало понятно: жеребьевка не была честной.

Весь завтрак я искоса наблюдала за Весенем. Этот бледный тонкий юноша с не слишком приветливым выражением лица казался мне достаточно неприятным. На его фоне даже Лель выглядел вполне благожелательным.

Спустившись в кухню, чтобы помочь Морошке унести посуду после завтрака, я завалила ее вопросами.

— А чем этот Весень занимается? Какая у него магия? Он правда сможет меня расколдовать?

Девчушка только засмеялась, заталкивая грязную посуду в какой-то ящик с крышкой наверху, из-под которой раздавалось плотоядное урчание. Если бы у меня не было вопросов поважнее, я бы обязательно поинтересовалась, что там такое заперто.

— Он целитель. Лечит людей, ну или по крайней мере пытается. — Морошка лихо захлопнула крышку и, подпрыгнув, зачем-то уселась сверху. Внутри что-то всхрапнуло и стало пережевывать посуду.

— И он сможет мне помочь? — Я с удивлением смотрела, как ящик под ней дрожит и подскакивает.

— Вряд ли. Он и с насморком-то справляется через раз.

— Ну, тогда есть надежда, — мрачно сказала я. — Обычные доктора с насморком не справляются вовсе.

— В любом случае тебе придется иметь дело со всеми тремя. — Ящик перестал ходить ходуном, и Морошка спрыгнула, подняла крышку и достала из его недр абсолютно чистую и, что самое удивительное, целую тарелку. — Сполоснешь в чистой воде?

— С кем — с тремя? — спросила я, принимая тарелку и придирчиво разглядывая ее на свету.

— С Лелем, Весенем и Ратко — с неразлучной троицей.

Час от часу не легче!

Именно в этот момент дверь в кухню отворилась и в проеме показался очень бледный и очень раздраженный Весень.

— Почему я должен тебя искать? — нервно спросил он, обращаясь, по-видимому, ко мне. — Не отходи от меня сегодня.

Что-то подсказывало, что день будет долгим.

Глава 7

НЕСЕРЬЕЗНО О ЦЕЛИТЕЛЬСТВЕ

— Ну что ты так на нас смотришь? Не собираемся мы ему помогать — пусть все будет честно, — лениво тянул Лель, в картинной позе лежа поперек кресла. — Просто следим, чтобы ты не покусала нашего друга. Мало ли, с Олега действительно станется подкинуть нам лесную кикимору в человеческом обличье.

Ратко, уткнувшийся в книгу, фыркнул в ответ, но это был не смешок, а скорее выражение сомнения. Я покосилась на него: уж больно чудно выглядел могучий богатырь с пожелтевшим фолиантом наперевес.

— Заткнитесь все! — не выдержал Весень, и я бы его поддержала, если бы могла, потому что репликами о моей мнимой личности они перекидывались уже минут десять. Но так как бледный волшебник продолжал сосредоточенно щупать мой пульс, подавать голос было бы нетактично.

Неразлучная троица, как все называли их в этом доме, притащила меня в библиотеку (идти в комнату Весенья я наотрез отказалась, памятуя о приличиях).

Будущий лекарь отстранился и посмотрел на меня так, будто я только что съела при нем червяка.

— Она абсолютно здорова, — с разочарованием провозгласил он. — Не вижу никаких отклонений.

Я с облегчением выдохнула: каким-то образом удалось избежать шокирующего диагноза — старость. Ну что ж, это отличная новость. Можно сэкономить на посещениях врачей в ближайшие несколько месяцев.

— И зачарованная, и больная — это было бы чересчур, — заметил Лель, рассматривая собственные ногти.

— Нет, ты не понял. С ней абсолютно все нормально, как будто это ее естественная форма!

Разговор велся так, словно меня не было в комнате, поэтому я радостно хлопала глазами и не вступала. Мою радость оборвал Ратко:

— Может быть, она уже давно в этом облике и привыкла? — Богатырь повернулся ко мне: — Давно ты так маешься?

— Олег сказал не отвечать на вопросы. — Я скрестила руки на груди.

— Бьюсь об заклад, тебя зачаровали не просто так, а за что-то конкретное, — не обиделся великан. — За упрямство, например.

— Ее прокляли! — вскричал Весень, и взгляд его блеклых глаз вдруг зажегся каким-то странным неистовством. — Тебя же прокляли, так?

— Не скажу. — Я попыталась отодвинуться, слишком уж пугающим было оживление на прежде бесстрастном лице.

— Не в твоих интересах упираться, девочка. Чем больше мы будем знать, тем быстрее снимем чары. — Странный юноша начинал раздражаться.

И я тоже.

— У меня есть имя. И Олег запретил мне говорить что-то еще.

— Так все упирается в Олега? — непонятно спросил Ратко. — Только представьте на секунду, что задача на самом деле в том, чтобы заставить ее говорить и при этом не попасться Олегу.

— Мудришь, — коротко бросил Лель.

И я выдохнула, потому что с меня хватило и одной порции салата, развязывающего язык.

— Ладно, — Весень вдруг встал, — займусь более тщательной проверкой после.

— После чего?

— После пациентов, — пояснил Ратко. — Ну, малютка, хочешь с нами прогуляться?

Конечно же я хотела! Может быть, эта троица забудется да и сболтнет при мне чего-нибудь лишнего.

Северяне были не сильны в географических названиях. Калиновая улица, на которой стоял дом волшебников, находилась за Калиновым мостом, перекинутым через реку Калиновую. Вот по нему-то мы и шли в направлении центра города. И добрую половину перехода Весень бросал на меня сердитые взгляды, потому что я в своих нелепых валенках изрядно тормозила троих парней.

— Если ты еще раз на меня так взглянешь, я попрошусь на ручки, — прокомментировала я после очередного взгляда. То, что из уст старушки воспринималось бы как легкое подтрунивание, в устах девочки прозвучало довольно злобно.

— Ратко понесет — это он тебя позвал. — Весень отвернулся.

— А и понесу! — откликнулся более легкий на характер богатырь. — Что мне такая былинка? На одном плече поместится — не заметишь.

Худосочный целитель насупился еще больше. Сразу стало ясно, кто тут душа компании, а кто хмурый озабоченный подросток, разобиженный на весь мир.

— Ратко, а Ратко, подсоби бабонькам! — словно в подтверждение моих мыслей крикнула нам с берега румяная молодка с закатанными по локоть рукавами (и как только не мерзнет?). Голос был игривый, глаза — черные, блестящие. — Хотели белье полоскать, а прорубь промерзла. Пока Игнатка с топором прибежит...

— А что мне за это будет? — Ратко упер кулачищи в бока.

— А мы тебе портки стираем! Хоть сейчас сьмай!

Над берегом понесся дружный бабий хохот, но богатырь даже глазом не моргнул.

— Ты ко мне в комнату приходи за ними, тогда сниму. — Волшебник уже шел с моста к реке.

Я сделала несколько шагов вслед за ним — интересно было, о какой помощи идет речь.

Ратко спустился к самой воде, покрытой толстой коркой льда, присел, потрогал шершавую поверхность, а потом втянул в себя воздух и резко выдохнул. Сначала вокруг его ладони, а потом все дальше и дальше лед начал чернеть, трескаться, выпуская на свободу скованную реку. Скоро у той части берега, где стоял богатырь, образовалась огромная темная полынья, а над нею повалил белый пар.

— Ну хватит, хватит, расстарался! — закричала женщина. — Ты нам сейчас здесь уху сваришь, мужикам незачем будет на рыбалку ходить!

— Смотрите пальцы не поморозьте, хозяйшкы, — добродушно улыбнулся Ратко.

— Ой, спасибо! Спасибо, касатик! — хором заголосили восторженные бабы и поспешили к реке со своим бельем.

Я лишь передернула плечами под тяжелой шубой: все этим северянам нипочем.

— Ратко, а Ратко! — не успокаивалась резвая молодуха. — Пойдешь вечером на игрища?

— А в честь чего это? Середина недели же.

— Так Солнцеворот сегодня, неужто забыл?

— Забыл. — Волшебник недоуменно почесал затылок, затем смачно хрустнул суставами пальцев. — Приду, как не прийти! Разомнись!

— Ты смотри, я ждать буду! — крикнула игривая стиральщица и унеслась к реке, вздымая белые хлопья снега.

Я покосилась на Леля: что-то я рано записала нашего принца в главные сердцееды среди волшебников. Похоже, местное население было совсем другого мнения по этому поводу. Точеный красавец заметил мой пристальный взгляд и картинно закатил глаза, будто все это ему порядком наскучило.

— И кто у тебя сегодня первый на очереди? — любопытствовал Лель, когда река скрылась из виду.

— Прокофий Белояров, чтоб его волки утащили, — с неожиданной злостью ответил Весень. — Еще с утра прислал к нам в дом мальчишку.

— То-то ты так долго собирался, — одобительно хмыкнул Ратко.

— Не понимаю, как можно так ненавидеть людей и при этом их лечить? — не выдержала я.

— Я их не ненавижу, я не испытываю к ним приязни. Ну а лечить... Тело же не виновато, что ему достался такой хозяин.

Я недоуменно моргнула.

— Настоящий лекарь сказал бы, что человек не виноват, что ему досталось такое тело.

При этих словах Лель неожиданно вздрогнул и странно посмотрел на меня голубыми, как зимнее небо, глазами.

— Сначала встретиться с моим первым пациентом, а потом пеняй мне на мои слова, — парировал Весень.

Я приготовилась строить речь в защиту всего рода человеческого, но потом увидела белокаменные палаты, к которым мы направлялись, и сразу приуныла. Жизненный опыт подсказывал, что сейчас лекарь продемонстрирует мне такой образчик человеческого существа, вставить на защиту которого не захочется.

И опыт, как всегда, оказался прав.

Человек из дворни провел нас по темной лестнице в комнатку с низкими потолками и узкими окошками. То, что снаружи смотрелось белоснежным дворцом, внутри оказалось близким родственником тюремных подземелий. В затхлом каземате, абсурдно заставленном дорогой мебелью и увешанном душистыми коврами, томилось нечто большое и тяжело вздыхавшее. На пороге нас встретила женщина, закутанная в непривычно темные для северянки одежды.

— Что толпой-то? — неприязненно спросила она, почему-то обращаясь ко мне, будто эту толпу создавало именно мое тщедушное тельце. Но поскольку юные волшебники полностью проигнорировали ее недружелюбие, я подумала, что мне грех выделяться.

— Кто там, Зимка? Целитель? Проводи! Помираю! — приказал только что тяжело вздыхавший голос.

Женщина в темных одеждах схватила Весеня за рукав и потянула вглубь комнаты, где на огромной кровати, заваленной вышитыми подушками, возлежал толстяк невиданных размеров. Очертания его пуза наводили на мысли о беременной слонихе, которую мне однажды довелось видеть. Вот только вряд ли в этом доме ожидалось счастливое прибавление семейства.

— Что с ним? — прошептала я.

— Страдает после ночных утех, — пояснил Лель.

— Что?

— У боярина привычка к ночным пирам, — успел сообщить Ратко, пока я не начала додумывать.

Весень подошел к человеку-горе и ощупал его огромный, каменный на вид живот ловкими пальцами. Пациент заохал.

— Соблюдал ли ты режим, боярин? — сердито спросил целитель.

— А не твоего ума дело, — так же сердито между охами ответил толстяк. — Я тебя не для нравоучений вызвал, а для облегчения.

Волшебник смолчал, но явно надавил на какое-то очень чувствительное место, потому что владелец белокаменных палат взвыл так, что владения почти что затряслись.

В моей стране врач никогда бы не причинил боль пациенту без необходимости, поэтому я тихо спросила:

— И как часто вы сюда приходите?

Снова ответил Ратко:

— Да не меньше раза в неделю, иногда и чаще.

Я мысленно признала, что необходимость жестоких мер уже явно назрела.

— Так зачем он это терпит? — кивнула я на Весеня. — Пусть сделает так, чтобы лечение казалось гораздо хуже болезни.

— Мягкий он. — Мне даже не пришлось отвечать, потому что Ратко тут же добавил: — Совсем не с теми, с кем надо.

Я взглянула на Весеня — этот парень настоящий дичок. Разговорить такого непросто. А еще двое волшебников, постоянно околачивающихся рядом, отнюдь не облегчают мне работу. Если дело так пойдет и дальше, я проведу день в переходах от одного пациента к другому, периодически забиваясь в уголок, чтобы не путаться под ногами у целителя и его друзей. Ситуация требовала кардинальных мер! Присутствие здесь Леля и Ратко надо превратить из помехи в преимущество. Если я не могу понравиться Весеню, почему бы не попытаться понравиться этой неразлучной троице целиком. А кого уважают мальчишки? Конечно же дерзких девчонок! Девчонок, метко стреляющих из рогаток и способных покорить верхушку любого дуба.

— Это надолго. Может, прогуляетесь пока? — обреченно сказал Весень, отвернувшись от своего страждущего пациента.

Я фыркнула и безапелляционно заявила:

— Тут забот на три секунды!

Неразлучная троица уставилась на меня. Лица у них при этом были как у вытасненных из воды рыб.

— Да ладно вам, будто без великих волшебников не чихнуть! — И я бодро направилась к кровати болящего. — Смотрите и учитесь.

— Остановите ее! — нервно взвизгнул Весень.

Лель попытался ухватить меня за рукав, но я увернулась. Ратко же вместо того, чтобы держать меня, положил громадную ручищу на плечо приятеля.

— Пусть попробует. Ну не уморит же она его. Такими темпами боярин сам скорее управится.

Вот видите, как много дает уверенный тон! А ведь еще с утра они на полном серьезе

обсуждали, не кикимора ли я.

К сожалению, пациент не столь много времени провел в моем обществе, поэтому доверием ко мне не пылал.

— Кто это? — с тревогой поднялся он над подушками и попытался заслониться от меня одеялом. — Зимка, убери девчонку!

— Вот не понимаете вы своего счастья! — Мне пришлось быстренько обежать кровать, чтобы та худая ворона, что здесь прислуживает, до меня не добралась. — Я, может, волшебница еще посильнее тех троих. Сейчас как пойдешь на поправку, боярин, — быстро, весело и зычно.

Пока пациент осознавал все сказанное, я ухватила за край одеяла и содрала его с гигантского туловища. Самое время применить одно из тех умений, которые я освоила за предыдущие семьдесят лет. Хотя на человеке столь внушительной комплекции это будет не так уж и легко. Сильными и наверняка болезненными ударами указательных пальцев я нажала две точки на теле страждущего, одну под солнечным сплетением, другую над верхней губой. Боярин взвыл.

— Убили! Стража! — Затем голос неожиданно оборвался, захлебнулся, и пациент удивленно замер, бледнея с каждой секундой, но не шевелясь, будто опасаясь нарушить какое-то хрупкое равновесие.

Я сунула несчастному в руки таз для умывания и поспешила обратиться к двери.

— Зимка, неси ведра! От последствий бурной ночи избавляются так же бурно.

Весень схватил меня за воротник и с бледным лицом прошипел:

— Что ты с ним сделала?

— Станный вопрос, особенно для целителя. Даже по звукам можно догадаться, что я с ним сделала, — с наглым спокойствием ответила я, стараясь игнорировать страдания боярина над тазиком.

— Будешь отвечать, если с ним что-то случится, — сказал Весень с презрением и отпустил мой ворот.

— Да ладно? Только не говори, будто не понял, что я с ним сделала. Вас в том доме вообще, что ли, кроме волшбы, ничему не учат? — удивилась я.

Каждый западный врач если не освоил, то хотя бы слышал о простом трюке с точками, нажатие на которые вызывает у человека рвотный рефлекс. Я много лет успешно использовала этот прием в своей профессии — очень помогает, когда надо кого-то отравить или подозреваешь, что отравили тебя.

— Нас и волшебству-то не учат, — усмехнулся Ратко, отводя меня в сторону, дабы я окончательно не вывела целителя из себя. — Похоже, нам пора уходить, пока боярин не закончил наслаждаться лечением.

— А гонорар? — лукаво взвыла я.

Ратко гоготнул и стал настоятельно выталкивать меня за дверь.

— Иди-иди, ведьмам гонорар не положен.

Ага, так вот где она — тонкая грань между северными волшебниками и остальным магическим сообществом.

Во дворе оказалось, что избавить человека от последствий неумеренного аппетита было гораздо проще, чем избавиться от разгневанного твоими действиями подростка. Я была вынуждена практически прятаться за спинами Ратко и Леля, чтобы не быть побитой вошедшим в раж целителем.

— Что ты с ним сделала? Кто тебе разрешил подходить к моему пациенту?! — трясся от злости Весень. И если бы его не держали друзья, непременно бы вцепился мне в плечи.

— На твоём месте я бы спросил у неё не что она сделала, а как она это сделала, — невозмутимо встрял Лель.

— Пациенту? — рассмеялась я. — Пациенты могут быть у докторов, что-то я сильно сомневаюсь, что ты знаешь хотя бы анатомию.

От такого обращения Весень закипел ещё сильнее, даже бледная кожа порозовела.

— Будто ты сама знаешь!

Я промолчала, хотя мне было что сказать. Почти полгода я проработала медицинской сестрой, причем не где-нибудь, а в военно-полевых госпиталях. За это время мне удалось увидеть столько, что этому зеленому волшебнику и не снилось.

— Не смей больше приближаться к моим пациентам! — отрезал Весень.

— Тогда не надо меня за собой таскать.

— Можешь возвращаться в дом, если хочешь!

— Нет-нет-нет! — запротестовал Ратко. — Когда ещё нам выпадет случай узнать столько нового о нашем задании-загадке! Дома её так не расколешь!

Я мысленно заскрежетала зубами. Оказывается, не только мне в голову пришла идея присмотреться к подопечным Вольги, но и им тоже — присмотреться ко мне. Надо быть осторожнее в дальнейшем. Медсестринские навыки — это одна из тех деталей, которые могут выдать мою истинную личность.

— Что мы имеем на руках? — начал подводить итоги Ратко, не замечая моей досады. — Медицинские знания предполагают хоть какое-то обучение. На вид тебе лет пятнадцать.

Я скорчила рожу — на самом деле так мое тело выглядело в семнадцать. Но не переубеждать же этих доморощенных детективов.

— Следовательно, твой нынешний облик моложе твоего реального.

При этих словах даже разозленный Весень оставил свои попытки добраться до меня и с интересом посмотрел на своего друга.

— Я талантлива, — усмехнулась я.

— Обычно, — продолжал Ратко, игнорируя мою реплику, — людей наказывают обликом, который по каким-то причинам гораздо хуже, чем их собственный. Если тебе сняли возраст, значит, ты потеряла в чём-то другом. Возможно, это внешность. Возможно, пол. Либо какие-то физические данные. Я до сих пор не исключаю варианта, что на самом деле ты мужчина и, очень вероятно, врач.

— Это бы многое объясняло, — поддержал Лель.

Я снова скорчила рожу — уже в его сторону.

Не знаю, чем бы закончились такие рассуждения, но только в этот момент из лавки, мимо которой мы проходили, выскочил коренастый мужичок. Он всплеснул руками и залучился такой улыбкой, будто с самого утра только нас и поджидал.

— Добрейшего утречка! — прокричал он самым жизнерадостным голосом, но это приветствие было направлено в основном к Весеню. — Господа волшебники, не зайдёте ли ко мне? Уж я вас угощу.

Я хмыкнула; такое ощущение, будто местное население всерьёз верит, что Вольга морит ребят голодом. На моей памяти это уже второе предложение накормить начинающих волшебников.

— Сила Силыч, чем ты нас собрался угощать? — хохотнул Ратко. — Ты ж аптекарь.

— Так что, аптекари не люди, что ли? Не едят, не пьют? — не унимался мужик и тем временем тащил Весеня к своему дому.

— Но не за наш же счет! — полушутя возмутился великан, хватая друга за вторую руку и перетягивая к себе, как канат.

Видимо, чтобы усугубить нелепость ситуации, внезапно открылась дверь в доме на противоположной стороне улицы, и на пороге появился другой мужчина, худощавый, очень аккуратный, но с виду злой как черт.

— Сила Силыч, зачем тебе понадобился этот неуч и шарлатан? — не слишком громко, но отчетливо спросил новый участник сцены. — Ты посмотри, у него еще усы не пробились, а все туда же. Покалечит тебе покупателей, что делать станешь?

— Что происходит? — недоуменно спросила я, глядя, как Весень снова наливается злостью. Получается, не только я способна вывести из себя нашего надменного целителя.

— Пройдоха-аптекарь пытается заставить нас поволшбить над лекарствами, — пояснил богатырь. — Ну а местный лекарь терпеть не может волшебников и в особенности Весеня.

— Могу его понять, есть за что, — одобрила я.

Наконец разозленному Весеню надоело это перетягивание каната, и он, на удивление легко стряхнув с себя обоих, повернулся к аптекарю и холодно пригрозил:

— Лишу силы.

Сила Силыч немного опешил от неожиданного каламбура и спросил:

— Какой такой силы?

— Мужской, — мстительно пояснил Весень.

Я восхитилась его находчивостью, но на всякий случай шепотом спросила:

— А он может?

— Не знаю, — усмехнулся Ратко. — На мне не пробовал.

Глава 8

СЕРЬЕЗНО О ЦЕЛИТЕЛЬСТВЕ

— А что у вас дальше по плану? — поинтересовался Лель, когда мы убрались из-под перекрестного огня лести и оскорблений.

Я хотела съязвить про острые случаи икоты и священную борьбу с бородавками, но под многозначительным взглядом Ратко прикусила язык.

— Перелом на Ольховой улице, да и все. После можем идти в трактир, если тебя это интересовало. — Весень наконец-то вернул себе былое спокойствие и даже снизошел до шуток над товарищем.

— Значит, он хотя бы переломы лечить умеет? — шепотом спросила я у Ратко.

— Не совсем, — смутился великан и перешел на еще более тихий шепот. — Собирает, вправляет и бинтует лекарь, а Весень помогает их сращивать... но не за один раз, конечно.

Мне показалось, что целитель все-таки нас услышал, потому что кожа его вновь приобрела розоватый оттенок. Не успела я поинтересоваться, сколько сеансов и денег необходимо, чтобы срастить перелом, как где-то на соседней улице послышались крики. Звуки были пугающими.

— Что это?

Парни тоже как по команде повернулись к источнику шума, а затем поспешили вперед. Навстречу нам уже бежала девочка-подросток, бледная, с широко раскрытыми от ужаса глазами. А за ней дородная тетка, прижимающая руку к сердцу.

— Что? Куда? — наперебой спрашивали волшебники, поравнявшись с девушкой, но та лишь отмахнулась и припустила дальше по улице.

Зато остановилась тетка, видимо наконец-то поняв, что такие скорости и дистанции уже не для нее.

— Потап руку себе... руку себе... отрубил! За лекарем... бегите... — сквозь сбивчивое дыхание сообщила она и затем сразу же без перехода ударилась в слезы.

— Какой двор? Показывай! — рявкнул на нее Ратко.

Сил у тетки осталось только на то, чтобы мотнуть головой в нужном направлении. А дальше проводник нам был уже не нужен — крики пострадавшего и всех пытавшихся оказать ему помощь были слышны издалека.

Ворота во двор оказались открыты нараспашку. Там по снегу метались испуганные красные следы, и чем дальше, тем больше их становилось. Виновник суматохи уже не кричал, сознание пощадило и оставило его. Зато кричали все вокруг: плакали дети, причитали женщины. Лишь один мужик оказался достаточно хладнокровным, чтобы попытаться оказать помощь пострадавшему. Он старался зажать обрубок какой-то тряпицей, уже насквозь мокрой от крови.

По старой привычке я приготовилась кинуться в бой: приказать поднять кровоточившую руку над головой владельца, отобрать у Леля ремень, наложить жгут... Но Весень успел раньше меня. Он вырвал пропитанную кровью тряпку у опешившего мужика и раскрыл обрубок руки несчастного. Одного прикосновения волшебника оказалось достаточно, чтобы кровотечение постепенно унялось.

— Ратко, мне нужен огонь, — подозвал целитель приятеля.

— Что вы собрались делать?! — пораженная внезапной догадкой, воскликнула я.

— Прижечь рану, — буркнул Весень. — Отойди, не мешай.

— Совсем себе мозги отморозили, волшебники хреновы?! — заорала я на парней

(которые даже отшатнулись от столь радикальной смены лексикона). Затем повернулась к родственникам пострадавшего. — Где рука?!

Отрубленная конечность обнаружилась тут же, рядом с отброшенным топором. Ее протянули мне брезгливо, но вместе с тем благоговейно. Вопросы о том, как произошло несчастье, можно было оставить на потом.

— Не мне, ему! — безапелляционно указала я на Весеня.

Целитель замахал руками, пытаясь отказаться от подношения.

— Бери! — прорычала я. — Бери, очищай и приживляй! Срез ровный — у него еще есть шанс!

И если у пострадавшего был шанс, то у Весеня отвертеться от этой сомнительной процедуры — уже нет. Услышав мое заявление, люди вокруг оживились. Теперь волшебник мог уйти отсюда, только попытавшись приживить конечность, иначе пришлось бы убегать, спасая свои от того же топора.

Я не была уверена, что у него получится, но точно знала: подобная операция вполне по силам хорошему хирургу. Так почему целитель должен быть хуже?

— Если он умрет от дурной крови, в этом будешь виновата ты, — процедил Весень сквозь зубы и брезгливо взял отрубленную кисть.

— Это называется заражением, — со знанием дела ответила я. — Чем больше ты тянешь...

— Заткнись!

Я заткнулась. Действительно, совсем не время, чтобы блистать познаниями в медицине.

Кисть, по счастью, отлетела в свежий снег и на первый взгляд была чистой. Весень повертел ее перед глазами и то ли погладил, то ли ощупал срез. Видимых изменений после этого действия не последовало, но почему-то кожа у меня покрылась мурашками.

— Красное с красным, желтое с желтым, белое с белым, — тихо, как заклинание, шептала я присказку знакомого хирурга.

Знаю, Весень все прекрасно слышал, только виду не подал. Он медленно присоединил отрубленную конечность к тому месту, где она должна была быть, немного сдвинул, словно выбирая абсолютно правильное положение. По его бледным до голубизны вискам ручейками тек пот, губа была прокушена от слишком сильного сосредоточения и кровоточила. Вокруг висела абсолютная тишина: никто не осмеливался даже дышать. На секунду мне стало жаль паренька. Но он должен был понимать меру ответственности, которая кроется за званием целителя.

Я стояла очень близко, и поэтому мне удалось заметить маленький серебряный огонек, что проскочил на месте среза. В этот момент Весень вздохнул и расслабился. Кажется, только теперь целитель поверил, что все кончится хорошо. Через несколько тягостных минут волшебник аккуратно опустил покалеченную руку пациента (конечность не выглядела здоровой, но, по крайней мере, была целой) и поднял голову, чтобы посмотреть на собравшихся вокруг.

— Пусть сутки проведет в покое. Руку перебинтуйте, но двигать ею пока нельзя. Я завтра приду проверить, — сказал он, ни к кому конкретно не обращаясь.

— И лекаря пусть все же позовут, больному нужно какое-то питье против воспаления и после потери крови, — добавила я.

Весень посмотрел на меня волком, но снова ничего не сказал, просто встал и пошел прочь от толпы. Мне показалось, что он стал еще худее и еще бледнее, чем был.

Ратко и Лель хотели пойти за ним, но, повинувшись инстинкту, я преградила им путь.

— Лучше помогите перенести больного в дом. Я его догоню.

Не знаю, почему они меня послушались, но вслед за целителем побежала я одна — как раз вовремя, чтобы заметить его фигуру, скрывающуюся за дверью одной из дворовых построек. И это была вовсе не маленькая будочка с вырезанным окошком наверху (вполне объяснимое укрытие после пережитых волнений). Но что ему делать в сарае?

Я осторожно заглянула внутрь. Волшебник стоял посередине небольшого помещения и дышал так тяжело и прерывисто, будто пытался и не мог набрать достаточно воздуха в легкие. Взгляд его был прикован к хищному лезвию косы, оставленной здесь до лета вместе с остальными инструментами.

— Не смей! — приказала я, заходя в сарай.

— Ты не понимаешь, я мог лишиться его руки! — Весень все еще задыхался.

— Он и так ее почти лишился... — Мне пришлось приложить усилие, чтобы смягчить тон. — Имей в виду, если ты сделаешь хоть одно неверное движение, я позову Олега.

— Напугала!

— А разве нет?

«Ты ведь больше всего на свете боишься, что кто-нибудь узнает, что ты не так спокоен, не так хладнокровен и не так искусен, как хочешь казаться», — могла бы сказать я. Но это бы вконец разрушило мою пошатнувшуюся легенду.

— Тоже мне страдалец неприкаянный, — фыркнула я вместо этого. — Давай без глупостей, выматывайся отсюда. А то люди подумают, что мы инвентарь ворует.

— Если только на тебя, замарашка, — огрызнулся Весень и вылетел из сарая. Но все лучше, чем то отчаяние, в котором он находился минутой ранее.

Удовлетворенная, я пошла следом за целителем.

— Будешь много выступать, скажу, что мы здесь целовались! — крикнула я вдогонку. То-то Лель и Ратко поёрничают.

На дворе уже почти никого не было, только несколько мужиков собирали лопатами розовый снег. Трое юных волшебников стояли кружком и что-то с жаром обсуждали. Хотя тут и гадать не надо что. Вернее, кого.

Когда я подошла, неразлучная тройца резко умолкла.

— А я-то думаю, чего у меня уши горят. Ладно, не смущайтесь, можете и дальше обсуждать. До сих пор мое присутствие вам не мешало.

— Дяденьки волшебники! Дяденьки волшебники! — прервал мое поддразнивание выскочивший из какой-то подворотни чумазый мальчонка. Ребенок вцепился в полы куртки Весеня не хуже давешнего аптекаря. — У моей сеструхи младенец умирает!

Парни разом посерьезнели.

— Веди, — скомандовал Весень.

Я лишь успела ужаснуться: неужели он еще и младенцев лечит? Может, лучше послать за лекарем? Тут же недалеко совсем!

Неразлучная тройца тем временем устремилась за маленьким проводником. Мне ничего не оставалось, как только последовать за ними. Ни секунды покоя с этими волшебниками!

Улица, на которую вывел нас мальчонка, выглядела тускло и уныло по сравнению с остальным городом. Северяне любят яркие цвета, они белят стены, а ставни расписывают всевозможными узорами: синими, красными и желтыми. Здесь же дома имели какой-то серовато-коричневый оттенок, краска с окон облупилась и свисала лохмотьями. Даже сугробы по сторонам дороги казались не совсем чистыми, на многих

валялись какие-то тряпки и щепки.

Постреленок бежал впереди и при этом успевал оборачиваться, чтобы проследить, не отстаем ли мы, а также сообщить все необходимые, по его мнению, подробности.

— У сеструхи дочка мелкая. Не ест, не спит. А горячая вся, как печка. Лекарь приходил, да только толку с него... Вас велел позвать. Иди, говорит, в дом на Калиновой. Я — туда. Говорят — нету. В городе где-то ходит. Уж я расспрашивал-расспрашивал. Насилу нашел. А тут еще крики. Здорово вы ему руку взад приделали! Не отвалится, нет?

— Не взад, а на место, — серьезно буркнул Весень. — Не отвалится. Надеюсь...

Я же задумалась. Уж не тот ли противный мужик, который переругивался с аптекарем через калитку, посоветовал обратиться к Весеню? Так ли уж он терпеть не может волшебников, как все считают? Над этим стоило поразмыслить.

Домик, куда привел нас бойкий малец, выглядел ветхим, под стать округе. Но на тот момент дивиться подозрительной ветхости строений времени не было.

— Ты иди, мы здесь подождем, — сказал Лель целителю. — Все равно вчетвером не поместимся.

— Ага, — поддержал Ратко, — только девчонку с собой возьми, нам так спокойнее будет.

— Себе оставь, — беззлобно огрызнулся Весень, но, когда я шмыгнула вслед за ним в дом, возражать не стал.

На пороге нас встретил молодой мужчина с осунувшимся от тревоги лицом.

— Так проходите, — пресек он все наши попытки снять в сених обувь. — Лекарь наказал вас звать, и как можно быстрее.

В голосе хозяина слышались сомнения, и, честно говоря, я их разделяла.

— Зачем? — Видимо, молодой волшебник тоже.

— Сказал, что наша дочка слабенькая и сама с такой хворью не справится. — С лавки поднялась женщина с ребенком на руках, глаза были заплаканные, в синей обводке от бессонной ночи.

Мог ли лекарь доверить неопытному подростку неизлечимо больного ребенка? Я с беспокойством покосилась на бледного целителя: он и без того с трудом справлялся со своими эмоциями, а это может стать и вовсе не подъемной ношей.

Но пока я придумывала, как вмешаться и разрешить ситуацию, Весень, закусив губу, взял из рук матери младенца, развернул пеленки и чуткими длинными пальцами ощупал тельце. Даже мне было понятно, что у девочки сильный жар.

— Я возьму ее с собой, — внезапно сказал волшебник.

Женщина всплеснула руками и что-то запричитала сквозь слезы, мужчина крепче сжал пальцы на ее плечах и уже собрался что-то возразить...

— Завтра утром придете и заберете, — сухо отрезал Весень.

Я отметила, что он не уточнил — живую ли, здоровую ли. Ох, мальчик-мальчик, не много ли на себя берешь?

— Ну же, решайтесь! — поторопил родителей больной малютки Весень. — Зачем за мной посылали?

Женщина выхватила у целителя дочку и прижала к себе, как драгоценность, но муж властно разжал ее руки и передал ребенка обратно.

Надо было видеть лица парней, когда мы вышли из дома со свертком, в котором был

младенец. Я бы пошутила, что Весень взял работу на дом, но не была уверена, что здесь, на Севере, поймут мою шутку.

— Это что? — поднял соломенные брови Лель.

— Кажется, кто-то стал кормящим отцом, — рассмеялся Ратко. И тут юмор не поняла уже я. Наверно, по моему лицу это было заметно, потому что богатырь с гордостью похлопал целителя по костлявому плечу и объяснил: — Он со своими пациентами делится жизненной силой, потому такой бледный и тощий.

— Вот теперь точно в трактир! — не терпящим возражений тоном заявил Лель. — Тебе надо восстановить силы, а нам выпить и успокоиться. Перелом на Ольховой улице подождет до завтра — никуда не убежит.

Глава 9

КРАСНЫЕ БУСЫ

— Это бедный район? — решила задать я вопрос, хотя никаких признаков бедности у жителей не заметила, но уж больно неухоженной выглядела часть города, где мы незапланированно посетили уже два двора.

Троица переглянулась.

— В городе, конечно, есть бедняки, — ответил за всех Ратко, — но на целую слободку их не наберется.

— Тогда почему эта улица выглядит так, будто здесь была чума?

Весень три раза плюнул через плечо и гневно посмотрел на меня, чтобы больше не каркала.

Ратко пожал плечами.

— Ну давай спросим, — кивнул он на мужичка, пытавшегося вернуть в петли покосившийся ставень. Богатырь подошел к трудяге, подхватил ставень одной рукой снизу, второй сбоку и с первой попытки поставил на место.

— Спасибо, подсобил, добрый человек!

— Да не за что, — расплылся в дружелюбной улыбке Ратко. — Ты лучше скажи, что такое с вашей улицей стало? Что за беда?

— Да леший его знает! — Горожанин, совсем как Весень минуту назад, три раза сплюнул через плечо и сделал какой-то охранный знак. — Сыпется все, будто сглазил кто-то. Я этот ставень уже третий раз поправляю. Краска на крыльце облезать стала, а красили летом. Плетень вот вдруг покосился. Оно, конечно, может, краску мне на базаре негодную продали и на плетень снегу навалило. Да только если бы у одного меня такое происходило, а то вся улица, почитай, разваливается. Ей-богу, старостиха с соседнего проулка порчу навела.

— А почему она?

— Да ходит тут, бродит, языком мелет. А баба-то злая, и глаз у нее недобрый.

Я пожалала плечами. Если бы от каждой злой бабы начинали разваливаться дома, скоро бы ни города, ни деревеньки на земле не осталось. Доброта в число и моих-то достоинств никогда не входила.

— А вы кто такие будете? — вдруг очнулся говорливый мужик и с подозрением посмотрел на Весеня, который укачивал на руках ребенка.

— В гости ходили, — туманно ответила я. А то тоже в колдуны запишет, и не отопрешься, ведь со мной их трое.

— Что за баба-то? — громко спросил Лель, не желая развивать щекотливую тему. — Где живет? Как выглядит?

Я едва удержалась, чтобы не зашикать на него — втянет нас в беду!

— А вам на што? — насупился мужик.

Я мысленно присоединилась к нему в этом вопросе. Зачем нам знать, где живет и как выглядит какая-то злая баба?

— Ты что, старый, не видишь? Это детки с Калиновой улицы. Сдать им змеищу, да и дело с концом! — На крыльцо высунулась хозяйка двора и стала с грохотом выставлять за порог пустые ведра.

Мужик оглядел нас из-под мохнатых бровей.

— Я на охоту на ведьм не подписывалась, — прошептала я так, чтобы слышала только неразлучная троица.

— А у нас ведьмы и не водятся, — попытался успокоить меня Ратко.

Ага, я и поверила. То-то тут все о ней так ласково отзываются, дай только шанс — веток в костер под пятки мигом подкинут.

— Да что ты тянешь! Вон за тем углом живет она, господа волшебники. Дом с коваными воротами, — подтвердила мою догадку женщина с крыльца. — Варварой зовут. Ей уж полвека минуло, а в последнее время ходит павой в бусах и расписном платке!

Интересно, что бы она сказала о некой баронессе Зоненштадтской, которой минуло семьдесят и которая при этом не подумала отказаться от жемчуга и бриллиантов? Я посмотрела на женщину, мягко говоря, неодобрительно.

Неразлучная троица, не сговариваясь, развернулась в указанном направлении.

— Вы серьезно? — едва поспежала я. — Прямо вот совсем серьезно?

Почему-то было смешно и в то же время досадно. Парни поверили одной злоязычной бабе, которая клеветала на другую такую же, и теперь мы дружной толпой идем в неизвестном направлении.

Поневоле задумаешься о сглазе и колдовстве, когда на две ближайшие улицы и переулок всего один дом в приличном состоянии. Жилище старосты стояло как новенькое, будто только что срубленное, обтесанное и покрашенное. Забор дощечка к дощечке, тогда как соседний напоминал зубы во рту старика.

— Что мы здесь делаем? — продолжала канючить я. — Да еще младенца с собой притащили.

Хотя как раз ребенок за пазухой у Весеня вовсе не возражал против долгой прогулки, наоборот, мирно спал, только иногда слегка покряхтывая, когда волшебник перехватывал его поудобнее.

— Здесь пахнет волшебством, ты же сама внимание обратила, — сказал Ратко, без тени смущения колотя по основательным воротам старосты.

Пока он колотил, за нашими спинами что-то протяжно заскрипело. Мы обернулись вовремя, чтобы увидеть, как за два дома от нас поперек проулка рухнуло дерево, под которым мы прошли буквально пару минут назад.

Ратко выругался и удвоил свой натиск.

— Эй, хозяева! Открывайте, поговорить надо!

Я же, не веря своим глазам, продолжала смотреть на улицу. Либо мы все сходим с ума, либо упавшее дерево действительно становится все трухлявее, заборы по обеим сторонам проулка накреныются все больше, усеивая сугробы мелкими чешуйками облетающей краски.

— С кем говорить-то? Вы кто такие будете? — раздался требовательный голос с высокого крыльца.

Мы отступили на шаг и задрали головы, чтобы получше рассмотреть, кто говорит. На крыльце стояла крепкая баба в накинутом на плечи полушубке и синем платке. На шее у старостихи, как и говорила ее завистница, красовались ярко-красные крупные бусы — словно вишни, нанизанные на нитку. Тетка была дородная, сбитая и никак не старше сорока лет.

— Волшебники мы, тетушка, с Калиновой улицы. Дозволь во двор войти!

— С чего это? — резонно возразила тетка. — Я вас не звала.

— У вас на дворе опасный волшебный амулет. Хотим найти, пока от него людям худа не вышло.

Тетка на миг испугалась, потянулась к горлу рукой, но затем все с тем же упорством ответила:

— А вам откуда знать? Соседушки наклепали? Они от зависти еще и не такого понараскажут.

Только после слов про амулет до меня стал доходить смысл происходящего. Пока Ратко был занят переговорами, я дернула за рукав Леля.

— Что за амулет-то?

Красавец повернул ко мне свое нахмуренное лицо и кивнул в сторону старостиhi:

— Да вон, его и искать не надо — на шее у нее висит.

Я пристальнее присмотрелась к красным бусам на шее у тетки. Шарики сверкали слишком ярко — неудивительно, что соседка обратила на них внимание.

В это мгновение снова раздался скрежет, и хорошо утоптанная дорога у нас под ногами внезапно треснула. В узком, с палец толщиной, разломе показалась черная промерзшая земля.

— Откройте, пока никто не пострадал! — вновь заорал Ратко.

— Еще угрожать мне вздумали? Пошли прочь! И без городского не показывайтесь! Ишь, пусти их на порог — пол-избы вынесут!

— А вышибить ворота конечно же нельзя? — решила удостовериться я, оглядывая могучую фигуру горе-переговорщика.

— Нельзя, — остудил меня Лель. — Нас Вольга за репутацию своего дома потом в ступе в кашницу истолчет.

Какие все щепетильные! Пока я оглядывалась по сторонам, трещина у нас под ногами стала в два раза длиннее. Этак мы скоро во тьму подземную провалимся. Надо что-то срочно предпринимать.

— Ратко, подсади-ка меня! — Я потянулась к великану, словно маленькая девочка, просящаяся на ручки. Волшебник поднял брови, но просьбу исполнил, усадив меня к себе на плечо.

Наконец-то моя макушка оказалась над забором.

— Тетенька, вам бусы краденые достались! — уцепилась за штакетины я.

— Ничего не краденые, я их честно на базаре за тридцать копеек купила! Сгинь, сопливка, мала еще поклеп наводить!

— Тетенька, их у ведьмака украли, он ведьмачке хотел своей подарить! Не губите себя! Высосет вас это ожерелье досуха-дочиста! Вон все окрестные дворы уже страдают! — Я покосилась вниз на Леля и прошипела: — Что стоишь? Волшбуй давай!

— Брешешь, малявка! — побледнела тетка.

— А вы на руки свои поглядите. Ноготки-то желтеют, кожа морщинится уже. Да и пятна темные, вон они. Всю как есть высосет!

Не знаю, что там делал Лель — я на него не смотрела, — но чем больше тетка разглядывала свои руки, тем больше ужаса проступало на ее лице.

— И это только начало! — на радостях от удачной импровизации пообещала я.

Старостиха завизжала и попыталась сорвать с себя украшение, но замок не желал поддаваться трясущимся рукам.

— Спасите! Помогите! Ломайте ворота!

Ага, как же! А потом скажут, что все мы просто кучка юных вандалов.

— Ратко, подсади выше!

Волшебник без лишних слов поднял меня выше, и я оттолкнулась пяткой от его плеча. К несчастью, грациозно перемахнуть через забор не получилось. Гигантские валенки и тяжелый полушубок этому нисколько не способствовали. Остатки гордости я все же сохранила, чудом не упав лицом в сугроб. Правда, это стоило мне одного валенка. Второй я скинула уже сама, потому что смысла в нем не было, и босыми пятками по утоптанному снегу понеслась к крыльцу.

Ну, молодое тело, выручай! В ближайшие дни мне будет не до простуд!

Пропрыгав по ступенькам крыльца, я подскочила к старостихе и с помощью тонких ловких пальчиков живо расстегнула застежку на бусах.

— Ребят, что с ними теперь делать? — Я помахала ярко-красной низкой в надежде на дальнейшие указания.

— Ворота сначала нам отопри, коза, — беззлобно рассмеялся Ратко.

— Слышали? Отпирайте, — велела я тетке, которая за две минуты без волшебного украшения словно бы вылиняла.

— Я?

— Ну я же не пингвин, босиком по снегу бегаю только в крайних случаях. — Мне уже удалось усесться на скамейку, что была прибита на крыльце, и подобрать под себя начавшие замерзать ступни.

— Пин-вин? — не поняла старостиха, но послушно направилась отпирать ворота.

— Из нашего хранилища бусы. — Вольга задумчиво повертел в руках низку. — Хозяйка-волшебница неизвестна. Украшение подпитывает жизненные силы носящего, а энергию берет из окружающей среды. Если его не контролировать — а обычный человек этого делать не может, — недалеко и до беды — вон как улица уже пострадала.

Я выразительно показала северянину на его воспитанника, склонившегося у моих ног. Выходило подозрительно. С чего хозяину дома на Калиновой рассказывать о волшебных предметах совершенно посторонней девчонке?

— Ну все, теперь не захвораешь. — Ратко выпустил мои ступни из ладоней и аккуратно опустил в валенки. Было ощущение, что я погрела ноги у камина. В ладонях волшебника будто скрывалось по угольку.

— Спасибо. Зачем тебе дубленка, если ты и так теплый? — наивно спросила я.

— Чтобы девкам нравиться, — улыбнулся Ратко.

— Иди лучше со всеми вместе улицу подлатай, — заметил Вольга. — Так ты девкам больше понравишься.

— Да какой с меня толк?

— Ну, может, лед где растопишь, — двусмысленно ответил наставник, и Ратко ушел.

— Вот теперь можно и делом заняться, — удовлетворенно сказала я. — Пойдемте спросим у хозяйки, где она такие бусы взяла.

— Ну пойдем, — вздохнул Вольга. — Только не думаю, что из этого выйдет толк.

В ужасе от всего пережитого старостиха заперлась в доме и еле слышно подвывала из-за двери. Я посмотрела на волшебника и деликатно постучала.

— Уйдите, — протяжно донеслось в ответ.

Пришлось вновь пойти на обман.

— А остатки чар кто с вас снимет?

На минуту в доме воцарилась тишина, затем дверь открылась, и на пороге появилась опухшая и заплаканная хозяйка. К счастью, Вольге в отличие от его учеников не надо было объяснять, как обманывать доверчивых горожан. Он живенько и с самым серьезным видом стал размахивать над пострадавшей руками, делая виртуозные пассы. Так что тетенька прониклась.

— А где вы взяли эти бусы? — не теряла времени я.

— Купила, — с вызовом ответила старостиха, хотя у меня и в мыслях не было обвинять ее в воровстве.

— Как купили? — удивилась я, потому что бусы скорее подходили молодой девушке.

— Как-как! На базаре! Мешок крупы купила неделю назад, дома пересыпать стала, а там, глядь, бусы эти.

— А у кого купили?

— У Никифора, у кого ж еще?

— То есть вы его знаете?

— Его весь город знает, — перебил меня Вольга и покачал головой в знак того, что эта ниточка никуда не приведет. — Ну все, вот и готово. Сегодня поспите, а завтра как новенькая будете.

Едва мы вышли за ворота, волшебник возобновил прерванный разговор:

— Подкинули ему эти бусы в товар. Никифор на базаре каждый день торгует.

— А до этого пропавшие волшебные вещи вот так в городе не объявлялись?

— До этого нет.

— А почему? Если предположить, что они в городе?

— Видимо, потому, что ни один волшебник не приводил их в действие. — После каждого моего вопроса Вольга мрачнел все больше.

— А для этого волшебник должен был просто оказаться рядом с этой вещью или подержать ее в руках?

— Чаще всего надо прикоснуться.

— И как давно, судя по состоянию улицы, кто-то прикоснулся к бусам?

— Думаю, не больше недели назад.

— То есть, скорее всего, прямо перед тем, как они попали к старостихе?

— Скорее всего.

— Тогда почему до сих пор не нашлись остальные предметы? Или их действие не так заметно?

— Не знаю. — Вольга пожал плечами. — Один из предметов точно опасен. Кольцо Радогаста мы бы не смогли не заметить. Значит, их просто не включали.

— Но и бусы в мешке с крупой не похожи на случайность, — задумчиво произнесла я. — Думаю, самое время для эксперимента. Вернее, с него надо было начинать.

Глава 10

ВОЛШЕБНЫЕ ГРАНИЦЫ

Во второй половине дня Лукреция Зоненштадтская, придворная дама, восемь раз бабушка и десять раз прабабушка, была в настроении немного похулиганить. Перевоплощения в семнадцатилетнюю девушку не только не отнимали силы, но как будто добавляли энергию. После возвращения к своему реальному возрасту баронессе впервые не захотелось возвращаться и к своему старому гардеробу тоже. Задумчиво повертев волшебную брошь в руках, она без единого укора совести нафантазировала себе наряд, которым могла бы гордиться какая-нибудь колдунья, в меру злая и в меру тщеславная. К темно-зеленому платью с искусной вышивкой, отдаленно похожей на любимые узоры северян, Лукреция игриво добавила нитку мелких красных бус. Это была маленькая, никому конкретно не предназначавшаяся демонстрация того, как женщина в почтенном возрасте может носить яркие украшения.

— Леди Лукреция, вы просто сногшибательны! — одобрил ее наряд Вольга, когда она спустилась вниз, чтобы отправиться к границе владений дома на Калиновой улице. — Решили заткнуть соперницу за пояс этим платьем? Учтите, вы имеете дело с волшебником, уж перещеголять вас в нарядах я сумею.

Баронесса похолодела, на секунду представив, во что при желании может одеть ее двойника северянин.

— И все-то вы, мужчины, воспринимаете как вызов, — игривым тоном ответила она, надеясь, что уловка сработает.

— А вы, женщины, за чистую монету, — парировал Вольга, распахивая перед ней дверь на улицу.

— И что же было обманом? — не отставала баронесса. — Комплимент моему наряду? Или намерение соревноваться со мной в экстравагантности?

— На этот вопрос есть всего один безопасный ответ, — усмехнулся северянин и предложил ей опереться на его руку, пока они будут пробираться по заснеженной тропинке вглубь сада.

Выглянувший из конюшни Ждан торопливо присоединился к их компании.

— Чего только не сделаешь ради баронессушки! — покачал головой паренек, всем видом показывая, что готовится едва ли не сложить голову на ристалище во славу предмета своего обожания. И не скажешь, что почти выпрыгнул из ботинок от энтузиазма, когда леди Лукреция попросила его участвовать в ее затее.

— Непредсказуемы капризы прекрасных дам, — поддержал его Вольга. — Но я продолжаю утверждать, что эксперимент совершенно бесполезен. Барьер вокруг дома как стоял полвека назад, так и будет стоять, ничего ему не сделается.

— Вы не можете быть уверены, что ваш барьер... — Баронесса пощелкала пальцами в поисках подходящего слова. — Барьер не прохудился.

— Волшебная граница — это не портки, чтобы прохудиться, — обиделся северянин.

— Да хоть бы и портки! — Лукреция неопределенно махнула рукой, видимо намекая на драные коленки Ждана. — Вы, волшебники, и на то не обратите внимания.

— Это рабочие штаны! — возмутился паренек. — Если дадите мне пять минут, я переоденусь.

— Баронесса шутит, — успокоил его наставник. — Для твоего задания лучше надеть штаны похуже.

— Что?! — взвился Ждан. — Господа взрослые, вы мне сказали, что это безопасно! Я не готов рисковать цельностью или чистотой даже своих рабочих штанов!

— Вы сказали ему, что это безопасно? — наигранно удивился Вольга.

— Нет, это вы сказали мне, что у вас все под контролем, — поправила Лукреция, усиленно подчеркивая личные местоимения. — Поэтому я попросила его не волноваться, раз уж вы за все отвечаете.

— Слушайте, может, я пойду? А то стойла не чищены, собака не кормлена.

— Ладно, оставим эти шутки, — сдался Вольга, видя, что они в любой момент могут лишиться добровольного подопытного. — Неужели вы думаете, что я стал бы ставить что-то смертельное на границе? Тут все же мои воспитанники, а не заключенные, и я отвечаю за их здоровье.

После такого заверения Ждан снова повеселел.

— Может, уже приступим к эксперименту? — с готовностью предложил «подопытный» и требовательно протянул баронессе руку ладонью вверх.

Аристократка стала мрачнее тучи и медленно повернулась к хозяину дома.

— Вольга, — угрожающе начала она, — только не говорите мне, что никто из вас не догадался захватить с собой какой-нибудь волшебный предмет.

— Я думал, вы захватите.

— Я же не ваша воспитанница, я ничего не могу брать без разрешения, даже если не собираюсь выносить это из дома.

— Да ладно вам, не ссорьтесь, — миролюбиво вклинился Ждан. — Вон на баронессе брошка из хранилища. Олег свое разрешение отзовет, ее и возьмем — никуда ходить не надо.

— Ни в коем случае! — в два голоса воскликнули Лукреция с Вольгой. Оба прекрасно знали, что под мороком сложного платья прячется простенькая одежда Ланы.

— Вы что, в ночнушке, да? — понимающе протянул вихрастый и прищурился. — Ну и что, под вашей накидкой все равно видно ничего не будет. Только край подола.

Баронесса набрала воздуха в грудь и крепче сжала клюку, готовая огреть нахапенка.

— Или она в цветочек? — снова опередил ее Ждан.

Вольга успокоительным жестом положил ладонь на руку Лукреции — сработала привычка защищать воспитанников.

— Ждан, сходи в хранилище.

— Почему я? Это же ваш эксперимент.

— Потому что ты самый младший.

— Дедовщина! — на удивление восторженно провозгласил Ждан и побежал к дому.

— Как давно в последний раз срабатывал барьер? — спросила баронесса, дождавшись, когда паренек окажется достаточно далеко.

— Три года назад. — Вольга тоже прекратил свои шуточки.

— И кто из теперешних ваших воспитанников был тому свидетелем или виновником?

— Вот куда вы клоните... — Вольга задумался. — Все старшие уже были здесь — Весень, Ратко, Лель и Белоника. А виновника в доме уже нет.

— Но они знают, как работает барьер, — резюмировала баронесса.

— Круг подозреваемых сузился?

— Ни в коем случае. Ничто не мешало им рассказать остальным.

Волшебник застонал:

- Зачем надо было задавать столько вопросов, если они ничего не проясняют?
- Вольга, вы уже достаточно взрослый, чтобы понимать, что вопросов никогда не бывает слишком много... У меня к вам есть еще одна небольшая просьба.
- Все что угодно, моя хитроумная госпожа, — усмехнулся северянин. — Кроме права выбора компании на следующий день.
- Я хочу, чтобы сегодня Весень поехал со мной в город.
- Это проще простого! Скажу, что вы на грани обморока, пусть практикуется. Утром вместе не нагуляли? Вы оценили его навыки вежливой беседы? — Вольга ослабился, а затем прищурился. — Или после ваших приключений он попал в круг подозреваемых?
- Он был там с самого начала, — ответила Лукреция, не желая разглашать своих истинных намерений.

Вернулся Ждан... с огромным железным утюгом наперевес.

- Ты не мог найти что-нибудь потяжелее? — полюбопытствовал его наставник.
- Белка утюг на кухне оставила — я и взял. Зачем идти в хранилище? Представляете, нагревается без угля! — похвастался Ждан.
- Невероятно! — передразнил его Вольга. — Иди давай уже!

Баронесса хотела возмутиться такому халатному отношению к волшебным вещам, но быстро передумала. Со своим уставом в волшебный монастырь... Мудрая женщина выбрала другую тактику.

— Вперед, мой отважный друг! — ласково подбодрила Лукреция, потому что Ждан все еще колебался на границе волшебных владений. Поняв, что словесное подбадривание не работает, неугомонная аристократка по своему обыкновению сразу же перешла к активным действиям. Конец ее трости уперся юному волшебнику в поясницу и подтолкнул вперед.

Вольга приподнял густые брови, уверенный в том, что если Ждан и дальше будет проявлять неуместную робость, то непременно получит пинка дорогим сапожком очень маленького размера.

- Только ради вас, — еще раз повторил паренек.
- Набиваешь себе цену, — хмыкнул Вольга.
- На случай, если выживу, — хмыкнул в ответ Ждан и шагнул за границу.

Воздух вокруг него пошел волнами, будто поверхность воды, а затем застыл. Баронесса ожидала, что мальчик будет двигаться дальше, но его фигура замерла вместе с воздухом. Ждану удалось лишь обернуться назад и слегка дернуть рукой, отчего в пространстве снова пошли небольшие волны. Отважный испытатель шевелил губами, но до Вольги и Лукреции не долетало ни слова.

- И что дальше? — спросила баронесса. — Надеюсь, он может там дышать?
- Конечно, я же не душегуб. А дальше прихожу я и решаю, что делать с нарушителем.
- И как вы узнаете, что кто-то попался?
- Это уже наши волшебные штучки, и мне не так-то просто их объяснить.
- Есть ли хоть какая-то лазейка через эту границу?
- Ни единой.
- А если перебросить через нее волшебный предмет?

- Случится то же самое.
- Хм... — Лукреция всем весом налегла на трость и задумалась. — А под землей?
- И под землей тоже, — усмехнулся Вольга, у которого сложилось впечатление, что он сдает своеобразный экзамен по теории и практике защитного волшебства.
- На сколько метров? — не сдавалась пожилая дама.
- Достаточно для землеройных животных, всех птиц и любых приспособлений, которые могут подняться в воздух, — если вы это имели в виду.
- А если я сейчас потяну Ждана за руку с другой стороны?
- У вас не получится к нему даже притронуться.
- Значит, кроме магии, вариантов нет? Предмет должен был просто исчезнуть на одной стороне и появиться на другой, — сделала вывод Лукреция.
- Именно это я вам сразу и сказал.
- Ладно, выпустите уже мальчика. — Баронесса кивнула головой, указывая на позабытого Ждана, который все это время пучил глаза и открывал рот, словно рыба в аквариуме, пока двое взрослых старательно игнорировали его немые призывы.
- Фу-у-ух, — облегченно произнес он, с легким хлопком освободившись от сковывавшего его волшебства. — Все равно что угодить в холодец!
- В холодец? — недоуменно переспросила аристократка.
- В холодец! Ну знаете, студень такой на мясном бульоне, — пояснил ей отрок и с несомненной гордостью добавил: — Хотите, Морошку попросим — уж она его знатно готовит!
- Хо-ло-дец, — посмаковала слово Лукреция. — Я бы сама хотела попробовать, что такое «холодец».
- Ну так я пойду, скажу Морошке?
- Да не этот, — отмахнулась пожилая дама и указала на границу, — а тот, что у вас вместо забора.
- Люблю смелых женщин! — тоном пожилого ловеласа восхитился Ждан и галантно протянул ей утюг.

Баронесса с Вольгой, не сговариваясь, утомленно подняли глаза к небу.

Если молодой волшебник думал, что Лукреция отступит перед угрозой утюга, то сильно ошибался. Аристократка как ни в чем не бывало взяла железного монстра в руки и без тени колебания шагнула через границу. Проверять надо было все варианты, в том числе и возможность, что волшебные предметы выносил простой смертный, не только волшебник. Уже после первого шага пожилая дама поняла, что дальше ей не продвинуться ни на сантиметр. К сожалению, в этот раз Вольга был прав — барьер надежен. Удовлетворенная полнотой проведенной проверки, она застыла в некой уютной невесомости, мягко ограничивавшей движения, и старалась принять наиболее достойную позу из всех возможных, когда в руках у тебя утюг весом в три килограмма, чтобы спокойно ждать освобождения.

Ждан и его наставник с видом котов, только что урвавших сметаны, смотрели на баронессу, замершую в воздухе с массивным предметом домашней утвари в обнимку.

- Можно мы ее так ненадолго оставим? — с надеждой спросил вихрастый.
- К сожалению, нельзя, — ответил Вольга, и в его голосе чувствовалось неподдельное сожаление.
- Такая картина пропадает...

— И не говори.

Полчаса спустя сидевший в открытых санях Весень одарил баронессу взглядом кормящей матери, которую застали врасплох. Заметив маленький сверток у него под полушубком, Лукреция Зоненштадтская поджала губы и остановилась, так и не дойдя до саней. Как-то так вышло, что в круговерти событий она совсем позабыла, что целитель теперь обременен мелким грузом. То-то он не бегал по дому в поисках пропавшей Ланы с ее неразрешимой загадкой! Наверняка сейчас молодому волшебнику было важнее найти того, кто знает, как менять пеленки.

— Откуда у тебя ребенок?

Сначала баронесса подумала спросить: «Это твой ребенок?» — но вовремя себя поправила. Она хотела показаться неосведомленной, а не глупой.

— У знакомых одолжил поносить, — огрызнулся Весень. — Надеюсь, вы меня позвали по действительно важному поводу.

Лукреция что-то прикинула в уме.

— По самому наиважнейшему, — успокоила она подростка и забралась в сани.

Ждан тронул поводья, и лошадь двинулась со двора.

Вероятно, целитель воспринял баронессу как еще одного сумасбродного пациента. Он хмуро оглядел ее с ног до головы, не обронив ни слова. Потом все же не выдержал и заметил:

— Что-то не похоже, что вам плохо. А если вам плохо, то куда вы собрались под вечер?

— Да будет тебе известно, мой вежливый друг, что прогулки на свежем воздухе улучшают самочувствие, — не моргнула глазом Лукреция.

— Да все у вас в порядке с самочувствием! Что я, симулянтов не видел? — Весень вдруг резко схватил запястье пожилой дамы и также резко замер, а вместе с ним и баронесса. — Да у вас лошадиное здоровье!

Лукреция с силой выдернула руку, чем вполне подтвердила его слова.

— Вечно молодым кажется, что пожилые выдумывают себе болячки. Доживешь до семидесяти, я посмотрю на тебя.

Целитель не ответил. Он как-то странно, с опаской продолжал смотреть на свою спутницу.

Зато с облучка ответил Ждан:

— И доживет! Но все равно будет считать, что выдумывают. Для волшебника семьдесят лет не возраст. Страшно подумать, сколько лет Вольге! Вы его не спрашивали? А то он нас за нос водит.

— Что? — не поверила своим ушам Лукреция.

— Я говорю, не спрашивали его, сколько ему лет?

— Не спрашивала, — ошарашенно ответила баронесса. — Я думала, ему лет тридцать — сорок.

— Э-э-э, да он полвека только домом на Калиновой улице заправляет, а что было до этого — тьма и сплошные вопросы. Тпр-ру-у, приехали!

— Зачем мы здесь?! — с ноткой паники в голосе спросил Весень.

И его можно было понять, потому что сани остановились ровнехонько напротив домика лекаря.

— За лекарством, — уверенно заявила пожилая дама и посмотрела на своих молодых спутников самым невинным из своих взглядов.

— Я туда не пойду! — Если бы не младенец за пазухой, Весень бы непременно скрестил руки на груди, как упрямый подросток.

— Как хочешь, а я пойду, — сказала леди Лукреция и оперлась на вовремя подставленную руку Ждана, вылезая из саней. Уточнить, что целитель должен остаться там, где сидит, она не стала. И так дождется из чистого любопытства.

Вернулась баронесса быстро и, прежде чем сесть на свое место, плюхнула Весеню на колени связку из двух фолиантов.

— Вот, прочтешь на досуге, — безапелляционно заявила она. — Потом вернешь лекарю, я взаимы взяла ненадолго.

Разговор с лекарем у аристократки вышел короткий: она попросила у него книги по медицине, и он их ей с радостью одолжил. Видимо, давно руки чесались впихнуть свои знания целителю-самоучке, пока тот строил из себя великого волшебника, который превыше всех смертных наук.

Парнишка посмотрел на нее недоуменно.

— И не поду...

— Не умеешь читать? — сочувственно покачала головой Лукреция — более сердобольной старушки во всем свете не сыщешь.

— Да умею я читать!

— Тогда в чем проблема?

— Чем мне, волшебнику, может помочь человеческая медицина? Вы же не предлагаете мне лопухи сушить и в ступках толочь?

Неожиданно даже для себя пожилая дама рассердилась, сквозь личность баронессы пробился голос Ланы, в теле которой она провела большую часть дня.

— И будешь толочь, если понадобится! Ты дурак или прикидываешься? — на грани вопиющей грубости спросила она. — Мне только сегодня эта девочка в гигантских валенках рассказывала, что у вас там произошло с отрубленной рукой. И после этого тебе совесть позволяет отмахиваться от предложенной помощи? Да ты хвататься должен за любую книгу, до которой можешь дотянуться! И обивать пороги людей, которые лекарством занимаются дольше, чем ты живешь на свете!

Весень побледнел до оттенка снега, процедил сквозь зубы несколько слов — которые, к счастью, Лукреция не поняла, потому что титулованная бабушка такой лексике ее не учила, — и немедленно выпрыгнул из саней.

— Ну вы рубанули! — прокомментировал Ждан, глядя в спину удаляющемуся целителю. — Догнать его?

— Да куда не денется, — абсолютно ровным голосом ответила баронесса. — Лучше покажи его комнату, когда приедем.

— Зачем?

— Как зачем? Книжки-то он здесь бросил. Потом жалеть будет, но извиняться не придет из гордости. Если спросит, скажешь, ты положил. На какие только ухищрения не приходится идти, чтобы сделать людям добро.

— Волшебникам.

— Волшебникам-недочкам в особенности.

Глава 11

СОЛНЦЕВОРОТ

— А что будем делать, если она захочет есть? — поинтересовалась Морошка, заглядывая Весеню через плечо.

Мы проникли к целителю в комнату под предлогом, что хотим посмотреть на малышку. Но лично я скорее руководствовалась желанием узнать судьбу подложенных юному волшебнику книг. Моему взгляду предстала идиллия: ребенок мирно спал, постепенно наливаясь жизненной силой, книги были освобождены от перевязывавшей их бечевки и аккуратно сложены на столе. День прошел не зря!

— Не захочет, пока я ее держу, — с набитым ртом ответил парень, торопливо поглощая пельмени со сметаной из расписной миски, что мы поставили перед ним.

Это я предложила Морошке начать кампанию по откармливанию доходяги, а то пациенты скоро совсем его обглодают. Долго уговаривать девочку не понадобилось, вот только волшебного способа лепить пельмени никто так пока и не придумал. Пришлось справляться в четыре руки, одновременно постигая премудрости северной кухни.

— А мокрые пеленки ты менять умеешь? — на всякий случай спросила я. Возиться с ребенком мне, конечно, некогда, но дельные советы — это как раз по моей части.

— А с тобой я вообще не разговариваю, — зыркнул на меня Весень. — Морош, убери ее. Она все старухе донесла.

Старухе?! Ах ты, поросль зеленая, неблагодарная!

— И что тебе такого страшного эта старуха сделала? — Я скрестила руки бубликом.

— Книги вон всучила. — Весень кивнул на стол.

— Ах ты ж боже мой, какое немислимое оскорбление! — запричитала я. — И как ты только стерпел? Давай заберу и швырну их к ее бессовестным ногам!

Целитель мгновенно оторвался от пельменей и дернулся в попытке остановить меня.

— Сам отдам. Кыш отсюда!

Я показала ему язык и выскочила за дверь.

В коридоре под лестницей слышалось мерное шорканье, пахло гуталином и чрезмерными стараниями.

— Ратко! — Я перегнулась через широкие перила и посмотрела на богатыря, усердно начищавшего свои сапоги. Подозреваю, что с причиной такого энтузиазма мы сегодня утром виделись на реке. — А возьмешь меня с собой? Жуть как хочется на праздник посмотреть!

— И меня! — пискнула из-за моей спины выскочившая следом Морошка. — И меня!

Богатырь в задумчивости почесал затылок:

— Вообще-то недосуг мне вас потом домой отводить, малышня.

Как же, как же, недосуг ему. Небось девчонок деревенских пойдет провожать.

— А мы сами дойдем! — крикнула я.

— Конечно, дойдем! — вторила мне Морошка.

— Тьфу, не смешите! Вас мыши утащат, а мне потом перед Олегом отвечать.

— Не утащат! — в два голоса затянули мы.

Открылась дверь в комнату Вольги, оттуда высунулся всклокоченный волшебник.

— Ратко, да возьми ты девчонок с собой! Через пару часов я их заберу — успеешь еще нагуляться.

— Так нечестно! — противным голосом заорал откуда-то снизу Буреслав. — Если они идут на Солнцеворот вместе, я требую, чтобы это было засчитано как полная экзаменационная попытка!

Морошка перегнулась через перила.

— Ну, раз требуешь, тогда ладно — пусть это будет моя попытка! — Девочка весьма артистично показала язык (мне у нее еще учиться и учиться). — Ну что, Ратко, берешь нас?

— На таких условиях — это непременно. Только, чур, под ногами не пугаться! А если сигнал подам, чтобы живо бежали ко мне. Заставите искать по сугробам — в следующий раз будете сидеть дома.

— Что за сигнал? — полюбопытствовала я.

— О-о-о, ты поймешь, когда увидишь, — подмигнул снизу Ратко.

Открылась дверь в комнату Белоники.

— Спалишь город, а нам потом отвечать? Ладно, гуляй, я девочек на себя возьму.

Мы с Морошкой подпрыгнули и захлопали в ладоши.

— Только осторожнее, — как-то вкрадчиво сказал Вольга, обращаясь прежде всего ко мне. — В ночь Солнцеворота на земле можно встретить тени умерших людей.

Я прекратила хлопать — умерших на моем веку хватало.

— Именно поэтому ты никогда не ходишь на этот праздник? — поинтересовалась Белоника у наставника.

Впервые на моей памяти Вольга замолк и не нашелся что ответить, просто покачал головой и скрылся у себя в комнате.

Перед тем как идти на гулянья, я собиралась пристать к Белонике, выпрашивая себе обувь, которая хотя бы примерно соответствовала моему размеру. В неуклюжих валенках особого веселья не получится. Но Белка и Морошка после ужина сами отловили меня в коридоре и с заговорщическим видом повели в мою комнату. Распахнув дверь, подтолкнули через порог и зажгли свечи.

На кровати аккуратной стопочкой лежала новая одежда, рядом стояли коричневые кожаные сапожки на меху и холщовые вышитые туфельки для дома, на спинке стула появилась яркая ватная телогрейка.

От неожиданности и благодарности я рассмеялась.

— То есть вы рассчитываете, что я с вами надолго?

На глаза вдруг навернулись непрошеные слезы. И откуда такая чувствительность? Я обняла обеих волшебниц, чтобы смягчить невольно вырвавшийся сарказм.

— Спасибо большое!

— Сегодня же Солнцеворот! — радостно ответила Морошка. — На него принято дарить новую одежду. Мы специально на базар сходили.

— А у меня для вас ничего нет, — расстроилась я, будто мы уже успели стать подружками.

— И не надо, — отмахнулась Белоника. — А то Вольга чуть ли не через день грозитя выгнать меня из дому, если я куплю еще хоть одну пару сапог.

Мне оставалось только удивляться, сколько радости принесла новая одежда. Так что, когда мы с девочками через час вышли из дома, притворяться восторженным подростком не было необходимости: я и без всякого притворства сияла, как начищенный пятак.

Поначалу я удивилась, что праздник проводился не в центре города, но потом, увидев поле с пятью пылающими кострами выше человеческого роста, поняла почему. Веселье намечалось слишком жарким для поселения, где преобладали деревянные избы.

В воздух то и дело взлетали шутихи, несколько торговцев прикатили в поле печки на колесах и наливали всем желающим янтарную жидкость, вкусно пахнущую медом. От напитка люди хмелели, дружно затягивали песни, восхвалявшие солнце и огонь. Ражие парни в распахнутых полушубках, а то и просто в одних рубахах катали с пригорка подоженные колеса. Те, кто постарше и посноровистее, раскручивали и подбрасывали в воздух горящие головни. Смысла этих мужских забав я так и не поняла, но справедливо рассудила, что ради победы в них надо как минимум выжить.

То и дело мелькали в толпе лица воспитанников дома на Калиновой улице. Вот немного осоловелый Буреслав уткнулся в кружку с медовым напитком — меня так и подмывало подойти к нему и узнать, с одобрения ли Вольги происходит сие возлияние. Увидев нас, он так яростно замахал рукой, приветствуя Белонику, что расплескал половину своей медовухи. Волшебница в ответ лишь слегка приподняла руку и поспешила вместе с нами затеряться в толпе.

Лея я заметила не сразу. Со скучающим видом праздного бога он стоял в стороне от общего веселья и все время косился на нас, когда думал, что никто этого не заметит. Зачем он сюда пришел, оставалось загадкой.

И только Ратко оказался полностью в своей стихии: с одной стороны снег, с другой — огонь. Я поневоле залюбовалась, когда он выхватил у кого-то из местных парней парочку факелов и раскрутил их так, что на фоне темного неба были видны лишь два огненных колеса. На очередном витке огонь будто ожил, змеей обвился вокруг богатыря, а потом вспыхнул и распался на сотни ярких блесков-мотыльков. Послышались восторженные возгласы зрителей, в основном женские. Уверена, в этом фокусе не обошлось без волшебства.

Неразлучная тройца наконец-то разлучилась. Весень по вполне очевидной причине остался в доме, получив в свой адрес много иронических замечаний от своих «бездетных» друзей. Не было и Ждана, он с вечера заперся у себя в комнате, объявив, что только полные дилетанты могут потратить специально созданную для волшебства ночь, как дикари танцуют в поле вокруг костра. Увидеть на празднике Нину и Надиру я даже не рассчитывала. Ну и Вольга косвенно ответил на колкий вопрос Белоники, проводив нас лишь до садовой калитки.

— Белочка, смотри, хоровод затевают! — вдруг с восторгом закричала Морошка, оборвав мысленное подведение итогов моих скрупулезных наблюдений. — Пойдемте скорее!

Белоника весело усмехнулась, схватила в одну руку ладонь Ягодки, а в другую мою и зашпешила вперед к собравшимся в кучку городским девушкам. Когда она взяла меня за руку, я в очередной раз растерялась от этого давно позабытого ощущения. Сколько же лет назад в последний раз кто-то старший вот так брал меня за руку?

К счастью, времени на сантименты было немного. Мне предстояло познакомиться с народной северной забавой под названием «хо-ро-вод». Скажу заранее: более стратегически изощренного танца я еще не встречала. Ну а дисциплине построения девушек могло позавидовать любое профессиональное военное формирование.

Стоило нам подойти ближе к девчачьей стайке, пестрящей лентами и праздничными нарядами, как раздались радостные приветственные возгласы. Я удивилась, что юных волшебниц в городе знают так хорошо и, более того, принимают за своих. В моей стране магов обходили за три улицы, дабы случайно не получить какое-нибудь проклятие.

— Белка! Белка поведет! — запищали девчонки, обступая красавицу со всех сторон.

Что же они такое задумали? Это танец или игра? Жалко, нельзя было спросить, не вызвав подозрений. Я восхищенно вертела головой по сторонам, пытаюсь охватить взглядом сразу все. Собрались не только девушки, парни останавливались чуть поодаль, и, если я все правильно поняла, многие из них разминались. Вдруг это какое-то спортивное состязание? Баронесса во мне выступала категорически «против», я же была только «за». Отчего бы не размяться в молодом теле?

— Пойдем! — снова вывела меня из задумчивости Морошка и стала подталкивать в сторону пустого заснеженного пространства, куда пока еще не докатился городской праздник.

— В круг! В круг! — раздались голоса со всех сторон.

Девушки взялись за руки и образовали большую окружность. Я оказалась в этом кольце между Белоникой и Морошкой, совершенно не представляя, что от меня требуется.

— Главное, не падай и держись за руки крепче, а там разберешься, что делать, — подмигнула мне Белка. Кажется, только младенцы в этом городе пока не догадались, что я не из северян. Но волшебнице было уже не до меня. — Ну что, красавицы, покружимся? Порадуем Солнышко?

— Порадуем! — в унисон ответили девушки, словно у всего действия был сценарий, по которому они заранее репетировали.

Белоника потянула меня вперед, я по инерции потянула за собой Морошку, и весь круг вдруг пришел в движение. Плавно и грациозно заскользили девичьи фигуры, все быстрее и быстрее раскручивая созданное ими кольцо. Над полем полетел не слишком искусный, но сильный голос Белоники:

Ты взойди, Солнце красное, В небо чистое, В небо ясное. Ты взойди, Солнце жаркое, В небо зимнее, В небо яркое.

— В хороводе красавицы, забирай, кто понравится! — дружно подхватили все девушки, и от их слаженных голосов у меня по спине поползли мурашки, будто здесь и сейчас снова творилось какое-то неведомое волшебство.

Фраза, сказанная громко, на высокой ноте, послужила сигналом первому из парней, что кружили невдалеке от девичьего хоровода и о чем-то весело и задиристо переговаривались. Он снял шапку, разбежался, сгруппировался, пригнулся и вдруг проскочил под сомкнутыми руками внутрь круга. Девушки завизжали, захихикали, но своего движения не остановили. Молодец встал в самом центре, его взгляд заскользил по девичьим лицам.

— Выбирай, выбирай! Кого выбрал, забирай! — задорно пропели девушки.

Но, видимо, особого секрета в том, кого он выберет, ни для кого, кроме меня, не было.

Я не до конца понимала смысл игры, пока парень не кинулся к своей избраннице, рыженькой и очень симпатичной северянке с чуть раскосыми глазами. Не успел он сделать к ней последний шаг, как одна соседка красотки разомкнула руки, а вторая, наоборот, вцепилась в рыжую крепче и дернула ее к себе. Парень выскочил из круга ни с чем, от неожиданности запнулся о какой-то холмик, потерял равновесие и зарылся в снег коленями.

Молодежь засмеялась. Посыпались шуточки, как со стороны парней, так и со стороны девушек. Хоровод снова сомкнулся. Зазвучала песня:

Ты взойди, Солнце милое, В небо сизое, В небо стылое. Ты взойди, Солнце теплое, В небо серое, В небо блеклое. В хороводе красавицы, Забирай, кто понравится!

И опять все повторилось. Ладный парень с черным чубом метнулся внутрь хоровода. Но Белоника, державшая меня за руку с одной стороны, что-то смекнула и еще до того, как парень оказался в центре, звонким голосом скомандовала:

— А ну-ка, девоньки, повернитесь!

Она отпустила мою руку, то же самое сделала Морошка по другую сторону от меня, и обе они вдруг повернулись на сто восемьдесят градусов. Я едва успела крутнуться за ними следом и вознесла хвалу всем богам за то, что наделили меня хорошей реакцией, когда хоровод снова сомкнулся. А то бы так и осталась единственной тетехой, которая бы крутилась в этой цепочке лицом внутрь круга, а не наружу.

— Ну, Игнатка, запомнил, в чем на праздник пришла твоя суженая? — звонко спросила Белоника, и я поняла ее коварный замысел. Со спины в свете костров девушек в ярких праздничных одеждах различить было сложно.

— Выбирай, выбирай! Кого выбрал, забирай! — подхватили девчата, все быстрее двигаясь по кругу.

Но Игнатка не сплеховал. На том конце хоровода раздался довольный писк, возмущенный гомон, и скоро я увидела, как новоиспеченная парочка удаляется прочь от хоровода под победное улюлюканье парней.

Девушки быстро смирились с потерей товарки, так же слаженно развернулись внутрь, и над полем полетел все тот же призыв Белоники:

Ты взойди, Солнце знойное, В небо синее, В небо вольное. Ты взойди, Солнце сладкое, В небо пресное, В небо гладкое. В хороводе красавицы, Забирай, кто понравится!

Я почувствовала движение воздуха — кто-то пронесся под моей рукой в круг, неловко зацепив край моего подола, а затем передо мной мелькнула знакомая спина. Буреслав! Незадачливый волшебник выскочил на середину круга и стал удивленно озираться, будто до этого не был даже уверен, что сумеет попасть внутрь хоровода. Волшебницы по обеим сторонам от меня заговорщически переглянулись. Не успела я сообразить, что происходит, как Морошка отпустила мою руку и стала загигать хоровод внутрь, превращая его из круга в спираль. Юный волшебник соображал даже медленнее меня. Пока он оглядывался в поисках своей избранницы, кем бы она ни была, коварная кухонная фея уже наполовину завернула вокруг него свой конец хоровода.

— Что вы делаете? Это не по правилам! — вдруг спохватился Буреслав.

Сомневаюсь, что у ведения хоровода были какие-то конкретные правила, потому что, кроме него, никто не возмущался. Морошка лихо и невозмутимо замкнула вокруг своего собрата-волшебника петлю из девчонок, и хоровод внезапно остановился. Со смехом и прибаутками северянки повалили попавшегося в их сети паренька в снег.

— Белочка, Белочка! — взывал о снисхождении недотепа-волшебник, но скоро его не стало видно за девичьими юбками.

Что они там делают? Как ни вытягивала я шею, увидеть что-либо в этом мельтешении было невозможно.

Наконец затейницы расступились. Буреслав оказался в одном сапоге, без шапки, без кушака, с торчащими во все стороны волосами, на которых с одного бока кто-то завязал бантом розовую ленту. Все покатывались со смеху, и громче остальных Морошка. Эта мелкая шкодница в одной руке держала сапог, а другой вытирала выступившие от смеха слезы. И хотя шутка была беззлобной, мне стало жаль паренька.

К счастью, забава все же создавалась для развлечения, а не для чего-то другого. Буреслава быстро поставили на ноги, отряхнули, вернули ему сапог и шапку. Вот только с кушаком вышла заминка. Маленькая, кругленькая, как яблочко, и как яблочко же румяная северянка повязала кушак волшебника вокруг своей плотной талии и, сверкая белыми зубами, заявила, чтоб пришел забирать свое имущество опосля хоровода, никак не раньше.

Буреслав стал как маков цвет, подхватил шапку и заторопился прочь.

А игра все продолжалась, набирая обороты, но при этом немного теряя красоту рифмы. Я мысленно посочувствовала Белонике, которой досталась непростая задача придумывать слова песни прямо на ходу. Что будет, когда у нее закончатся

прилагательные? Хоровод поведет кто-то другой? Я бы за такую задачу не взялась даже на родном языке.

Ты взойди, Солнце круглое, В небо честное, В небо мудрое. Ты взойди, Солнце щедрое, В небо праздное, В небо бледное. В хороводе красавицы, Забирай, кто понравится!

В центр хоровода выскочил высокий парень. Свет костра отразился на золотистых волосах и ладной фигуре — снова знакомый мне силуэт! Волшебники как сговорились, сначала Буреслав, а теперь вот Лель, я даже не удивлюсь, если следующим объявится Вольга. Девушки захихикали, хоровод как-то сам по себе замедлил движение — казалось, что добрая половина участниц забавы старалась идти так, чтобы взгляд васильковых глаз подольше задержался именно на ней. Я снова пересмотрела свои суждения по поводу вкусов северянок и пришла к выводу, что внешность Леля способна снискать поклонниц в любой местности. Вот только...

— Никогда бы не подумала, что он будет в этом участвовать, — высказала свою мысль я. Невероятнее было бы только появление в круге Весеня с младенцем за пазухой. — И кто счастливица?

— Хотелось бы мне знать, — озабоченно ответила Белоника, и я поняла, что вся ее тактика ведения войны... простите, хоровода основывалась на откуда-то заранее известном ей факте, кто и какую девушку выберет.

Лель путал волшебнице карты.

— Выбирай, выбирай! Кого выбрал, забирай! — лукаво затаили девки. Растерянность предводительницы их нисколько не беспокоила, ради такого выборщика они сами были не прочь сбить красавицу с толку.

Сказочный северный принц развернулся и побежал в нашу сторону.

Неужели снова Белоника? Это он зря, чтобы великая хороводоводительница да не увернулась — ой, вряд ли.

Но я не учла одного: в кругу оказался не обычный городской парень, а молодой волшебник, не особо щепетильно относившийся к правилам честной игры. Не знаю, какую команду готовилась отдать Белоника, но буквально за секунду до этого пространство внутри хоровода будто заволочило снежной пеленой, как во время метели. Только не было в ней ни колких снежинок, ни сильного ветра — ничего. Волшебство иллюзии во всей красе.

Кто-то дернул меня за руку. Интересно, что станет с хороводом, когда Лель уведет из него Белонику?

Через секунду я поняла, что из хоровода уводят вовсе не красавицу-волшебницу. А меня! От неожиданности я разжала руки, отрываясь от своих подружек, опомнилась, только когда парень перехватил меня за талию и поволол вперед, благо с моим-то весом это не составляло никакого труда.

Снежная рябь все так же не позволяла увидеть ничего вокруг, но мне это было и не обязательно. Я посмотрела вверх, туда, где должно было быть ухо моего похитителя, и поинтересовалась:

— Что, захотел пройти испытание вне очереди?

Дождаться ответа я не стала, вывернулась из рук Леля, коснулась ногами земли. Вот только дальше все пошло не по плану... Замышлялась простая, старая как мир и такая же действенная подножка. Но у обледеневшей земли северных варваров были свои счеты со вторгшейся в ее пределы иностранной шпионкой. Мой новый сапожок поехал по негостеприимной наледи. Волшебник, надо отдать ему должное, попытался меня удержать, но не тут-то было: наледи, как оказалось, имела что-то и против него тоже.

Мы заскользили, потеряли равновесие и покатались по снегу. Когда мир перед глазами перестал вертеться в белом вихре, я поняла, что лежу на спине, а надо мной склоняется лицо волшебника. Ни с того ни с сего я вдруг испугалась, что он собирается меня поцеловать, и поступила так, словно и в самом деле была всего лишь обыкновенной

девчонкой: взвизгнула и попыталась оттолкнуть парня. Одна рука уперлась ему в грудь, вторая каким-то образом нащупала щеку. Ладонь закололо, и вместо гладкой кожи я вдруг ощутила борозды шрамов. Испугавшись еще больше, я села и отползла назад.

Теперь Леля было хорошо видно в свете ближайшего костра. Передо мной уже не было писаного красавца. Часть лица волшебника была все так же прекрасна, но вот местами кожа и мышцы были словно оттянуты вниз к подбородку. То, что я нащупала, оказалось вовсе не шрамами, а складками кожи, которых не должно было быть.

Лель понял все по выражению ужаса в моих глазах. Прикрыв ладонью обезображенную сторону лица, он развернулся и побежал прочь.

— Лель! — крикнула я ему вслед, но было уже поздно.

Да что ж это такое! Как я могла себе позволить так не совладать с собой!

Волшебство иллюзий, говорите? Почему Вольга не потрудился меня предупредить?

Глава 12

НЕ ЗАГЛЯДЫВАЙТЕСЬ НА ВОЛШЕБНИКОВ

— Лель! — Я кружилась по поляне, выискивая глазами в толпе белокурые волосы, но светловолосых парней среди северян было слишком много.

Голос баронессы в голове все время твердил: «Надо найти мальчика!», и поэтому я сдалась только спустя десять минут, наконец сообразив, что чем дальше, тем больше шансов потеряться самой.

Расстроенная, я примостилась на спиле дерева рядом с тележкой, от которой одуряюще пахло медом, и залюбовалась, как торговец разливает янтарные напитки. В продаже оказалась не только медовуха, но и нечто под названием «сбитень». Денег у меня не было, а вот выпить чего-нибудь согревающего после барахтанья в снегу не помешало бы. Я устало вздохнула — с такой нервной работой никаких сил не напасешься.

— А что, дочка, нос повесила? — внезапно обратился ко мне торговец. — Видал, видал я ваш хоровод. Что хахаль сбежал, так и леший с ним! Зачем тебе такой худосочный да смазливый? К тому ж волшебник. Погуляет да слиняет. Другого сыщешь.

Ну спасибо, добрый человек! Теперь я из профессионала на задании превратилась в девку-брошенку, хоть волком вой да слезы по щекам размазывай.

— Хочешь, бражки налью? — не унимался сердобольный мужик, громко вещая о моем печальном положении, видимо, чтобы остальные гуляющие тоже порадовались. Я посмотрела на него настолько выразительно, насколько могла, чтобы передать свою нерасположенность к таким вот разговорам. Дядька же уловил в этом взгляде нечто иное. — Хотя нет, куда тебе бражки... На-тко бублик кушай, сбитнем запивай.

— Спасибо, — наивно сказала я и приняла угощение, хотя предыдущий опыт общения с северянами предостерегал от столь необдуманного поступка.

— Кушай, кушай. Как будешь кушать, такого и жениха сыщешь, — приговаривал торговец, оглядывая меня с ног до головы. — Хорошая девка на чурбачке и помещаться-то не должна: половинкой села, а другая свисает.

Я поперхнулась пряным сбитнем. Долго же мне придется кушать: на чурбачке я не только помещалась, тут второй такой места хватило бы.

К счастью, подошли покупатели, и торговец на какое-то время отвлекся, давая мне время привести мысли в порядок. Я уже три дня в этой стране, два из которых наблюдаю за юными волшебниками, а ситуация становится только запутаннее. Не хочу спихивать свои неудачи на других, но сдается мне, что часть вины в происходящем лежит на Вольге. Если он не рассказал мне о Леле, то что еще мог утаить? Какие способности скрывают его воспитанники?

Я сделала мысленную зарубку по возвращении припереть волшебника к стенке и устроить допрос с пристрастием.

А пока, чтобы не тратить время зря, этот чурбачок вполне сойдет за наблюдательный пост. Ловкий торговец не поленился закатить тележку на возвышенность, дабы всякому было видать, где здесь наилучшая снесь, а мне, в свою очередь, хорошо было видно практически все поле. И хотя Леля уже и след простыл, но вот Ратко я нашла глазами без особого труда. На этот раз богатырь соревновался с городскими парнями в кулачном бою. Ну как соревновался, я бы скорее сказала, разминался на свежем воздухе.

— Ай, егоза, ты на того молодца тож не засматривайся! — Судя по всему, у торговца снова наступил перерыв в работе, и он решил скрасить его за счет моих нервов. — Все тебе волшебников подавай! Энтот еще похуже будет того, что тебя из хоровода вытащил да бросил.

Ну спасибо за напоминание.

— И чем же хуже?

— Тот смазливый хоть никого не привечает, а этот со всеми подряд зубы скалит да любезничает. Не знаем уже, куда девок прятать.

— А что их прятать-то? Может, полюбезничает да выберет себе какую-нибудь? — не поняла я.

— И-и-и, так ты еще и малахольная? — сочувственно покачал головой торговый человек и протянул мне второй бублик.

Пришлось взять. Разговор получался интересным, не до гордости.

— Что такое «малахольная»?

— Кушай, кушай, — вконец обнаглев, торговец погладил меня по голове, — а к волшебникам больше не суйся. Ни один еще на простой девке не женился, тем более такой блаженной, как ты. На что им через десяток-другой лет старуха в женках?

Эх, дяденька, знал бы ты...

Я послушалась совета и откусила от второго бублика, когда передо мной возникла Белоника.

— Так вот ты где! Что у вас там произошло? — Красавица уперла руки в боки.

— Кажется, наш принц изволил пошутить, — соврала я. — А потом я пошутила в ответ. На том и расстались.

— Да неужто? А мы с Морошкой, две дурехи, решили, что он тебя расколдовывать выкрал. — Белка подмигнула и уселась на соседний чурбачок, игнорируя откровенное внимание со стороны торговца.

— Ну или так, — согласилась я. — Не все ли равно?

— Смотря что тебе первым пришло в голову, когда он тебя выбрал. — Тон волшебницы стал очень мягким и осторожным.

— Странно, — пробормотала я, совершенно не настроенная делиться девичьими секретами и все это время продолжавшая бдительно наблюдать за своим наблюдательным постом.

— Что странно? — живо откликнулась Белка.

— Ратко сегодня днем договорился вон с той румяной молодкой встретиться на празднике. А сам удирает от нее, будто заяц от лисы.

— Ну так пойдем и выясним, в чем дело? — бодро вскочила на ноги девушка и потянула меня за рукав.

Серьезно? Я-то, наивная, думала, что шпионка на этом празднике только одна. А тут даже уговаривать и оправдываться не пришлось.

Ратко действительно скорым шагом удалялся от центра празднества. Казалось, только пару минут назад он участвовал в кулачных боях на потеху публике (надо отметить, публика потешалась в основном над его соперниками), а сейчас уже ловко натягивает на широкие плечи полушубок и несется куда-то прочь от всеобщего веселья. Что за спешка такая?

— Смотри, так он себе другую зазнобу выбрал, — указала пальцем более высокая, чем я, Белоника.

Красавица-следопытка оказалась права, Ратко не просто уходил, он шел вслед за какой-то русоволосой девушкой с зелеными лентами в косах. Преследуемая несколько раз оглянулась, но от такого молодца не убежишь. Волшебник нагнал ее на краю поляны, схватил за запястье и практически без сопротивления утащил за подводку с огромной бочкой воды, что стояла тут на случай пожара.

Белоника немного замешкалась, не решаясь по скрипучему снегу подходить к парочке ближе. И на этот раз уже я потянула ее за собой. В чем в чем, а в умении

подкрадываться я дам фору любому волшебнику. Еще ни разу за свою специфическую карьеру баронесса Зоненштадтская не была поймана на подслушивании или подглядывании, и благодарить за это надо не ее аристократическое воспитание, а смекалку, опыт и везение. Сейчас опыт настоящей личности подсказывал: молодые люди будут настолько заняты собой, что не заметят, даже если Белка подтянет сюда весь состав хора.

Мы подошли, практически не таясь — шум праздника заглушал наши шаги, — и спрятались за подводой с бочкой.

— Нюта, ты чего от меня бегать вздумала? — Ратко развернул девушку к себе и стал вглядываться в ее лицо. Та отводила глаза. — Что случилось?

— Не надо нам больше видеться, — пробормотала Нюта, безуспешно пытаясь отстраниться.

— Это еще почему? Или не люб стал? — Волшебник все еще сохранял свой полусутошный тон, но в голосе стали проскакивать обеспокоенные нотки.

«Так мы, оказывается, попали на любовные разборки», — подумала я. Хотела многозначительно улыбнуться своей соседке-подслушивательнице, но взглянула на Белонику и осеклась: волшебница мучительно серьезно прислушивалась к продолжению диалога.

— Замуж я выхожу, понял?! — После неожиданного признания собеседница богатыря вырвалась из его хватки, но убежать почему-то не стала, а замерла, как испуганная лань, в нескольких шагах поодаль.

— За кого? За Поскребышева сынка? Родители заставили?!

— Никто не заставлял! Сама согласилась. — Девушка заплакала, по-детски растирая слезы по лицу варежками. — Сама пошла... В тягости я...

Ратко остолбенел.

— Нюта... А как же я? За меня замуж пойдешь?

— Не пойду! — выкрикнула Нюта. — Хочешь видеть, как я старюсь? Как старятся наши дети? Хоронить нас тоже сам будешь?

Ратко молчал. Если и нашелся что ответить, то было уже поздно.

— Не подходи ко мне больше и на глаза не показывайся! Видеть тебя мочи нет! — Девушка развернулась и, взметнув вихрь снега и ярких юбок, побежала с поля прочь.

Волшебник остался стоять, придавленный неожиданным открытием.

Рядом со мной шевельнулась и выпрямилась Белоника. Я уже и не знала, куда мне смотреть — на нее или на Ратко. Лицо красавицы было белее мела, закушенная губа подрагивала, а зеленоватые глаза превратились в два омута, почти не отражавших света.

— Что...

Договорить я не успела. Белоника решительным шагом обошла подводу с бочкой, замерла прямо перед великаном, словно бы на минуту став выше его ростом. Этаким царственной осанке позавидовали бы многие из знакомых мне королевских отпрысков. Последовала пауза... а затем девичья ладонь описала дугу и со всей силы ударила богатыря по лицу. Пощечина была такова, что в ушах зазвенело даже у меня.

— Подлец ты, Ратко!

Волшебник не подумал увернуться и даже не отшатнулся, будто принимал заслуженное наказание. Вряд ли потрясение могло помешать ему перехватить руку Белоники, точно не после того, что я наблюдала во время кулачных боев.

— Я же хотел как лучше... — сказал он тихо, кончиками пальцев осторожно дотрагиваясь до следа от ладони, который уже начинал наливать краснотой. — Я в жены хотел ее

взять.

— В жены он хотел ее взять! Сватальщик недоделанный! Как женихаться — они все горазды, а как о последствиях подумать — так голову дома позабыли!

Красавица толкнула великана в грудь, так что тот от удивления сделал шаг назад, и, смахнув злые слезы, побежала обратно на поляну. Кажется, она позабыла не только обо мне, но и обо всем на свете.

— Белоника! — закричала я ей вслед, но девушка даже не обернулась.

В таком гневе молодую волшебницу я еще не видела. Неужели ревность? Нет. Очевидное, но абсолютно неверное предположение. За много лет я научилась распознавать каждое основное человеческое чувство практически с полувзгляда. Белка ничего не питала к Ратко, а он к ней. Здесь было что-то другое.

— Ратко! — тихо и ласково позвала я, втайне надеясь, что богатырь сам все объяснит.

Но волшебник лишь махнул гигантской рукой.

— Отстань, малая! Не до тебя.

Гигант развернулся и побрел прочь, сильно сутулясь, будто на плечи ему грузом еще не прожитых лет легли совершенно иные, взрослые заботы.

С досады я топнула по снегу новеньким сапожком. Да что ж сегодня за день такой!

Глава 13

ПЕРСТЕНЬ РАДОГАСТА

Ох не зря мне Вольга выдал юное тело! Наверняка знал по собственному опыту, что за его подопечными с клюкой да по гололедице не угонишься. Будь я немного мудрее, попросила бы волшебника еще и размножить меня сразу персоны эдак на три. А то за кем сейчас прикажете кидаться вдогонку?

Уговаривать Ратко? Сначала буду объяснять ему, что беременные женщины не всегда точно знают, чего хотят, и что брак не единственный выход из положения. Вот только потом придется придумать, какой такой богатый семнадцатилетний опыт позволяет мне это утверждать.

Ловить Белонику? Расскажу ей, что если ты даешь кому-то пощечину, то будь готова получить такую же в ответ, даже от мужчины. А значит, Ратко в этом плане весьма и весьма рискованный оппонент. Надо иметь очень вескую причину, чтобы поднять руку на такого богатыря.

Продолжать поиски Леля? Попытаюсь убедить его, что мужчина должен быть чуть краше обезьяны. Правда, перед этим придется в общих чертах, с помощью мимики и рисунков на снегу, объяснять, кто такие обезьяны.

Если бы подобный бред пришел в голову Лукреции, а не Мелании, та бы немедленно удалилась от дел лечить помутившееся сознание где-нибудь на минеральных водах.

К счастью, реальность благосклонно предоставила четвертый вариант. Рядом со мной точно по волшебству появилась Морошка, бодрая и жизнерадостная, как и положено нормальному ребенку ее лет. Ну, почти нормальному.

— Куда все подевались? — накинулась она на меня. — Там уже на Поворотник собираются! А я тут одна! Пойдем скорее!

Я не рискнула спрашивать, что такое «Поворотник», чтобы не показать, насколько сильно я не из этих мест, и послушно пошла вслед за Ягодкой к центру поляны, туда, где высилось огромное сооружение из хвороста и бревен, сложенное под костер, но почему-то так и не зажженное.

После событий этого вечера я буду смотреть на воспитанников Вольги с удесятеренным подозрением. Вот рядом идет девочка, маленькая, с пухлыми щечками, пушистыми вьющими волосами, непослушно выбивающимся из кос, но, зная специфику ее дара, не могу поручиться, что она не приторговывает ядами с заднего крыльца дома на Калиновой улице и не угоняет у горожан скот, чтобы накормить ораву волшебников. Впрочем, перегибать палку и давать волю воображению без каких-либо фактов тоже не стоило, поэтому я решила втянуть волшебницу в разговор.

— Морош, а почему ты все время задираешь Буреслава?

С этим щуплым и вечно недовольным мальчишкой пообщаться как следует мне пока не довелось, так хотя бы начну расспрашивать.

— Я не задираю, — смутилась девочка.

— Ну прости, это не я называю его Буренкой.

— А чего он за Белкой как телок на привязи таскается? — впервые на моей памяти ошетинулась девочка.

— Я не поняла, ты кого ревнуешь? Его или Белку?

Ягодка вздохнула:

— Белку. Она нам всем здесь вместо старшей сестры. А Буренка вообще непонятно, что в доме делает. Не волшебник, а одно название! Это только Вольга говорит, что у него дар есть, а так-то никто ничего подобного не видел.

— Белоника жаловалась, что он стены дома постоянно ломает и в них застревает, — осторожно сказала я, вспомнив разговор, услышанный в самый первый день моего приезда.

— Стены можно и без всякой магии сломать! Свидетелей-то нет! — горячо воскликнула девочка.

Странно. Очень сомневаюсь, что Вольга стал бы держать простого мальчишку в школе волшебников. Я не в счет, во-первых, я не девчонка, а во-вторых, у меня свое задание. Хотя... все здесь не такие, какими кажутся. Надо поставить себе еще одну задачу: проследить за Буреславом. Пусть будет четвертым в моем списке подозреваемых, сразу за Лелем, Ратко и Белоникой.

К центру поляны направлялись не только мы, туда стекались все горожане, пришедшие на праздник. Дрова для костра посередине представляли собой очень интересную фигуру: из толстых бревен было сложено нечто вроде высокого колодца, внутри которого помещалась растопка, — такое сооружение может гореть не один час. Но какое отношение оно имеет к «Поворотнику»?

И тут я заметила конструкцию поменьше. В обрубок дерева был вставлен столб или шест, на который примерно на высоте моего роста через круглое отверстие была надетая деревянная переკладина. Веревки, обмотанные вокруг каждого конца переκладины, тянулись к шесту и обвивали его по спирали. Сооружение выглядело как крест и вызывало какие-то неясные ассоциации, но я никак не могла вспомнить, где и когда видела подобное приспособление. К счастью, долго ломать голову не пришлось: своим ритуалом северяне довольно недвусмысленно подсказали мне вещь, которую в диких условиях должен уметь собрать любой путешественник, хоть немного обеспокоенный собственным выживанием.

— Хэй! Хэй! Хэй! — вдруг разнеслось со всех сторон. Мужские, женские и детские голоса сливались в едином ритме, слаженно хлопали по бедрам ладони, стучали в грудь кулаки и опускались наземь разом несколько сотен ног.

Из толпы к крестообразной конструкции вышли сразу двое мужчин, оба голые по пояс, оба уже немолодые, но жилистые и кряжистые, будто бы до самой макушки налитые природной силой.

— Хэй! Хэй! Хэй! — скандировали все северяне, ни на секунду не сбиваясь с ритма.

Двое силачей — каждый со своей стороны — обеими руками взяли за концы переκладины и в такт с криками гуляющих стали тянуть ее вниз, а затем поднимать обратно. Когда переκладина опускалась, веревки, привязанные к столбу в центре, распрямлялись, а когда взлетала вверх, вновь закручивались. Благодаря этой нехитрой технологии шест посередине крутился как сверло.

Зрелище вкупе с ритмичными выкриками толпы не просто завораживало — гипнотизировало. Морок спал лишь тогда, когда из сухого обрубка дерева потянулась тонкая струйка дыма. Так что, если бы в мире существовало соревнование на самый большой помповый коловорот для разведения костра, я знаю, кто бы его выиграл.

Северяне замолкли как по команде, двое силачей остановились и вынули столб с переκладиной из основания. К ним на подмогу, смешно перебирая валенками, зашепила седая согбенная старуха с глиняной миской в одной руке и трутом в другой. Подобравшись вплотную к струйке дыма, она со всего размаху (я даже поморщилась, представив себя на ее месте) бухнулась перед пнем на колени и длинными узловатыми пальцами стала заталкивать трут в углубление. Впалые щеки равномерно раздувались, поддерживая едва занявшиеся языки пламени. Когда трут разгорелся как следует, женщина опустила его в плошку, в которой, по всей видимости, была какая-то горячая жидкость, и глиняная посуда превратилась в лампадку.

Как была на коленях, старуха вытянула руки с пламенным цветком вверх, а силачи, взяв каждый по два факела, подожгли их от огня.

Северяне дружно затянули новый мотив:

— Гори, гори ясно, чтобы не погасло! Гори, гори светло, чтобы было лето!

Под этот призыв мужчины опустили четыре факела под четыре стороны «колодца», которому предстояло стать гигантским костром. Как только розжиг внутри запылал, толпа загалдела, послышался свист, улюлюканье, радостные выкрики.

Тетка, до этого стоявшая совершенно смирно рядом, вдруг со всей силы сжала меня в своих объятиях и закричала прямо в ухо:

— С Поворотником! С новым Солнцем!

— И вас тоже, — вежливо ответила я, хотя после таких неожиданных объятий вкупе с сивушным духом соседки едва удержалась на ногах.

С другой стороны ко мне подскочила Морошка:

— С праздничком! С новым Солнцем!

— С новым Солнцем! — как эхо повторила я, все еще не до конца понимая, что происходит.

Люди кругом обнимались, целовались, жали руки и хлопали друг друга по спинам. Поздравления и пожелания сыпались отовсюду, от знакомых и незнакомых без разбору. Из толпы выскочил какой-то пьяный северянин, обхватил меня своими лапищами, приподнял от земли, смачно поцеловал и, поставив обратно, отправился искать следующую жертву.

Фу!

После такого вопиющего нарушения личных границ я приложила всю свою ловкость, чтобы инцидент стал первым и последним на сегодняшний вечер. Как показала практика, женская психика с возрастом теряет готовность к подобным сюрпризам.

Внезапно гомон толпы изменился. Справа, в отдалении от всюю полыхающего костра, вместо поздравлений все чаще и чаще стали раздаваться испуганные крики, и наконец народ хлынул прочь от того места. Я стала вытягивать шею, пытаюсь увидеть, что же так напугало горожан, но моего роста не хватало.

Крики становились все более отчаянными. Я оглянулась в поисках Морошки — девочки рядом не было. Надеюсь, с волшебницей все будет хорошо, потому что найти кого-либо в этой толчее практически невозможно. Теперь, если возникнет паника, придется заботиться только о собственной безопасности, а тут правил немного: ни в коем случае не падать, если упала — подняться на ноги любой ценой. Обезумевшая от страха толпа — самое страшное бедствие, с каким мне приходилось сталкиваться.

Я начала двигаться прочь от центра празднества, стараясь вести себя как можно спокойнее, чтобы не подогревать панику. Мне удалось отойти довольно далеко, прежде чем над полем показалось то, что так сильно напугало людей, находившихся по другую сторону от ритуального костра. Над землей, гибкая, как травинка на ветру, то поднималась, то опускалась серовато-белая воронка маленького смерча. Он не шел ни в какое сравнение с теми черными гигантами, которых мне довелось наблюдать на равнинах и пляжах совсем другого континента. Но было в этом вихре нечто, что заставляло принимать его всерьез, не позволяло списать явление на нехстати разыгравшуюся метель. Воронка росла. Она засасывала в себя все больше снега, пыли и поднимала темную косматую голову над праздничной поляной.

Первой завизжала какая-то женщина. Потом другая. И вся толпа хлынула прочь с поля, спотыкаясь и падая в снег, наступая друг другу на пятки и подталкивая соседей в спины. Лишь чудом мне удалось оказаться в стороне от людской массы. Спасла уже знакомая возвышенность, где осталась стоять тележка и пара чурбачков, брошенных щедрым и пытливым торговцем на растерзание вихрю.

— Вольга! — закричала я, почему-то впервые в жизни уверенная, что кто-то придет и спасет меня, что здесь, в этой стране, в этом городе, я могу рассчитывать не только сама на себя. — Вольга!

Как же сильно я надеялась, что он откликается не только на призывы своих подопечных...

— Вольга!

— Не кричи, — спокойно сказал мне на ухо волшебник, делая вид, будто стоял рядом все это время. Самый нелепый обман, который я когда-либо видела, — на возникшем из ниоткуда обманщике не было ни шубы, ни сапог. Светлые волосы рассыпались небрежно и моментально покрылись тонким слоем снежинок. Тени под тяжелыми надбровными дугами практически скрывали глаза, отчего спокойствие северянина показалось мне жутковатым.

— Что это такое? Откуда оно взялось? — указала я на вихрь.

— Помнишь, я рассказывал, что начал замечать пропажи, после того как исчезло кольцо Радогаста? — все так же спокойно ответил Вольга. — Так вот, похоже, мы нашли его перстень.

— И что же нам теперь делать?

— Попытаться спастись самим и спасти всех, кого сможем.

— Мне нравится ваш оптимизм, но не пора ли приступить к спасению?

— погоди, я размышляю. — Вольга сосредоточенно разглядывал смерч. — Мне еще не приходилось сталкиваться с таким явлением.

— Зато мне приходилось, — мрачно сказала я. — И вам лучше поторопиться с размышлениями, пока эта воронка не добралась до костра.

Смерч действительно не только увеличивался, но еще и двигался к центру поляны, как раз туда, где северяне только-только разожгли огромный ритуальный костер. Я очень хорошо представляла, чем это может обернуться.

— Иначе что?

— Иначе вы останетесь без города. Я так понимаю, что раз вы никогда не видели обычного смерча, то уж огненного тем более.

— Огненного... — посмаковал слово Вольга.

В его тоне мне почудилось нескрываемое удовольствие. Я даже на секунду испугалась, уж не потерял ли волшебник разум перед лицом грозящей опасности.

— Вольга?

— Тогда ждем.

— Чего?

— Огненного смерча, конечно, — как недогадливой, объяснил северянин. — Ну и Ратко.

Ах вот оно что...

— Вольга, боюсь, что Ратко вы здесь вряд ли найдете. Сегодня случилось...

— Ратко! — перебил меня этот варвар, и куда только девалось воспитание. — Ратко, ты нам нужен!

— Не думаете же вы...

— Что он сейчас появится? — снова перебил Вольга. — Конечно, думаю. Вон он!

Я посмотрела в указанном направлении и действительно заметила внушительную фигуру, которая двигалась в нашу сторону сквозь хаос, творившийся на поле.

— Но как?

— Меня удивляет, что дотошная и въедливая баронесса за два дня так и не удосужилась поинтересоваться, волшебством какого рода я владею.

— Возможно, она надеялась, что вы, как добросовестный заказчик, сами предоставите ей всю необходимую информацию? — ядовито спросила я.

— Или просто кому-то в голову ударила молодая кровь, — усмехнулся Вольга и совсем как несмышленную девчонку щелкнул меня пальцами по носу. Не успела я возмутиться такой вольности, как он заговорил снова: — Мое волшебство — волшебство слов. Тот его род, который наиболее близок к вашей западной магии. Как, ты думала, я появился, когда ты меня позвала? Или как сейчас появился Ратко?

— Ну... — замялась я. — Сапоги-скороходы...

Северянин дико расхохотался, избавляясь от последнего налета хороших манер.

— Сапоги-скороходы! Ты бы еще валенки-быстробеги и лапти-далекопрыги выдумала! Хорошо, что у нас есть время в запасе. — Он посмотрел на смерч, которому оставалось не так уж много расстояния до костра. Вполне возможно, что Вольга обладал еще и волшебством невозмутимости, но скромно об этом умалчивал, потому что такой уровень мастерства был явно за гранью человеческих способностей. — Имя — это слово. Любое слово для меня содержит волшебство. Позови меня, и я смогу оказаться рядом. Позову я — и смогу переместить человека. Честно говоря, сначала я хотел поступить так же с баронессой, чтобы избавить пожилую даму от долгого путешествия, но потом подумал, что для первого раза это может стать слишком тяжелым потрясением.

Какой он чуткий! Но, видимо, недостаточно, чтобы не говорить в моем присутствии обо мне же в третьем лице. Я бы непременно оскорбилась, если бы сама сегодня не начала делать то же самое. Страшно подумать, чем может закончиться это физическое раздвоение личности.

Подошел Ратко. Мрачно замер рядом и стал вглядываться вместе с нами в воронку, которая уже поднималась выше деревьев.

Я пробыла в доме на Калиновой улице всего несколько дней, но даже мне было очевидно, что с ним что-то не так. Вольга не обратил на это внимания. Либо сделал вид, что не обратил. У волшебника были сомнительные методы воспитания, если они вообще были.

Но уже через секунду я напрочь забыла о своем разборе педагогических талантов волшебника: смерч добрался до костра. Раздался треск, грохот, а затем страшный гул, и пламя втянулось в жерло воронки. На поляне стало светло, повеяло жаром, словно по иронии природы так призываемое людьми лето внезапно наступило. Мне захотелось зажмурить глаза и зажать уши: я уже видела огненный смерч, пожравший целый город, знала, что может сейчас произойти, и даже на секунду, как слишком яркое воспоминание, почувствовала паленый запах собственных волос.

Ратко вдруг хлопнул в ладоши, и от этого глухого хлопка огромный столб огня, лижущий небо, погас, будто кто-то задул свечку. На его месте остался то ли пар, то ли дым, который уже через минуту развеялся в воздухе. Богатырь отряхнул руки — не сказать чтобы работа была пыльной — и так же молча, как пришел, направился с холма вниз. Вольга снова не задал ему ни единого вопроса.

— И это все? Так просто? — поразилась я, уже приготовившись к долгой магической битве со стихией.

— А что ты хотела? — не понял северянин. — Если бы это было сложно, это бы не было волшебством.

Глава 14

ВОЛШЕБСТВО ДОПРОСА

— Как нам теперь искать перстень и его нового хозяина? Он ведь может второй смерч следом за первым запустить!

Мне не хотелось портить сладостный миг победы, но суровая реальность могла сделать это гораздо раньше.

— Надо просто правильно попросить. А для этого нужно что?.. — Волшебник неожиданно заговорил тоном мудрого наставника.

— Что? — как девочка повелась я.

— Сказать волшебное слово. Зачарованный перстень Радогаста Предсказателя погоды! — потребовал у ночного неба Вольга, но не протянул руку вперед в ожидании, что украшение немедленно окажется у него в ладони, а, наоборот, отошел на два шага назад, потянув меня за собой.

— Вы забыли «пожалуйста», — насмешливо подсказала я, когда через две секунды ничего не произошло.

— Тсс, — шикнул на меня волшебник. — Волшебство получится, только если вещь уникальная и ты точно знаешь, как ее назвать. Нам даже повезло, что кольцо сейчас работает и известен его первый хозяин. Хотя, строго говоря, Радогаст не был предсказателем погоды — он был ее создателем...

Вольга оборвал свою сумбурную речь на полуслове, замер, а потом сделал еще один шаг назад, оттолкнув и меня подальше. В предусмотрительности северянина не откажешь. Перстень не появился, но вскоре в сугроб перед нами грузно упало чье-то тело.

— Это вы так собирались перемещать меня из родного замка? — ужаснулась я.

— Самому перемещаться гораздо проще, а вот с другими координаты играют, — без тени раскаяния ответил северянин. Он наклонился к упавшему и похлопал его по плечу.

В ответ раздалось лишь раздраженное мычание, но Вольга не собирался отступаться так легко. Он перевернул тело на спину и немного отклонился, чтобы охватить взглядом картину целиком.

Перед нами лежал парень, молодой, но изрядно помятый, без шапки, в расстегнутом и слегка порванном полушубке, в заляпанной чем-то желтым рубахе. На указательном пальце его правой руки поблескивал грубо сделанный перстень с серым камнем. Неужели тот самый? В довершение картины парень был изрядно в подпитии и, похоже, даже не заметил своего чудесного перемещения и уж тем более не думал возмущаться удобствами, с которыми оно было осуществлено.

— Ты откуда этот перстень взял? — требовательно спросил Вольга, как последний грабитель, пытаясь свинтить с отекающей руки волшебную реликвию.

— Не трожь! Не твое! — пьяным голосом заорал парень и попытался вовлечь волшебника в потасовку, но тот был не в настроении барахтаться в снегу, а потому просто отступил на шаг назад. Молодец выбрался из сугроба и, шатаясь в разные стороны на неверных ногах, стал махать перед собой кулаками.

— Эк его завертело, — присвистнул мой наниматель. — Неудивительно, что он умудрился вызвать смерч. Кто дал тебе кольцо?

— Это мое, — продолжал твердить упрямец.

— Твое? Ты знаешь, кто я? Сейчас как подвешу вверх тормашками на березе, разом весь хмель выйдет! Говори, где взял!

— В бою, — гордо ответил пьяный.

Терпение Вольги лопнуло, и он, позабыв о всех своих волшебных приемах, схватил парня за шиворот.

— В каком таком бою?

— В честном, — гнул свое допрашиваемый.

Волшебник еще раз встряхнул его, словно имел дело с коробочкой, из которой, если хорошенько потрясти, может выпасть правильный ответ.

— Вольга, мне кажется, я его поняла. Во время праздника было всего два вида боев: на кулаках и на мешках. В бою на кулаках участвовал Ратко, так что этот, с позволения сказать, молодец победить там никак не мог. Остаются мешки.

— Во-во-во, — стал тыкать трясущимся пальцем мне прямо в лицо пьянчуга. К счастью, его порыв тут же пресек Вольга, одновременно сделав вторую попытку снять кольцо с указательного пальца парня. — Победил. Я!

Парень вырвал свою руку с перстнем из пальцев волшебника и гордо ткнул кулаком себя в грудь. Мой спутник окончательно разозлился, скрутил наглеца в бублик и, зажав его между коленей, все же завладел реликвией.

— Вольга, вы точно волшебник? — усмехнулась я.

— В некоторых случаях кулаки действеннее волшебства.

— Кольцо было в призе? — вернулась к дознанию я.

— Чего? — не понял гуляка.

Вольга укоризненно покачал головой, глядя на меня с легким разочарованием.

— Кольцо, спрашиваем, в награде было или как?

— Так я ж вам и говорю, — просветлел парень, но не настолько, чтобы язык стал меньше заплетаться. — Мое оно. Выиграл я. Победитель.

— И откуда же берется награда в такой борьбе? — Построить логическую цепочку далее мне было не под силу из-за ограниченных знаний.

— Обычно участники скидываются по копейке, да зрители еще от себя могут добавить, — объяснил волшебник, не став мучить допрашиваемого сверх необходимого.

— Что, шапку по кругу пускали? — уточнил он у выпивохи.

— Пускали, — согласился тот. — И надо ж... кака удача...

— С этим я бы поспорил.

— Значит, кто-то бросил перстень в шапку, — высказала я догадку. — Так он и достался нашему «победителю». Вот только разве волшебную реликвию активировали именно тогда? Бои мешками я еще до хоровода видела, мы как раз мимо проходили, а смерч появился много позднее.

— И то верно, — пригладил непокрытый затылок Вольга. — Он ведь появился во время Поворотника?

— Ну да.

— И что, все обнимались? — спросил волшебник.

— Обнимались.

— Руки пожимали? Целовались?

— Целовались, — мрачно подтвердила я.

— Вот и наш победитель наверняка обнимался и целовался. Эй, несчастный, ты перстень

сразу на палец надел или как? Молчишь? Но ведь наверняка сразу. А потом спокойно праздновал, пока во время Поворотника...

— К нему не прикоснулся кто-то из волшебников, — пораженная, закончила я. — Но, Вольга, это же значит, что виновен тот, кто был на празднике. А были здесь не все ваши воспитанники!

— Да, это серьезно упрощает дело.

— Правда, во время празднования все смешались настолько, что я не могу сказать, кто это был, — расстроилась я. Если бы знать заранее, чем обернется этот вечер...

— Не переживай. Исключить половину — это уже хорошо. В доме точно оставались Весень, Надира и Ждан. Нину я не видел, но подозреваю, и она тоже.

— Сложно представить, что ваша дикарка будет обниматься с людьми на Поворотнике, — согласилась я.

— Смерч на этом поле тоже было сложно представить, — пожал плечами Вольга и конечно же был прав. — Ну что, удачливый ты наш, сам до дома добредешь или подсобить?

— Добреду. Тати проклятые! — Пьяный махнул на нас рукой. — Уж и не выпить честному человеку, враз карманы обчистят.

Судя по постепенному возвращению связной речи, парень до дома действительно доберется, не заблудится.

Вольга сладко потянулся.

— И нам пора. Спать так после этой кутерьмы хочется! Да и ноги замерзли. — Он посмотрел вниз и будто впервые заметил, что его домашние шерстяные чуни утопают в снегу и уже насквозь промокли.

— Вольга, вы не можете пойти спать, — очень убедительно сказала я.

— Это еще почему?

— У вас назначена встреча.

— Не припомню. С кем?

— Со мной.

Серьезный разговор с волшебником баронесса предпочла провести в своем собственном облике, чтобы северный варвар не мог позволить себе щелкнуть ее по носу, как несмышленную девчонку. Наоборот, щелкать по носу собиралась именно она.

Оправив строгое темно-синее платье (теперь уж не до вольностей в виде красных бус), Лукреция решительно вышла из своей комнаты и постучалась в дверь к Вольге. Ответа не последовало. Если он заснул, пусть пеняет на себя. Аристократка наплевала на все правила приличия (что в силу своей профессии делала довольно часто, но не любила в этом признаваться) и, толкнув дверь, без приглашения вошла в комнату.

Так и есть!

Волшебник мирно посапывал, развалившись в кресле. Волосы он так и не расчесал, отчего, несмотря на отросшую щетину, больше напоминал одного из своих воспитанников, нежели воспитателя. Закаленное сердце Лукреции не дрогнуло при виде подобной идиллической картины, она с грохотом поставила светильник, с которым пришла, на столик рядом с креслом.

Вольга дернулся от неожиданно резкого звука и попытался вскочить, но баронесса Зоненштадтская остановила его, успокаивающе подняв руку.

— Я вижу, вы с нетерпением меня ждали, — вкрадчиво начала она. — Тогда, с вашего разрешения, я приступлю к тем вопросам, которые накопились после прошедшей ночи.

— Сдается мне, вы к ним приступите и без моего разрешения. — Северянин потянулся, зевнул и поудобнее устроился в кресле, глядя на свою настойчивую гостью полусонными глазами.

— Сидите, сидите, можете не вставать, — с усмешкой разрешила Лукреция и обеими руками оперлась на трость. Она была очень даже не против нависать над собеседником во время важного разговора. — А теперь соберитесь с мыслями и расскажите мне обо всем до конца.

— Я не понимаю, о чем вы? — прикинулся дурачком Вольга. Баронесса и без того подозревала, что он скрыл не одну деталь, а очень многие, но теперь твердо это знала. Перед ней был человек, который притворялся, опасаясь, что может выдать что-то сверх того, о чем его спрашивали.

Заказчики иной раз хуже детей. Порой матерой интриганке приходилось брать в свои руки даже постановку задачи — иначе бы половина вопросов, для решения которых ее нанимали, так никогда бы и не была закрыта.

— Вольга, я, конечно, стара, но до маразма мне дальше, чем вам. — Лукреция сверлила глазами ерзавшего в кресле нанимателя. — Два волшебных артефакта найдены в один день, более того, активированы таким образом, чтобы нанести заметный урон городу. Спрашиваю еще раз: что вы мне не сказали? Что должно произойти завтра или, может быть, послезавтра?

— Вообще-то...

— Вообще-то?

— Вообще-то после Солнцеворота в дом с проверкой приезжает кто-то из старших волшебников. — К своей чести, Вольга все же выглядел немного смущенным.

— И вы мне не сказали?!

— Но позвольте, когда мы с вами серьезно разговаривали в последний раз, это не представлялось таким уж важным! Ни один из артефактов не был запущен.

— Вольга, у вас из хранилища пропадают вещи и при этом проверка не кажется вам такой уж важной? — с сомнением покачала головой Лукреция. — Тогда что они проверяют? И кто они?

— Проверяют дом, воспитанников, меня. Каждый год совет волшебников назначает нескольких проверяющих. Проверки неожиданные, могут произойти в любое время, но только одна, заключительная в году, всегда проводится после праздника Солнцеворота.

— Вольга, вы хоть понимаете, что это значит?

— Что мне не пройти проверку? — беспечно спросил великовозрастный шалопай.

Лукреция презрительно фыркнула и стала мерить шагами комнату.

— В этом доме есть кто-то, кто ненавидит вас настолько, что готов разрушить город, наводнив его волшебными вещами, лишь бы избавить это место от вас!

— Вы преувеличиваете, — нервно сказал волшебник и впервые сел ровно в кресле. — За что?

— Вам лучше знать. Вспоминайте!

— Лукреция, помилуйте, это подростки — они всегда и всех ненавидят. Откуда мне знать за что? Я ничего такого не делал.

— Так, может, именно за то, что ничего не делали? — Баронесса сузила глаза. Она вспомнила о несчастном мальчике-целителе, но тут же отбросила эту мысль, так как Весень с младенцем всю ночь был дома. — И я не преувеличиваю. Я преуменьшаю! Они

все поблизости! Все рядом! Вы пытались искать пропавшие вещи по округе?

— Нет, конечно, это как иголку искать в стоге сена! Тут не пройдет фокус с вызовом по имени, потому что я не знаю их имен.

— А хранилище вам на что? Неужели так трудно взять оттуда пару-тройку вещей-поисковиков?

— Зачем пару-тройку, — не понял волшебник, — если я один?

— Вы меня поражаете! — Наставительный тон Лукреции становился все увереннее. — А ученики на что? На протяжении веков всю грязную работу в мире делают именно ученики.

— То есть вы им доверяете искать волшебные вещи?

— Ну уж той половине, которая сегодня ночью осталась дома и не пошла на праздник, доверяю точно.

— А что делать с другой?

— Заприте в доме.

— И как мне это объяснить?

— Уж с чем с чем, а с изобретением самых невероятных объяснений у вас пока проблем не возникало, — прозрачно намекнула баронесса.

— Хорошо, но одним поиском реликвий проблему не решить.

— Вы правы. — Баронессе надоело ходить по комнате, и она замерла рядом с заманчиво разлапистым креслом Вольги. — Не уступите даме место? Я сегодня была вынуждена сделать несколько десятков кругов в вашем безжалостном хороводе.

Волшебник нехотя встал и тут же растянулся на кровати. Лукреция не возражала — лишь бы не уснул.

— И что же? — спросил хозяин дома, подгребая под локоть подушку, отчего атмосфера разговора приобрела некоторую интимность.

— Против вас строят козни — стройте козни в ответ. Допустим... — Расположившись в кресле и отложив трость, пожилая дама выдержала паузу, достойную театральных подмостков. — Допустим, в своих поисках вы можете проглядеть один или несколько более-менее безобидных артефактов, только не забудьте договориться с их новыми обладателями, что они укажут вам на то юное дарование, которое придет эти артефакты включать.

— Надо запомнить этот момент, — с удовлетворением сказал Вольга.

— Это еще почему?

— Впервые у меня появилось ощущение, что я не зря плачу вам деньги.

— Я догадывалась, что вы крайне бесчувственный субъект. — Баронесса нисколько не обиделась, а лишь рассмеялась скрипучим смехом. — Но не настолько же!

— Давайте перейдем ко второму вопросу, — предложил волшебник. — Скоро начнет светать, а мы еще не ложились.

— Вы-то как раз легли.

Вольга резко сел на кровати, но при этом поджал ноги под себя и прижал к животу подушку.

— Итак?

Баронесса устало вздохнула.

- Лель. Почему вы не рассказали о нем?
- Не рассказал чего?
- О его лице.
- А разве это имеет значение?
- Сейчас все имеет значение. Так что произошло с его лицом?
- Родовая травма.
- То есть он был таким всегда?
- Да, до тех пор, пока не осознал, что владеет волшебством. С тех пор никто не видел его без наброшенной иллюзии. А как вам это удалось?
- Волшебная сила хорОВОда, — усмехнулась старушка. — Кто еще знает, кроме вас?
- Здесь? Никто. Это не важно.
- У вас слишком много не важных вещей. Есть еще какие-то подробности о детях, которые вы посчитали не важными?
- Не припомню.
- Хотя на память должна жаловаться я, — не удержалась от шпильки Лукреция.
- У вас последний вопрос, и я ложусь спать, — предъявил в ответ ультиматум северянин.
- Ладно. Что там за история о браках с простыми людьми? Волшебники чаще всего женятся на волшебницах?

Вольга хитро подмигнул Лукреции.

- А почему вы спрашиваете? Появился кто-то на примете?

Баронесса посмотрела на северянина, как на дохлую мышь. Выдавать Ратко она пока не собиралась.

- Я думала, что в целях своего расследования могу задавать любые вопросы.
- Чаще всего, — хозяин дома подчеркнул первые два слова и перешел на серьезный тон, — волшебники и волшебницы остаются одиноки. Видите ли, природа нашего существа такова, что вероятность появления ребенка-волшебника у родителей-волшебников ничтожно мала. Если один родитель волшебник, а второй нет, шансов уже больше, но тоже немного. Чаще всего волшебники рождаются в третьем или четвертом поколении. Все это вкуче делает существование волшебных семей крайне... болезненным. Мы живем много дольше обычных людей, и мало кто готов смотреть, как старятся и умирают самые близкие люди.

В комнате повисла гнетущая тишина.

Баронесса подобрала клюку и встала.

- Спокойной ночи, Вольга, — негромко произнесла она.
- Спокойной ночи, леди Лукреция.

Пожилая дама вышла в коридор, аккуратно притворив за собой дверь, и грустно вздохнула. Каждому достаются свои тяготы. Вольга жалел, что стареет слишком медленно, она же — что слишком быстро. Неугомонное семейство баронессы требовало от нее все больше и больше поддержки, не желая делать скидки на преклонные года. Именно по этой причине Лукреция, вместо того чтобы сидеть дома у камина и наслаждаться книгами из библиотеки, собранной предками, бродила ночью по дому

северных волшебников.

Будто специально, чтобы отвлечь уставшую аристократку от невеселых мыслей, по лестнице поднялась темная фигура и стала красться на цыпочках вдоль коридора.

— Ждан? — не без умысла позвала баронесса. — А я думала, ты со всеми на празднике.

— Вы что, тратить такую важную ночь на разведение костров и детские игры! — обиженным голосом протянул мальчишка, не подозревая, что его обожаемая леди именно на это ее и потратила. — Это хорошо, что вы не спите. Я хотел к вам постучать, но Олег мне чуть уши не оторвал. Пойдемте, я вам такое покажу!

После долгого дня и ночи Лукреция едва держалась на ногах, но Ждан уже вцепился в ее руку и тащил к своей комнате. К несчастью, взявшись за подобную работу, баронесса была обязана смотреть на все «такое», что хотели показать ей воспитанники дома. Пожилая дама вздохнула и направилась вслед за юным волшебником. Интересно, легче бы ей стало переносить бессонную ночь, если бы она сейчас вернулась в молодое тело? Эксперимент напрашивался сам собой. Но позже.

В комнате юного волшебника пахло зверьем, да так, что не мешало бы проветрить. Обычную аскетичную обстановку, свойственную этому дому, дополняла лишь одна деталь — клетка на полу около стены. И в тот самый момент, когда они зашли в комнату, обитатель этой клетки ловко повернул лапой замок, ее закрывавший, и вырвался на свободу.

— Стоять! — заорал Ждан, совсем позабыв, что на дворе ночь. — Куда?!

Мохнатый зверек и не подумал повиноваться: он запрыгал по мебели, с ловкостью уворачиваясь от протянутых рук мальчишки.

Пушистый длинный хвост, желтое пятно на грудке, острая мордочка и круглые уши — кого-то он напоминал баронессе.

— Постой-ка, это же куница! — воскликнула она.

И куница, и Ждан внезапно замерли и посмотрели на пожилую даму, будто до конца не веря, что она могла произнести такой очевидный факт. Зверек очнулся первым, прошмыгнул у ног волшебника и кинулся к юбкам Лукреции.

— Куда?! — испугался мальчишка и, что греха таить, сама аристократка тоже. Как потом выгонять дикого зверя из-под подола платья?

Но тут случилось странное. Вместо того чтобы юркнуть под широкую синюю оборку, куница поднялась на задние лапы, а передними взялась за юбку баронессы. С вытянутой мордочки на аристократку смотрели очень мудрые, просящие глаза.

— Ждан, что ты наделал! — не удержавшись, воскликнула Лукреция, готовая заплакать от жалости к зверьку.

— То, что и собирался. Перед вами зверь с отпечатком души Фенрира Справедливого. Говорить он, конечно, не может, но отличается особой сообразительностью, — гордо сказал мелкий живодер.

— А где вторая? Их же было две! — Ужас баронессы все нарастал.

— Со второй не получилось, — горестно ответил Ждан.

— Ждан, где она? Что ты с ней сделал?

— Да успокойтесь, напридумываете тоже! В лес только что отнес и выпустил. Давайте, помогите мне его поймать. — Мальчик выжидательно приоткрыл дверцу клетки.

— Зверь отправится со мной, — решительно заявила баронесса.

— Что? — не поверил своим ушам волшебник.

— Я его конфискую, — объявила Лукреция и направилась к двери. Куница поскакала

рядом, не отставая от ее юбки.

— А вы знаете, что куницы ломают шеи своим жертвам и пьют их кровь, пока они еще живые? — крикнул баронессе вдогонку Ждан, видимо, чтобы той спалось лучше.

— Зверь, конечно, волшебный, — ответила пожилая дама, — но я весьма сомневаюсь, что даже эта куница сможет сломать шею человеку.

— Я вас предупредил!

Лукреция решительно закрыла за собой дверь и посмотрела вниз на зверька, который все еще не отходил от ее подола.

— Ты же не будешь ломать мне шею и пить кровь?

Куница вполне явственно и очень по-человечески покачала головой. Баронесса уже перестала удивляться чему-либо в этом доме.

— Ну хорошо. Тогда утром я покажу тебя Вольге, надеюсь, он исправит то, что натворил этот оболтус.

Куница снова покачала головой.

— Так чего же ты хочешь? — только задавая этот вопрос, Лукреция в полной мере прочувствовала всю нелепость ситуации.

Зверек ловко вспрыгнул на перила лестницы, а оттуда, немного напугав баронессу, все еще не позабывшую предупреждение Ждана, на плечо к своей спасительнице. Но вопреки зловещим предупреждениям, продукт волшебного эксперимента не стал грызть шею, скрытую под высоким воротником с кружевами. Пожилая леди лишь поежилась, когда острые коготки коснулись ее плеча, и отмахнулась от богатого хвоста, мелькнувшего перед лицом. Животное и не думало выказывать агрессию, наоборот, странным образом заурчало ей на ухо.

— Ладно-ладно, не подлизывайся, — уступила Лукреция. — Завтра решим, что с тобой делать.

Она уже собиралась отправиться спать, когда некий странный звук привлек ее внимание. Баронесса настороженно замерла на лестнице. В дверь стучали. Пожилая леди постояла еще немного, как бы желая убедиться, что это не слуховые галлюцинации, вызванные бессонной ночью. Но нет, стук был отчетливым и с каждой секундой становился все более нетерпеливым. Лукреция оглянулась, хотя, как и следовало ожидать, никто на стук не спешил. Тогда она решила посмотреть на столь раннего посетителя сама.

Спустившись вниз, аристократка, как была, с куницей на плече, отодвинула засов и впервые за долгое время открыла входную дверь сама, взяв на себя роль, которую в ее замке обычно исполнял дворецкий.

На крыльце в первых отблесках едва занимавшегося рассвета можно было увидеть только высокую мужскую фигуру в кожаной куртке с богатым меховым воротником.

— Вы кто? — спросила баронесса.

— Это вы кто? — с вызовом ответил мужчина, сделал шаг вперед и попытался отодвинуть Лукрецию в сторону.

Но баронесса была отнюдь не так беззащитна и хрупка, как выглядела. Железный набалдашник ее трости весьма ощутимо и недвусмысленно уперся в предмет мужской гордости незнакомца. Куница на плече угрожающе оскалила клыки и издала крик, больше похожий на птичий, выказывая готовность броситься на непрошеного гостя.

— Это вы стоите на крыльце, а не я. К тому же дама задала вам вопрос — игнорировать его просто невежливо.

Импровизированный урок хороших манер Лукреция сопровождала движением трости,

которое обещало ночному визитеру массу болезненных переживаний в случае, если он не оценит воспитательной речи.

— Кто там? — раздался голос Весеня с лестницы. — Родители ребенка пришли?

Бледный целитель, заработавший за прошедшую ночь себе еще и черные круги под глазами, спустился в сени и встал за спиной баронессы. Младенец на его руках, видимо за этот же период набравшийся достаточно сил, заворочался и закричал, а затем разразился гулким требовательным плачем.

— Что это? — еще больше опешил незнакомец и сделал шаг назад. — Я точно туда попал? Это ведь дом волшебников на Калиновой улице?

Его замешательство премного позабавило Лукрецию. Ее так и подмывало сказать, что да, были тут такие, но теперь дом продан и в нем живет она со своей многочисленной семьей. Осуществить внезапно пришедшую в голову шалость пожилая дама не успела — на шум вниз спустился Вольга.

— Что тут у вас?

— Вольга, черти тебя раздери! — заорал с крыльца незнакомец. — Это я хочу знать, что здесь происходит! Откуда в этом доме старуха с куницей, не говоря уж о младенце?!

Глава 15

РЕВИЗОР

— Свет, — приказал Вольга, и перед входом зажглось сразу несколько настенных ламп. Хозяин дома на удивление быстро спустился с лестницы и, не очень вежливо растолкав баронессу с Весенем, моментально оказался на пороге. — Чингис! Чингис, это ты?!

— Я, кто еще, — проворчал Чингис, явно смущенный такой бурной реакцией.

Волшебник перетащил пришельца через порог и заключил в крепкие объятия.

— Вот так удивил! Какими судьбами? — Хозяин дома едва не приподнял гостя над полом.

Баронесса изогнула бровь и устало посмотрела на куницу на своем плече. Куница презрительно фыркнула. Похоже, даже зверек уже догадался, какими судьбами.

— Да вот, в этом году я ваш проверяющий, — бодро ответил Чингис, и медвежьи объятия Вольги тут же разомкнулись.

Лукреция наконец получила возможность рассмотреть неожиданного визитера в свете ламп. У мужчины были длинные черные волосы, перехваченные шнурком в хвост, желтоватая кожа и ярко выраженное монголоидное строение лица. Он выглядел ровесником ее нанимателя, но баронесса уже поняла, что о возрасте волшебников ни в коем случае нельзя судить по внешности.

— Неужто решили, что дорос? — наигранно засомневался Вольга.

— Да вот, не прошло и ста лет — сподобились! И чтобы оправдать оказанное мне доверие, ух как я вас буду проверять, так еще никто не проверял! — самодовольно воскликнул гость.

Вольга в ответ лишь нервно рассмеялся.

— Ну заходи, заходи! Напроверяешься еще.

— Не хочу показаться невежливой, но давайте мы сначала все хорошенько выспимся, а потом вы начнете оправдывать доверие? — внесла рациональное предложение Лукреция. — Мы сегодня, между прочим, пережили Солнцеворот.

Хозяин дома посмотрел на баронессу предостерегающе: дружба дружбой, а рассказывать проверяющему, что случилось во время праздника, явно не стоило.

— Так я на то и рассчитывал! — засмеялся Чингис, показывая ряд белейших зубов и будто заново оглядывая иностранку с ног до головы. — А то все говорят, какая неожиданность может быть в проверке, о начале которой известно заранее. Да вот поди ж ты, может. Не явись я сразу после Поворотника, не увидел бы вас, сударыня, в этом прекрасном живом воротнике...

Куница возмущенно пискнула.

— ...и этого бледного юношу. Я даже не знаю, чего мне опасаться больше: что это его ребенок или что нет...

— Тсс... — Весеню, который только-только укачал младенца, хватило наглости шикнуть на проверяющего.

— Я тебе все объясню, — бодро начал Вольга, затем скосил глаза на пожилую даму, — кроме, пожалуй, куницы...

Волшебник выразительно посмотрел на баронессу.

— Доброй ночи, господа, — разочаровала его Лукреция и повернулась в сторону лестницы. — Все объяснения подождут до утра.

— Строга, — уважительно протянул Чингис.

— Ты даже не представляешь себе насколько, — ответил Вольга.

— Очень хорошо представляю. — Гость украдкой прикрыл ту часть штанов, в которую еще недавно упирался набалдашник трости баронессы Зоненштадтской.

Если бы Лукрецию спросили, прокрадывался ли к ней тайком в комнату когда-нибудь мужчина, она бы возмущенно ответила «нет». По крайней мере, до этого утра. Баронесса, в чепце и бархатном узорчатом халате с богатыми кистями на рукавах, занималась утренним туалетом, когда дверь в комнату слегка приоткрылась, пропустив внутрь светловолосого волшебника, который, несмотря на свою внушительную фигуру, передвигался на цыпочках. Вольга просочился в помещение целиком, бесшумно прикрыл дверь, повернулся к ней спиной и только тогда наткнулся на острый как нож взгляд аристократки.

— Вы же не подумали чего-то такого? — Жестом руки северянин изобразил в воздухе нечто эфемерно-неприличное.

— Я-то нет, а вот те, кто мог вас видеть в этот пикантный момент... — усмехнулась Лукреция.

— Я к вам, можно сказать, с ответным визитом.

— У меня несколько иные часы для посещений.

— Мы должны обговорить план на сегодняшний день. — Вольга наконец-то спустился с носков на пятки и по-хозяйски уселся на один из сундуков аристократки.

— О чем вы так беспокоитесь? Если я правильно поняла, проверяющий — ваш друг.

— Именно потому, что он мой друг, я так и беспокоюсь.

— Не хотите упасть в его глаза? Вольга, вам давно пора уже оставить это ребячество.

— Я просто не хочу, чтобы он был в курсе происходящего, когда мы с вами отыщем виновного.

— Почему?

— Потому что он может затребовать слишком сурового наказания.

— А вы считаете, что провинившийся его не заслужил? Вольга, вчера чуть не погиб целый город.

— Не погиб же — со всяким бывает, — как от пустяка отмахнулся волшебник. — А Чингис просто не очень любит детей. Считает, что я зря трачу здесь время, так что вполне может по собственной прихоти освободить меня от этого занятия.

— И какой же у вас план? — с подозрением спросила Лукреция.

— Во-первых, приостановить соперничество за внешность баронессы.

— Хах, — подала голос пожилая дама, которую возмущала не только сама возможность такого соперничества, но и все эти разговоры о себе в третьем лице.

— Это было, конечно, весело и изрядно меня развлекало, — продолжал волшебник, казалось не имевший никакого чувства самосохранения и не уловивший и тени угрозы в коротком возгласе собеседницы. — Но сейчас мы должны сплотиться перед новой угрозой.

— Что вы подразумеваете под словом «сплотиться»? — Подозрения Лукреции крепчали, как мороз за окном.

— Мы поменяемся внешностью!

— Идея неоригинальна.

— Нет-нет, вы не поняли. Вы некоторое время побудете мной, а я побуду Меланией!

— Вам не будет покоя, пока вы не перемеряете все мои облики? — со вздохом спросила Лукреция. Почему-то перспектива увидеть Вольгу в облике Ланы беспокоила ее гораздо больше, чем когда-либо беспокоила идея одолжить личность баронессы.

Несмотря на высказанное «фи», Лукреция вполне отдавала себе отчет, что план Вольги был прост и действенен. Если они хотят устроить ловушку для таинственного возмутителя спокойствия, то сам воспитатель, отправившийся на поиски волшебных предметов, может вызвать массу подозрений. Другое дело кучка подростков-волшебников, а с ними девочка-загадка Лана — тут есть где разгуляться. Баронесса же останется развлекать проверяющего под прикрытием внешности Вольги. План был хорош во всем, кроме одного...

— Вольга, вы не хотите рассказать мне пару-тройку подробностей из личной жизни, чтобы я не попала впросак с вашим другом? — обеспокоилась пожилая дама, когда волшебник уже тянул ее на лестницу, чтобы спускаться на завтрак.

— И не надейтесь! — расхохотался северянин. — И так справитесь, я в вас верю. Мы с Чингой не виделись очень давно. Если вдруг сболтнете лишнего, валите все на старость и долгое пребывание в одном доме с кучей детей — он поймет и оценит.

Вниз мимо них проскакала куница, по дороге взметнув пышные юбки Лукреции.

— Кстати, а откуда все-таки эта куница?

— Вот и для вас нашлась задачка, Вольга. Догадайтесь сами, я в вас верю, — не осталась в долгу баронесса. — Если не получится, сошлитесь на старость и долгое пребывание в доме, полном детей.

— Вы не можете со мной так поступить, — притворно взмолился волшебник, — мне же надо как-то отчитываться перед проверяющим.

— О чем ты там собрался отчитываться перед проверяющим? — раздался бодрый голос из трапезной, у дверей которой они уже оказались.

— Обо всем! — с самой широкой и честной улыбкой, на которую был способен, ответил хозяин дома.

— Я так и подумал, — прищурился Чингис, выглядывая из проема. — Не представишь меня даме? Наше утреннее знакомство вышло скомканным.

— Скорее слишком близким, — поправила его баронесса, игриво постукивая тростью по полу.

— Леди Лукреция приглашена мной для обустройства нашего хранилища, — преподнес другу старую ложь на новом блюде Вольга.

Тем временем пожилая дама гадала, будут ли воспитанники этого дома настолько лояльны, чтобы держать язык за зубами, не упоминая об истинной цели ее присутствия.

— Целая леди! — поцокал языком Чингис. — Хранительница картотек и повелительница каталогов.

— Царица забытых реликвий и королева алфавитного порядка, — протянула ему свою руку Лукреция.

Гость вежливо наклонился к ее запястью и изобразил в сантиметре от пергаментной кожи поцелуй.

«Ну что ж, по крайней мере, хоть кто-то в этом доме будет знаком с этикетом помимо меня», — невольно подумала аристократка.

Чингис только укрепил ее надежды, отодвинув в столовой перед пожилой леди стул. Сам уселся напротив, скрестив под подбородком удивительно длинные и тонкие пальцы с

крупными продолговатыми ногтями.

— Итак, — медовым голосом проговорил он.

— Итак? — насторожилась баронесса.

— Когда Вольга подписал с вами договор найма? На какой срок и с каким гонораром? Каков перечень ваших обязанностей?

Словно стрелы из тугого лука летели вопросы в Лукрецию, пока проверяющий доставал из кармана стопочку прошитых листов и грифельный карандаш.

Но на Лукреции была броня, сплетенная из правил хорошего тона.

— Молодой человек, в этом доме за едой деловые вопросы не обсуждают, — сказала аристократка, невозмутимо поглаживая куницу, пристроившуюся у нее на коленях.

Вольга, сидевший по правую руку, как мальчишка за спиной у строгой учительницы, показал другу язык. Чингис нахмурился, но листы не спрятал, а положил рядом с собой на стол, чтобы тут же схватить их, когда в комнату вошла Морошка с блюдом, полным пышных оладий.

— Так-так-так, и часто воспитанники готовят еду? Жалобы были? Отравления, может быть?

На лице у дотолы дружелюбной девчушки появилось такое выражение, будто она вот-вот перевернет тарелку с оладьями проверяющему на голову.

— Вы вовремя пришли, — прокомментировала Надира, которая к тому времени единственная из воспитанников, кроме Морошки, спустилась к завтраку. — Я, конечно, не занимаюсь проклятиями, но еще немного — и начну.

— Да-да-да, — серьезно закивал головой Чингис, перелистывая свои записи. — Вольга, я уже успел поставить тебе минус за воспитание.

Баронесса подняла бровь и посмотрела на хозяина дома.

— Друзья, говорите?

В этот момент у двери раздался какой-то полурык-полувскрик, и все обернулись.

— У тебя... моя... куница... — угрожающе и с расстановкой произнесла Нина, видимо только-только вошедшая в дом. Девочка, к молчаливому изумлению Чингиса, судорожно хватающего карандаш, была босая и растрепанная.

Но баронессу было проще возмутить, чем напугать.

— Во-первых, не «у тебя», а «у вас». Во-вторых, строго говоря, она вовсе не у меня. — Лукреция спокойно сделала глоток чаю из чашки, заботливо принесенной Морошкой.

— Иди ко мне, — приказала девочка совсем не детским голосом, и призыв был обращен отнюдь не к аристократке.

Куница, вместо того чтобы повиноваться, обеспокоенно повертела головой и спряталась на коленях у пожилой дамы.

— Вольга, что здесь... — начал было Чингис, но был перебит все менее человеческим голосом волшебницы.

— Что... ты... с ней... сделала?

— Ничего. — Баронесса снова глотнула чаю.

— Вольга, ты не хочешь вмешаться? — Кажется, волшебный ревизор был единственным, кто понимал, что ситуация выходит за рамки обычного застольного спора.

— Сейчас ты у меня заговоришь, — мрачно пообещала Нина. В ее глазах промелькнул

желтоватый отблеск осенних листьев, запахло мокрыми травами и влажной землей.

Все присутствующие за столом оглянулись: у стены послышался отчаянный писк. И вот откуда-то из-под ножек посудного шкафа выскочила одна серая мышь, за ней другая, третья. Раньше, чем кто-нибудь что-либо сообщил, грызуны взобрались вверх по ножкам свободного стула и оказались на столе.

— Вольга! — Вопреки ожидаемому, первый панический возглас исходил от Чингиса.

Хозяин дома с царственным спокойствием жевал оладушек.

Мыши тем временем мчались к Лукреции, огибая по пути всевозможную снедь на столе. Какой приказ отдала им Нина, так и осталось загадкой. Первый же грызун в мгновение ока оказался пленен под перевернутой чашкой — к счастью, баронесса успела последним глотком допить ее содержимое. Второй был оглушен и смахнут со скатерти ударом трости. Третьего постигла самая печальная участь: куница на коленях у аристократки восторженно заверещала и ловко ухватила его своими зубами.

— Ну вот, — удовлетворенно сказала пожилая дама. — А я все переживала, чем буду кормить Феню. Вольга, вы не задумывались о проведении дератизации в доме?

— Ничего, в лесу есть не только мыши, — мрачно пообещала Нина.

— Феню? — На пороге трапезной за спиной сестры стоял всклокоченный и возмущенный Ждан. — Вы назвали Фенрира Справедливого Феней?!

— Фенрира? — Вольга в первый раз проявил хоть какой-то интерес к происходящему. — Тогда это все объясняет.

— А это, дорогая моя, — как можно ласковее сказала Лукреция, обращаясь к Нине, — тот самый злодей, что похитил куниц и творил над ними свое темное волшебство. Я, как понимаешь, способна на многое, но только не на это.

Пожилая леди не чувствовала угрызений совести, выдавая Ждана. Волка чайной чашкой не накроешь, а с такой-то сестренкой отбиваться от мышей и других обитателей леса должно быть не в пример проще и привычней.

— Ведь я вам доверял, — разочарованно протянул мальчишка.

— Эти звери и твоя сестра тебе — тоже, — парировала баронесса.

— Ты!.. — закричала Нина, разворачиваясь к Ждану.

Грызун, сбитый на пол, помотал головой и поднялся на лапы, а затем явно по приказу своей повелительницы со всех своих коротких лап полетел на мальчишку.

— Стой! — приказал мыши всклокоченный волшебник.

— Нет, вперед! — в свою очередь настаивала Нина.

Растерянная мышь закружилась на месте, а затем и вовсе села на пятую точку. Спор брата с сестрой разрешила куница, все это время с неодобрением наблюдавшая за происходящим. Феня спрыгнул со стола, мягко приземлился на пол, сцапал растерявшегося грызуна и был таков.

После этой циничной демонстрации права сильного разгорающийся конфликт на секунду затих.

— Нина, Ждан, выйдите в сад и там все обсудите, — наконец вмешался Вольга. — Животных и птиц использовать запрещаю. Кто ослушается, неделю просидит дома взаперти.

— Давно пора, — одобрила баронесса. — Вольга, я вам потом расскажу о существовании розог.

— У вас всегда так? Или это представление только для меня? — спросил с нервной усмешкой Чингис.

— Нет, конечно, — вздохнул Вольга. — Такое спокойное утро выдается не часто.

Стали подтягиваться остальные заспанные воспитанники. Лукреция вновь поздравила себя с тем, что пожелания доброго утра сыплются довольно исправно. Видимо, это же пометил себе в блокноте Чингис.

Белоника и Ратко вошли в столовую почти одновременно, оба находились в хмуро-подавленном настроении, и сели как можно дальше друг от друга. Весень, судя по всему уже вернувший младенца благодарным родителям, занялся планомерным уничтожением снеди на столе, так что все, кто появился после него, вынуждены были довольствоваться достаточно скудным завтраком. Лель, прекрасный и свежий, как утренняя роса, зашел в помещение с опаской, но, не обнаружив тут Ланы, заметно повеселел. Буреслав пробурчал свое приветствие, хмуря не по возрасту кустистые брови, а затем устремился к свободному месту рядом с Белкой, тут же, как заботливая нянюшка, начав подкладывать ей в тарелку клубничного варенья.

Не желая понапрасну вызывать волнения юной поросли, над которой придется ставить эксперимент, баронесса снисходительно, не проронив ни единого упрека по поводу пунктуальности, дождалась, когда соберутся все. Что вернутся Нина и Ждан, она уже даже не надеялась. И когда пришло время начинать претворение оговоренного плана в жизнь, весь сценарий внезапно испортил поднявшийся со своего места Ратко.

— Кто сегодня будет проходить испытание? — требовательно прогремел он, угрожающе нависая над столом, Лукрецией и Вольгой. Куда только подевалось все его дружелюбие и веселость?

Пожилая дама откашлялась.

— Именно об этом я и хотела сказать. Сегодня это будет Надира.

— Больно надо, — презрительно фыркнула темноокая волшебница, встряхнув змеиными косами. — Девчонка-то вообще где?

Ратко грохнул кружкой по столу так, что все подпрыгнули:

— Коли тебе не надо — мне отдай!

— Вы делите живого человека, — возмутилась Лукреция.

— Ратко, порядок есть порядок, — строго сказал Вольга, опасаясь, что неожиданная вспышка воспитанника испортит все его планы.

Великан с шумом опрокинул свой массивный стул и, недовольный, вышел прочь из столовой, всем своим видом показывая, что все об этом еще пожалеют.

— Сговорились они, что ли? — удрученно пробормотал хозяин дома, ясно понимая, что в этот раз ежегодная проверка началась как-то не очень удачно.

— Э-э-э, — подал голос Чингис, постукивая себя карандашом по острому, с хищными ноздрями носу. — Тебе не кажется, что некоторых воспитанников ты слишком передержал в доме?

— Не кажется! — Вольга поддался всеобщему настроению и резко ударил ладонями по столу, да так, что жалобно задребезжала посуда. — Больше никаких выходов и демонстраций характера! Сейчас делимся на две группы: одна остается в доме и проходит беседу с проверяющим под моим контролем, вторая отправится в город выполнять мое задание по использованию волшебства.

Дети выпучили глаза: чего-чего, а вот задания от наставника, ранее не утруждавшего себя их обучением, они никак не ожидали.

— Что за задание-то? — подал слабый голос Буреслав.

— Чур я дома, — пробормотал Весень. — Вчера нагулялся.

— Разговоры! — Вольга разошелся не на шутку. — В город идут Ждан, Нина, Надира и

Весень. Остальные в доме! Без обсуждений!

Целитель разочарованно застонал.

— Вот так надо было сразу... — одобрил было Чингис, но тут же прикрыл рот, когда хозяин дома развернулся к нему.

— Тебя это тоже касается! Ты проверяющий? Вот и проверь!

Баронесса удовлетворенно потерла руки. Bravo, Вольга! Она предполагала, что все пройдет гораздо труднее. Все-таки варварские методы да в варварских руках...

— Олег... — испуганно подняла руку Морошка.

— Что?

— Мы вчера зерно на мельницу свезли. Ратко должен был сегодня мешок с мукой забрать. Можно он сходит? А то пироги поставить не на чем.

— Нечего, Ждан заберет! И чтоб вели себя как следует!

В теле Вольги было неудобно: в первую очередь, высоко, а во вторую...

— Как вы вообще что-то видите из-под этих надбровных дуг и бровей? — Я почесала свою двухдневную щетину. — Хоть бы побрились...

— Претензия не по адресу, — парировал Вольга, пытаясь завязать ленточку на распустившейся косичке. — Могли бы представить меня гладко выбритым.

— К сожалению, за все свое пребывание в этом доме я вас таковым ни разу не видела. Дети заподозрят неладное.

— Господи, как вас только ветром не сносит! — Волшебник мерил комнату миниатюрными ступнями. — Кажется, в этом теле лучше не прыгать...

— Хватит уже! — Я схватила северянина за тонкие плечики, развязала кое-как затянутую ленту и толстыми неуклюжими пальцами доплела косу. — Давайте вперед, а то без вас уйдут. И шаг плавнее, вы же девушка, а не пехотинец.

Все распоряжения были отданы, приготовления проведены: барьер вокруг дома настроен так, чтобы не выпускать тех воспитанников, которые должны остаться дома; из хранилища извлечены вещи-поисковики; Чингис попал в плен к Буреславу (последний вот уже минут пятнадцать жаловался ему то на Вольгу, то на Морошку, то в целом на несправедливость жизни) и нежелательного интереса к нашим приготовлениям не проявлял.

Вытолкнув Вольгу из комнаты, я подошла к окну, чтобы проследить, как он отправится в город с ребятами.

Весень и Надира, вооруженные поисковыми волшебными артефактами, собирались в город добывать украденные реликвии. Нина, как всегда, исчезла где-то в лесу. Ждан запрягал лошадь ехать на мельницу.

Надо идти выручать проверяющего, тем более что я не хотела пропустить его беседу с Ратко, Лелем и Белоникой.

Стоило мне выйти из комнаты, как куница скользнула следом и стала тереться у Вольгиных башмаков. Что поделаться с этим зверем? Привязался как хвост, и без разницы ему, под чьей я личиной. Но сейчас так не пойдет.

— Тебе со мной нельзя, понимаешь? — очень убедительно сказала я. Могу поклясться, что мордочка зверя стала расстроенной. — Посиди в комнате или погуляй в лесу. А я тебе молочка потом налью, договорились? Надо же запивать чем-то этих гадких мышей.

Феня нехотя кивнул. Я потрепала его по пушистой холке. Интересно все же, почему он

выбрал именно меня? Потому что я попыталась спасти его от Ждана? Надо будет спросить у Вольги.

Уже с порога столовой было видно отчаяние на лице заезжего волшебника и сточенный карандаш в его трясущейся от сдерживаемого раздражения руке.

— Ну вот скажите — как? Как развиваться и совершенствоваться в этой среде недоверия и непонимания? — накручивал свою трагедию ломким голосом Буреслав. — К насмешкам я уже привык, но когда...

Я откашлялась.

— Буреслав, твое время истекло. Проверяющий должен побеседовать со всеми.

Чингис в ответ послал мне трогательно благодарный взгляд.

— Ну вот, я же говорил! — торжествующе указал в мою сторону мелкий паршивец. — Все талантливые, кроме меня. Морошку тут на руках носят, Белонике в рот заглядывают, Ратко уважают. А я — так, побоку, лишь бы под ногами не путался да косяки не ломал.

— Буреслав! — прорычала я.

— Видите, видите, видите, — продолжал занудствовать мальчишка, продвигаясь к выходу.

У меня чесались руки дать ему подзатыльник, но я не посрамила Вольгу и сдержалась.

— Как ты это выносишь? — недоуменно спросил Чингис, пряча сточенный карандаш в карман и вынимая новый.

— В этом доме толстые стены и хорошая библиотека, — не покривила душой я.

— Кстати, запретил бы ты совсем этой мелюзге экспериментировать с животными, а то так они до старости из школы не выпустятся.

К счастью, у меня уже стали появляться собственные теории насчет того, каким образом Вольга определяет, кому из его воспитанников пришло время покинуть дом, а кому нет. И я очень сомневалась, что дело тут было в силе и мастерстве.

— Если я им запрещу, они не выпустятся никогда, — ответила я низким голосом хозяина дома.

Мимо двери промелькнула массивная фигура Ратко.

— Ратко! — позвала я, надеясь занять Чингиса личностью повелителя огня еще минимум минут на двадцать, а то испытания разговором по душам я могу и не пройти.

— Не до вас мне, — буркнул великан.

— Что с ним? — поинтересовался проверяющий.

— Любовная трагедия, — честно ответила я. — Бросила девчонка из городских.

— Смотри, как бы он не наделал твоих ошибок, — вдруг стал совсем серьезным Чингис.

Я промолчала, опасаясь сказать лишнего и выдать себя.

— Кстати, об ошибках, — произнес проверяющий и указал взглядом на Белонику, подносящуюся собрать последние тарелки после завтрака. — Это она?

Не ответить на прямой вопрос было нельзя, и я на свой страх и риск кивнула.

— Похожа, — протянул Вольгин друг, потом вдруг запнулся и посмотрел на меня еще раз, внимательно. — Неужели спустя столько лет ты все же изменил мнение на этот счет?

Сотни вопросов роились у меня в голове, но ни один нельзя было задать, не оказавшись

под подозрением. Как там говорил Вольга: старость и долгое пребывание в одном доме с детьми?

— Знаешь, после стольких лет в одном доме с кучкой детей...

— А ну-ка погоди... — Глаза, пестрые и безжалостные, как степь, уставились прямо мне в душу. Чингис встал, взял меня под локоть и потащил в сени подальше от Белоники.

Там, в полумраке, волшебник приблизил ко мне свое узкое лицо, то ли пристально рассматривая, то ли принюхиваясь. Ни за что не поверю, что между друзьями так заведено. Интуиция начала бить тревогу, но за те несколько секунд, что у меня были, выхода из ситуации я так и не нашла.

— Ошибка, говоришь... — Волшебник поднес ладонь к своему подбородку и тихонько подул на нее, направляя воздух мне в лицо.

Я потрясла головой, но это не помогло. В носу засвербело, зачесалось, и я чихнула, каким-то образом почувствовав, как слетает с меня чужая личина.

Глава 16

МЕШОК МУКИ

— Ага! — победоносно воскликнул Чингис, уставившись на меня.

Я, конечно, сомневалась, что долго продержусь в образе Вольги, но не настолько же! Разоблачение само по себе не сулило ничего хорошего, но вдобавок было отравлено сознанием того, что с возрастом начинаешь терять профессиональные навыки. Сколько раз за всю жизнь меня ловили на обмане? Ни одного! Именно поэтому он стал моим основным...

Подождите! Я взглянула на свои руки и нервно рассмеялась: пальцы были белыми и гладкими, с розовыми полукруглыми ногтями. Неужели? По какой-то странной логике Чингис вернул мне вовсе не облик баронессы, а облик Ланы.

По лестнице застучали чьи-то шаги. Волшебник схватил с вешалки две первые попавшиеся шубы и вытащил меня на крыльцо.

— А теперь, барышня, рассказывай, сама личину подделала или Вольга надоумил? — спросил он, накидывая на меня шубу. Если бы этот галантный кавалер догадался еще и валенки прихватить, было бы совсем прекрасно, а так зябко.

Есть такая северная кукла под названием «матрешка», и чем больше я сменяла личин, тем больше становилась на нее похожа. Мои отчаянные соображения по поводу того, стоит ли показывать Чингису, кто кроется за самой последней расписной деревянной болванкой, кажется, были абсолютно смехотворны. Суровые северные боги имели свое четко сформулированное мнение по этому вопросу.

— Олег! Олег! — раздался крик с дороги к дому. По ней в клубах белого снега скакал отчаянный всадник.

Стоило мне узнать голос Ждана, как решение осталось только одно. Если Чингису еще можно было объяснить, почему баронесса и Вольга поменялись лицами, то объяснить Ждану, зачем Лана стоит на крыльце в одежде Вольги, придерживая руками сползающие портки, не получится. Поэтому без лишних переживаний я шустро спряталась за спину господина проверяющего и достала из кармана зеркало и рубиновую брошь.

Когда волшебник оглянулся посмотреть, не надумала ли эта смешная девчонка сбежать, пока внимание отвлечено на ее друга, то вместо растрепанной замарашки в одежде с чужого, да еще с мужского плеча увидел строгую пожилую даму в дорогом, прекрасно скроенном платье. На секунду лицо Чингиса вытянулось, но быстро приобрело понимающее восхищенное выражение.

— Очень хорошо, барышня! Bravo! Отменное волшебство иллюзий! Только с Вольгиной одеждой в первый раз напортачила.

Разъяснить суть происходящего у Лукреции не было времени — к ним на взбудораженной лошади подлетел Ждан. То, что издали она приняла за снег, при ближайшем рассмотрении оказалось мукой. Юный волшебник и его скакун были обсыпаны ею с ног до головы.

— Где Олег? — прыгнув с лошади, закричал стоявшим на крыльце взрослым Ждан, точно те вздумали прятать воспитателя.

— Что случилось?

— Там на мельнице... ужас что творится! Я только хотел развязать мешок, чтобы проверить... а он как начал мукой плеваться! — От избытка чувств мальчику не хватало воздуха, но он все равно продолжал возбужденно тараторить. — А я чую... какое-то волшебство, но уже поздно, и муки прям по колено уже насыпано.

— Так чего ты Олега не позвал? — спросила баронесса.

— Так я звал, звал, а он все не появляется! Ну, я — на коня и сюда! Где Олег?

— Вольга всегда отвечает! — одновременно сказали Чингис с Лукрецией и обеспокоенно переглянулись.

Что такое должно было приключиться с хозяином дома, если он не смог ответить на призыв своего ученика?

— Вольга! — попробовала позвать баронесса, но волшебник не явился и на ее зов. Ситуация складывалась критическая, пора было принимать соответствующие решения. — Чингис, на мельнице сработал один из волшебных артефактов из этого дома, вам срочно надо его остановить!

— Но погоди, как он там оказался?

— Об этом потом! Сначала решите проблему! — настойчиво потребовала Лукреция.

— Держите мою лошадь! — предложил Ждан, протягивая поводья.

— Не надо, у меня есть своя, — отказался проверяющий и обратился к баронессе: — А ты пойдешь со мной. Нечего с волшебством играть, оно для работы нужно.

— Но... — начал было Ждан, отлично помнивший, что гость явился к ним в дом без лошади.

Чингис уже не слушал.

Лукреция, та и вовсе не успела ничего возразить. Волшебник подхватил ее за талию и внезапно взмыл в воздух. Никакого опыта полетов на счету у пожилой дамы не было, поэтому, потеряв на секунду самообладание, она позволила себе тихонько ойкнуть.

— Я тебя не слишком сильно сжимаю?

— Да сжимайте как хотите, главное, не отпускайте! — Передвижение высоко над землей оказалось той самой ситуацией, в которой баронесса была готова простить любую вольность в обращении.

Они поднялись над домом в потоках восходящего воздуха, а затем полетели вперед, будто невидимая сила толкала их, струясь и завиваясь вокруг полупрозрачными бурунчиками и прядями. Пару раз Лукреции показалось, что впереди на фоне голубого неба она увидела смутные очертания лошадиной холки и развевающейся гривы, но из-за бьющего в лицо ветра аристократка не могла утверждать это с уверенностью.

Так они пронеслись над садом, забором, дорогой и пустынным зимним полем, за минуту одолев пространство, на которое галопирующей лошади понадобятся все пять, и начали спускаться на дорогу, что вела к центру волшебного беспорядка.

С мельницей и вправду происходило нечто странное: из всех щелей сооружения сыпалась, а по временам и выстреливала мука. Мельник и двое его то ли работников, то ли сыновей стояли поодаль и держались руками за головы.

— Так, мелочь, подсоби! Надо прикрыть мельницу иллюзией, чтобы горожане не волновались, — приказал волшебник, едва ноги Лукреции коснулись земли.

— Чингис, я давно хотела вам сказать...

— Извини, но мне уже несколько сотен лет — молодыми барышнями не интересуюсь.

Лукреция не выдержала:

— Я престарелыми волшебниками тоже! Вы видите мой настоящий облик!

— Сейчас не важно, сколько вам лет, — создавайте иллюзию!

— Я не волшебница. Иллюзии делал Вольга.

Спутник на несколько секунд смерил баронессу пытливым взглядом.

— Чертов гений, и этому научился!

— Вам придется справляться самому.

Мельница тем временем продолжала выплевывать все новые порции муки.

— Вольга! Я не представляю, что мне с этим делать! — закричал в пространство господин проверяющий, и Лукреция решила, что это не очень хороший знак.

— Возьмите себя в руки, вы же волшебник! — угрожающе навела она на своего спутника трость.

— Я владею волшебством воздуха и ветра, — с досадой ответил Чингис. — Могу развеять всю эту муку по полю вместе с мельницей! Но не думаю, что вы ждете от меня именно такого решения.

— Чингис! — требовательно сказала баронесса тоном, который мог придать боевой настрой целому отряду, не то что одному пессимистически настроенному волшебнику.

— Да, моя леди, — почти серьезно ответил тот.

— Если не ошибаюсь, сюда нас доставило что-то вроде ветряной лошади?

— Вообще-то я представлял себе коня...

— Вы когда-нибудь видели слона?

— Доводилось.

— А воронку смерча?

— Странно, что вы об этом упомянули. Вчера на подлете к городу мне показалось...

— Нам нужна маленькая воронка, собирающая муку в какой-то резервуар.

— Иными словами — слон? — опешил от такой изобретательности Чингис.

— Это первое, что приходит мне в голову. У вас есть предложение получше?

— Таких оригинальных точно нет. — Чингис провел пальцами по несуществующим усам. — Значит, слон для ее величества!

— Ее милости, — педантично поправила баронесса, наблюдая за движением воздуха, который стал приобретать знакомые ушастые очертания. — И лучше не один, а два слона.

Действительно, мучное бедствие достигло уже таких размеров, когда с количеством волшебных животных не стоило мелочиться.

— Это не решение проблемы, — возразил Чингис, сотворяя второго воздушного слона, размером побольше предыдущего. — Пока работает артефакт, мы слонов не напасемся!

Первый слон уже начал послушно всасывать в себя муку, на глазах приобретая все более четкие очертания и набирая форму и цвет. Это небывалое зрелище, видимо, нанесло окончательный удар по выдержке мельника — мужик сел на землю, и никакие старания помощников не могли его поднять.

Второй слон отправился вслед за первым, когда над самым ухом баронессы раздалось:

— Ух ты! Это что еще за чудища такие?

Как оказалось, Ждан и не думал оставаться в доме; едва дама его сердца и пришлый волшебник скрылись в небе, молодой человек развернул свою многострадальную лошадь и помчался обратно к мельнице.

— А вот и решение проблемы! — радостно объявила Лукреция, которая в молодом теле,

может быть, и решилась бы залезть внутрь мельницы, но не была уверена, что даже тогда ее вмешательство без использования волшебства чем-то поможет.

— Что, правда? Я? — обрадовался паренек, видимо не ожидавший такого теплого приема. — А что надо делать?

— Ты мешок развязал?

— Развязал.

— И оттуда повалила мука?

— Повалила, — горестно кивнул Ждан.

— Тогда просто пойди и завяжи его обратно. Ну и всякие ваши волшебные штучки не забудь.

— Так там же не пролезть никак! — возмутился юный волшебник, указывая на забитую мукой мельницу.

— Чингис! Выделите воспитаннику слоников! И побольше!

— Что, я вам их печатаю, что ли? — заворчал проверяющий, но в воздухе на самом деле стали будто пропечатываться очертания еще двух животных.

— Мне кажется, да, — честно ответила баронесса.

— Признайтесь, вы рады, что он так вовремя появился, — прокомментировал Чингис, глядя на Ждана, победоносно возвращающегося под охраной двух маленьких белых слоников. Мельница перестала производить муку в огромных количествах, и впервые с момента ее постройки этим фактом был доволен даже сам мельник.

— Несказанно, — согласилась Лукреция. — Иначе бы внутрь пришлось лезть кому-то из нас.

— А мы оба для этого староваты...

— Говорите за себя. Просто лично я предпочитаю не делать грязную работу, когда ее могут сделать другие.

— Вот! — торжественно поднял над головой пустой мешок подошедший Ждан. — Из-за этой штуки все и началось!

Юный волшебник представлял собой красочное, точнее, абсолютно белое подтверждение того, что работа действительно была грязной.

Баронесса осторожно взяла у него из рук мешок и с любопытством оглядела, затем, удостоверившись, что предмет самый обычный, передала его Чингису.

Проверяющий принялся, на его лице на секунду мелькнуло необычно хищное выражение.

— Какое-то магнитное волшебство, — наконец сказал он. — Мешок удваивает все, что в него ни положишь, и до тех пор, пока его снова не завяжут. Кто догадался отнести это на мельницу?

— Я слышала, что на востоке белых слонов считают приносящими удачу. — Баронесса решила демонстративно проигнорировать этот вопрос, как слишком скользкий для обсуждения (особенно в присутствии воспитанника), и потому с преувеличенным вниманием разглядывала образовавшееся перед ними стадо.

Для ликвидации мучных завалов понадобилось четыре больших слона (достигших размера реальных животных) и два маленьких воздушных слоненка, которые носились сначала внутри мельницы, добывая оставшиеся мучные крохи, а потом вились вокруг вышедшего на улицу белого с ног до головы, но гордого своей победой Ждана.

Юный волшебник с наигранным раздражением отмахивался от слоников, пытавшихся залезть ему то за ухо, то за шиворот, а сам со все большим уважением косился на Чингиса и наконец не выдержал:

— А трудно таких созданий делать?

— Да нет, нетрудно, — скрывая удовольствие от восхищенного тона парнишки, ответил проверяющий. — У тебя какое основное волшебство? Хотя нет, погоди, я ведь уже за завтраком видел. Зверье, значит?

— Угу, — впервые стушевался Ждан.

— Ну что ж, попробовать можно. Строение тела ты получше меня знаешь, а частичку стихийного волшебства можно отыскать в каждом.

— Правда?! — Глаза мальчишки загорелись.

— Правда. А что, Вольга не рассказывал?

— Нет.

Чингис смущенно потер переносицу, как будто вовсе не хотел этого слышать.

— Чему же он вас тут учит?

Лукреции внезапно захотелось встать на защиту своего нанимателя.

— Для того чтобы это понять, понадобится чуть больше чем полдня, — многозначительно сказала она. — Оставайтесь подольше и приглядитесь.

— Вам сложно отказать, — рассмеялся Чингис, показывая полоску жемчужных зубов. — Признавайтесь, вы, верно, в свое время были красавицей и разбили немало сердец?

Лукреция внезапно смутилась от неожиданного комплимента, а потому ответила резко:

— Что значит «в свое время»?

— Я не имел в виду, что сейчас вы...

— Очень даже имели... Так вот, красавицей я не была даже тогда, но, чтобы разбивать сердца, этого и не надо, — сжалась над ним баронесса, уже отойдя от внезапной вспышки смущения.

— Кажется, ваша теория о приносящих удачу белых слонах сейчас подвергнется жестокому испытанию. — Чингис сменил тему и стал смотреть куда-то поверх головы собеседницы.

Лукреция обернулась. По направлению к мельнице двигалась целая толпа горожан.

— Что им здесь надо? — удивилась баронесса.

— Уж не думаете ли вы, что мешок сам производил муку, которой завалило мельницу? — прищурился волшебник.

— Судя по вашему тону, это не так.

— Даже волшебство не может брать материю из ниоткуда. Этот коварный мешок, пусть голуби сидят на кургане его создателя, тащит муку из окрестных амбаров.

Лукреция онемела и совершенно другими глазами взглянула на подбиравшуюся все ближе толпу.

Действительно, мучное извержение и гигантские фигуры белых слонов были видны издали, так что сметливые горожане быстро связали это небывалое зрелище с пропажей муки из амбаров. По направлению к мельнице тянулась возмущенная процессия, состоявшая главным образом из женщин. У каждой в руках был пустой мешок, а то и два. Казалось, скандал был неизбежен.

Лукреция встрепенулась раньше прочих.

— Ждан, быстро за веревкой! Будешь вязать руки нам с господином проверяющим.

— Что?! — в голос протянули волшебники.

— Не разговаривать — исполнять!

— Кто за пропавшей мукой, становись в очередь! — громогласно объявил Ждан, когда толпа приблизилась на бросок камня (четко обозначенное Лукрецией расстояние), чем сильно сбил горожан с первоначальных намерений. — Мешки подавать раскрытыми, подходить по одному!

Уверенный тон и четкие указания довершили свое дело — толпа притормозила и последний отрезок своего пути проделала не с настроем грозной силы, а с видом растерянных просителей. Метаморфоза была настолько очевидной, что Чингис, связанный по рукам и ногам, уважительно посмотрел на баронессу и тихонько присвистнул.

— Крепкого здоровьица, сударь кудесник! — снимая шапку, вышел вперед гладкий мужик с богатыми усами и бородой.

— И вам не хворать, люди добрые, — в тон ему приветливо ответил Ждан.

— А не поведаешь ли нам, что случилось? Куда мука-то наша пропала?

— Отчего ж не поведашь, поведаю, — подбоченился юный волшебник. — Приехал я, значит, на мельницу муку забирать, что вчера намолоть просили. Вроде все как обычно, все как всегда, да и дядя Михась соврать не даст.

Тут Ждан, к неудовольствию Лукреции, кивнул на все еще не пришедшего в себя мельника. Это он зря — мельник, может, еще и не в себе, а вот его помощники очень даже. А ну как кто видел, что на самом деле произошло?

— Но чую что-то неладное: чья-то злая волшба мельницу окутывает, — зловещим тоном продолжал вихрастый и вдруг рубанул рукой по воздуху: — А потом — раз!..

Толпа ахнула от неожиданности. Рассказчиком Ждан оказался неплохим, поэтому баронесса перестала сомневаться в успехе мероприятия и, немного расслабившись, стала вместе со всеми слушать чудную сказку со своим непосредственным участием в сюжете.

— Мука в мельницу как повалит! Кругом белым-бело, ни зги не видно! Ну я из мельницы выскочил и давай вокруг кружить по следу, темной волшбой оставленному. След тот ни глаз не увидит, ни собака не возьмет, да только один волшебник другого завсегда поблизости чует. Глядь, стоят за мельницей тати-басурмане и волшбуют: всю муку у честных людей вытаскивают да на мельницу стягивают. Видать, в свои басурманские закрома переправляют потом собирались! Ну я к ним сзади подкрался да как оглушу их...

— Лопатой, — подсказали из толпы.

— Оглоблей!

— Волшебством! — торжественно сказал Ждан. — Потому как что?

— Что? — хором спросили горожане.

— Северное волшебство завсегда басурманскую погань одолеет! — Разошедшийся паренек указал на связанных Лукрецию и Чингиса. — Вот, полюбуйтеся — связаны голубчики, как миленькие!

Толпа пришла в волнение.

— А старуха-то, верно, ведьма!

— И черный-то, глянь, на черта похож!

— Судить их!

— Народным судом!

— Тащи их, бабоньки, на площадь!

Выдуманная для пострадавших сказка начала принимать опасный оборот. Баронесса с проверяющим обеспокоенно переглянулись.

— Я те дам тащить! — нашелся Ждан. — Мои они! Пусть злодеяния свои честным трудом отрабатывают. Дом у нас большой, да и двор немаленький — дел вдоволь.

— Ишь ты, ушлый какой, — подбоченилась кривая на один глаз тетка. — Все себе подгребают!

— Вот народ! — с досадой махнул на нее рукой великий актер. — Сберег муку — ни тебе благодарствую, ни тебе спасибо. Так и норвят укусить!

— Ты не слушай ее! Не от большого ума говорит.

— Молчи, молчи, дурында! Вишь, парень для народа старался!

— Кланяйтесь кудеснику, люди добрые! В пояс кланяйтесь!

— А муку-то когда отдавать будут?

— Как в очередь построитесь, так и начну, — ответил единственному здоровому голосу парнишка. — А то же вас не дожدهшься.

Люди заволновались, стали строиться и переругиваться. Первым в очереди оказался тот самый усатый мужик, что представлял от горожан, не иначе староста.

— Ну не бойся, подходи, подставляй мешок, — подбодрил Ждан нервно косившегося на огромного белого слона усача. — Сколько, говоришь, у тебя пропало?

— Пудов шесть, — отчего-то замялся мужик.

— Врет! — громогласно заявила Лукреция, решив поддержать свой статус басурманской нечисти. Конечно, ложь она определила вовсе не при помощи колдовства, но тут уж кто во что верит.

Юный волшебник посмотрел на нее, подмигнул украдкой, а затем вновь обратился к усачу:

— Если шесть пудов, так чего ж ты с одним мешком пришел? За пазуху тебе насыпать, что ли?

Среди горожан послышались смешки.

— Я что? Мне как женка сказала, я так и отвечаю, — пошел на попятную враль. — А мешок один дала — баба-то темная, счету не обучена.

— Ну, подставляй, что принес, — усмехнулся Ждан. — Только ведьма говорит — врешь.

— Брешет, — обиженно сказал усач и протянул раскрытый мешок.

Воздушный слон радостно пыхнул хоботом белое облако в раскрытую мешковину. Хозяин мешка превратился в привидение, на лице которого недоуменно моргали два живых глаза.

— Простите, обратный процесс еще не отлажен, — пока на лице «привидения» снова не открылся рот, засуетился Ждан, бросая на Чингиса крайне выразительные взгляды. — Сейчас-сейчас!

Белый слон с обаянием добродушного героя детской сказки прошелся хоботом по

застывшему от удивления мужику, заново всасывая в себя муку. Закончилась эта уборка где-то в районе усов и бороды, из-за чего действие было завершено смачным чмоком-поцелуем.

Лукреция укоризненно посмотрела на Чингиса — тот улыбнулся. За ним улыбнулся белый слон.

Из очереди раздалась умиленные женские аханья.

— Вы могли бы открыть свой цирк, — прошептала баронесса, хотя злым колдуньям светские беседы вести не полагалось.

Со второй попытки слон удачно высыпал муку в мешок, став при этом на тон бледнее прежнего. Усач удовлетворенно завязал мешковину и, легко вскинув ношу на плечо, пошел обратно к городу, словно позабыв о том, что вначале требовал шесть пудов муки, а получил всего три. Очередь двигалась споро, никто больше не рисковал врать в присутствии «басурманской ведьмы». И вот уже скоро вместо четырех слонов осталось два, а потом и вовсе один, да еще и наполовину прозрачный. Судя по всему, в нем была мука, что принадлежала волшебникам и самому мельнику.

Вот только толпа, поначалу бодро начавшая редеть, теперь убывать прекратила. Так и стояла на дороге горстка женщин, у которых муки было больше, чем они могли утащить на себе. А где горстка женщин, там жди свары и беды. Баронесса тихонько шикнула на Ждана и глазами показала ему на горожанок: мол, помоги, пока все мирно.

Парень и тут оказался смекалистый.

— А что, тетеньки, кому муку до ворот довести? Не стесняйтесь, у меня тут и лошадка есть!

Вот только подвезти надо было слишком многих, и не только тетенок. Некоторые, услышав столь щедрое предложение, так и вовсе с полдороги вернулись, лишь бы на своих двоих в город не топтать.

Ждан с лошастью понуро наблюдали, как растет гора мешков и толпа хозяек, нуждающихся в доставке.

Баронесса толкнула локотком Чингиса.

— Ну раз уж вы слонов видели, то ослов и подавно.

— Что? — не сразу понял намек волшебник.

— Ослики, милые такие ветряные ослики, — начала объяснять Лукреция. — Надеюсь, на них можно будет грузить мешки с мукой?

— Почему было сразу не отправить слонов в город? — вздохнул проверяющий. — Доставлять бы не пришлось.

— Очень неосмотрительно было с вашей стороны не подумать об этом вначале, — медовым голосом ответила пожилая дама. — А ведь сотни лет уже живете на свете, не то что я.

Чингису хватило ума промолчать и снова взяться за дело. Вокруг них из воздуха стали ткаться ветряные ослики. Они были не такими прозрачными, как слоны, внутри них что-то клубилось и кружилось, делая волшебные создания серовато-мраморными и почти живыми.

Женщины заахали. Ждан обернулся и посмотрел на двух связанных «татей» глазами, полными восхищения и обожания, а затем так же бодро начал командовать:

— Подходим, разбираем ослов! Без драки, без драки! Всем хватит! Кого на лошади подвезти? Никого? Эх, люди!

— А оставить его себе можно? — вдруг спросила какая-то предприимчивая молодуха, уже предельно нагружившая доставшегося ей осла. Это предположение имело эффект

зажженной спички, брошенной в сухом поле. Уже через секунду дарового, пусть и воздушного, осла себе хотел каждый, и каждый старался прорваться к Ждану, громогласно об этом заявляя.

— Забудьте про цирк. Вот где неплохое предприятие могло бы получиться, — прокомментировала баронесса.

— Они же развеются через час, — ответил волшебник, глядя, как вихрастый паренек отбивается от самых настойчивых просителей.

— Ну и что, возможность почасовой аренды это не отменяет, — продолжала развивать свою мысль Лукреция. — Кормить, поить их не надо, украсть не украдешь. Идеально — хоть сейчас компанию открывай. Ну что, по рукам?

Чингис посмотрел на нее дикими глазами.

— Вы это серьезно?

— А что? Оставайтесь. Не вечно же вам мучить Вольгу своими провер... Вольга!

Баронесса и проверяющий переглянулись.

Вольга! Во всей этой кутерьме муки, слонов, ослов они забыли про Вольгу! Про воспитателя, который так и не ответил на призыв своего ученика! Про волшебника, который приходил, когда кто-то был в беде — если в беде не был он сам...

Лукреции хватило минуты, чтобы справиться с узлами, умело затянутыми Жданом. Едва она и Чингис стряхнули с себя веревки, волшебник вновь подхватил пожилую даму за талию и взмыл с ней вверх на восходящих потоках воздуха.

— Сбежали! — истерически возвестил чей-то женский голос. Другие подхватили — завизжали, заголосили.

— Пойдите! А как же я один с мельником разбираться буду? — кричал им вслед обеспокоенный Ждан.

— Договорись! — ответила с неба баронесса. — Мышей на мельнице бесплатно выведи!

— Так жалко мышек-то!

— Утром было не жалко!

Глава 17

ТРИ ОБМАНЩИКА

— Надеюсь, у вас есть план, — сказал Чингис, опускаясь вместе с баронессой на землю в глухом тупичке за чьим-то амбаром. — Потому что после нашего умопомрачительного успеха на мельнице я не рискнул бы кружить над городом в поисках Вольги.

— План-то у меня есть, — ответила Лукреция, совсем неаристократично переступая с ноги на ногу. В эйфории от происходящего она до сих пор не обращала внимания на замерзающие ноги, но после очередного полета и приземления в снег потребность в тепле стала более чем насущной. — Чего не могу сказать о приличной обуви для местных сугробов.

— С вас план, с меня валенки, — торопливо сказал волшебник, присоединяясь к танцу баронессы. — Как будем искать Вольгу? Он, конечно, малый крепкий, но мне беспокойно.

— Мой план будет плохо работать без ваших валенок, потому что в него входит ожидание.

Чингис посмотрел непонимающе.

— Мешок все еще у вас? — на всякий случай уточнила Лукреция.

— Что?

— На мельнице я передала вам мешок, — с нажимом сказала баронесса и посмотрела на спутника каким-то особенным, оценивающим взглядом.

— Ах, мешок... — Проверяющий нехотя вытащил откуда-то из-под шубы волшебную вещь.

— Я его изымаю. Вам, волшебникам, только доверь что-то опасное! — Лукреция без лишних церемоний отобрала артефакт. — Пойдемте ближе к центру города.

— Вы хотите, чтобы нас все-таки казнили?

— Я хочу, чтобы нас нашел кто-то, у кого есть поисковик. — Пожилая дама подняла и продемонстрировала мешок недогадливому спутнику, а затем распахнула шубу, чтобы показать богатую рубиновую брошь. — Волшебный мешок и это украшение рано или поздно приведут к нам кого-нибудь из ребят. Если повезет, то и самого Вольгу.

— Лучше рано.

— У вас есть другие предложения? Не слышу? Нет? Тогда ждем. А уж потом, если понадобится, с помощью поисковика найдем нашего потерявшегося воспитателя.

— Живым или мертвым, — мрачно ввернул проверяющий.

— Тьфу на вас! Вы волшебник или кликуша?

— Хорошо, ждем, — обреченно согласился Чингис. — Но только не здесь и, естественно, не на главной площади.

Место, куда Чингис привел баронессу, оказалось, мягко говоря, совсем не подходящим для пожилой аристократки. В полуподвале одного из длинных двухэтажных домов в центре города расположилась пивная сомнительного вида и, как подозревала Лукреция, столь же сомнительной репутации. Мутные личности расплзлись по темным углам помещений, будто тараканы. Немежный пол и бочки вместо столов только добавляли неповторимый антураж сему заведению.

— Не ресторан, конечно, — с тонкой улыбкой сказал Чингис, широким жестом пропуская свою спутницу внутрь. — И даже не корчма братьев Расстегаевых, но зато мы можем быть уверены, что мука отсюда точно не пропадала. Потому что ее тут просто

нет.

Лукреция не стала ничего отвечать, а просто вошла в помещение с таким видом, будто бывала в подобных заведениях едва ли не каждый день. За долю секунды оценив наметанным взглядом обстановку, аристократка приблизилась к неопрятному детине, оккупировавшему единственную приличную лавку в пивной, и ласково постучала его тростью по плечу.

— Любезный, не уступите место пожилой даме?

Мужик взглянул вверх и неожиданно осклабился:

— Та-а садись, мамаша, я подвинусь!

— Спасибо. — Лукреция села на лавку как ни в чем не бывало и развернулась лицом к Чингису. — Кажется, вы обещали мне валенки.

— Уверены, что я могу оставить вас здесь одну?

— Ну вы же были уверены, когда меня сюда привели. Кстати, откуда вам известно это место?

Волшебник замялся, потерял полы шубы.

— Да так, бродил как-то по городу и зашел ненароком. Я мигом — ни во что не вяжывайтесь!

Баронесса и не вяжывалась, но, если кто-то сам желал связаться с ней, тут уж она никак не могла воспрепятствовать.

Чингис отсутствовал не более десяти минут, и за это время диспозиция в пивной изменилась кардинально. Перед баронессой появилась кружка пива и тарелка с сушеной воблой, напротив восседали две крайне угрожающего вида личности, сосед, давеча уступивший «мамаше» место, поставил свой заплатанный локоть на бочку и едва не со слезами умиления на глазах любовался аристократкой, в ногах которой валялось чье-то вяло стонущее тело.

— А вот и валенки... — робко сказал волшебник.

— Я думаю, мне не стоит интересоваться, откуда вы их взяли? — тактично заметила Лукреция, откусывая от лепестка сушеной воблы, который она с неповторимым изяществом держала двумя пальцами.

— Что тут произошло?

— Некто господин Сиплый...

— Хриплый, — поправил баронессу сосед.

— Спасибо... Хриплый пожелал безвозмездно получить в собственность мою брошь.

— А вы? — с ужасом спросил Чингис.

— А я была против.

— Еще как против! — поддакнул сосед пожилой дамы и закатился лающим смехом, обнажая нестройный ряд зубов. — Ну мамаша, ну огонь! А какие байки травит — закачаешься!

— А теперь, господа, позвольте мне переговорить с моим напарником, к вам я еще как-нибудь загляну на огонек, — торжественно пообещала баронесса.

— Заглядывай, заглядывай, мамаша! — донеслись возгласы сомнительных собеседников Лукреции, сопровождающиеся пожеланиями крепкого здоровья и всех благ, которые звучали странно в их бандитских устах.

— Чем вы его так? — спросил волшебник, присаживаясь на лавку рядом с пожилой леди

и ставя подле нее валенки, новехонькие, точно только что с базара.

— Личной харизмой и многолетним опытом, — усмехнулась баронесса, перекатывая трость в узловатых пальцах. — Интересный здесь контингент, господин проверяющий. Очень интересный.

Но Чингис не ответил; он внимательно наблюдал, как сраженное харизмой тело пытается отползти от их бочки.

— Записная книжка, в которой вы делаете свои пометки по проверке, при вас? — неожиданно спросила Лукреция.

— Конечно. — Волшебник похлопал себя где-то в районе сердца.

— Могу я на нее взглянуть?

— Боюсь, что нет, — в очередной раз смутился Чингис и отвел темные глаза. — Это конфин... конфи...

— Конфиденциально? Хорошо. Чингис, скажите, вы ведь Вольге друг? Вы не станете делать того, что может ему повредить?

— Вы про проверку? — поежился волшебник.

— А есть еще что-то? — по-детски невинно спросила Лукреция. — Нет? Тогда записывайте.

— Что? — непонимающе уставился на старушку проверяющий.

— Мой отзыв о работодателе, конечно. Давайте-давайте.

Под пристальным взглядом баронессы Чингис все же извлек блокнот и карандаш из внутреннего кармана.

— Итак... за время своей работы я отметила следующее: мой наниматель всячески способствует налаживанию добрососедских отношений с горожанами, развивает у своих воспитанников навыки общения со всеми слоями населения, проводит тренировки по применению волшебства в экстремальных условиях, обучает молодежь способам распознавания и обращения с волшебными реликвиями...

— Вы так расписываете, что после моего доклада его в старшины совета изберут, — проворчал Чингис. — Кстати, что там с волшебными реликвиями? Почему работающий артефакт оказался за пределами дома? Я правильно понял, что, возможно, он такой не один?

— Вы крайне догадливы, — со странным удовлетворением ответила Лукреция и рискнула отпить из своей кружки пива. — Даже слишком...

В этот момент дверь в помещение распахнулась и на пороге пивной появилась высокая худая фигура с рогатой палкой наперевес. Заметив баронессу с кружкой пива и проверяющего с блокнотом, вошедший на секунду потерял дар речи, потом попытался что-то сказать, но речь к нему так и не вернулась.

— Весень, все в порядке, — спокойно произнесла баронесса. — Мы как раз тебя ждали. Заходи.

Целитель подошел к их бочке, хмуро и опасно косясь по сторонам.

— Пиво будешь? — спросил Чингис, похоже наслаждавшийся произведенным эффектом.

— Мне нельзя.

— Правильный ответ, — похвалил коварный провокатор. — А где Во...

— Где Лана? — тут же оборвала вопрос тугодумного спутника баронесса.

— С Надирой. Мы разделились, — ответил Весень, все еще не веря своим глазам.

— Вот незадача! Давай сюда свой поисковик, пойдем искать. — Чингис быстро отобрал у растерявшегося парня то, что баронесса про себя называла «палкой-копалкой», и, вскочив с лавки, направился к выходу.

Поисковик в умелых руках проверяющего вел по знакомой дороге, от белокаменных палат Прокофия Белоярова по направлению к дому лекаря — именно этим путем в сопровождении неразлучной тройцы баронесса гуляла не далее как вчера. Немного не доходя до дома целителя, они заметили две девичьи фигурки, тихонько бредущие впереди. И пока баронесса с Чингисом на секунду замешкались, размышляя, как их окликнуть, первым встрепенулся Весень, которому никто так и не рассказал, почему именно они ищут Лану.

— Надира!

Волшебница оглянулась, и на ее лице было не привычное презрительно-снисходительное выражение, а детская растерянность и испуг.

— Весень! — едва не заплакала она. — Весень! Помоги!

Все трое бросились к девочкам, но баронесса в силу возраста немного отстала. Когда она, запыхавшись, наконец добралась до них, Весень уже щупал чуткими пальцами кровавую ссадину на виске ненастоящей Ланы. Вольга в чужой личине обмяк, облокотившись на придерживавшего его Чингиса, устало прикрыл глаза и никак не реагировал на их появление. Но при этом крепко сжимал в крошечном девичьем кулаке тяжелый железный кистень. Надира, узкое лицо которой, казалось, вытянулось еще больше от перенесенных переживаний, торопливо рассказывала об их приключениях, позабыв весь свой огромный запас колких слов.

— Нас клубок вывел на купеческие склады, что на другом конце города...

— Покажи-ка, что за клубок? — заинтересовался Чингис.

Девушка вынула из кармана маленький красный моток ниток.

— Древность какая, — с уважением и неодобрением сказал проверяющий, двумя пальцами беря с ее ладони артефакт. — И додумались же вынести из дома...

— Что на складах было? — перебила его баронесса, которая с тревогой наблюдала, как целитель сосредоточенно, но несколько удивленно продолжает водить руками по голове Ланы.

— Мужик там был, толстый, вонючий, со шрамом через всю рожу, — не скрывая злости, вспоминала Надира. — А при нем этот кистень волшебный.

— Волшебный? — с еще большим интересом повторил Чингис и попытался вытащить у фальшивой Ланы реликвию из руки. Но Вольга держал крепко, и проверяющему пришлось довольствоваться тем, что удалось осмотреть хотя бы шипастую гирию на конце оружия. Волшебник восхищенно воскликнул: — Ох ты ж, ёжки! Такою если раз правильно ударить, овраг будет до самых чертей!

— Что ж, вы на того мужика драться полезли, что ли? — недоумевала баронесса. Вряд ли такое могло прийти в голову даже безбашенному Вольге.

— Да не полезли, — с досадой ответила Надира, раздраженно тряхнув смоляными косами. — Зачаровать я его хотела потихоньку. В транс ввести, чтобы не сопротивлялся, пока мы кистень забираем. А его кто-то в этот момент окликнул, ну я внимание и не удержала, отпустила на секунду. А он возьми и замахнись кулаком. Лана меня оттолкнула, а сама под удар подставилась.

— Так как же вы сбежали, да еще с кистенем?

Надира замялась, будто сама не верила в то, что сейчас скажет.

— Так она его в ответ еще ударила и, кажется, нос сломала. Кистень схватила — и

бежать. Только потом ей плохо стало.

Баронесса аккуратно повернула правую руку ненастоящей Ланы, чтобы увидеть содранные опухшие костяшки пальцев. Весень скосил на них глаза.

— Она очень странная, — сказал он, левая рука целителя машинально погладила разбитую кисть пострадавшей. — По ощущениям сегодня совсем не такая, как вчера...

— До сегодняшнего дня я вообще думала, что Олег над нами посмеялся, — призналась Надира. — Подсунул нам самую обычную девчонку, которую никто не зачаровывал. Но сейчас готова отдать свои косы, если это окажется девочка.

— Ратко тоже думает, что она мужчина, — поддержал Весень.

— А ты?

— А я... — Парень почему-то взглянул на Лукрецию, но быстро отвел глаза. — Уже не знаю.

— О чем вы тут говорите? — Это вдруг с тоненьким вздохом пришел в себя предмет обсуждения.

Вольга в облике Ланы попытался сесть, но скривился от внезапной головной боли и машинально потянулся рукой ко лбу.

— Ой-ей! — Чингис среагировал быстрее всех и схватился за гирю на кистене, не давая забывчивой больной еще разок припечатать себя по лбу. — Может, хватит на сегодня травм?

— Подожди секунду, — мягко сказал Весень, снова опуская руку на голову своей пациентке, — сейчас боль пройдет. Только голова будет немного кружиться.

— Ты как? — ласково спросила Надира.

— Ничего, — ответил перевоплощенный Вольга. — В ушах шумит.

— А я Олега звала, звала, но он не пришел, — озабоченно сказала волшебница. — Что с ним?

Чингис снова среагировал раньше, чем баронесса открыла рот.

— Это я виноват. Мы решили силой помериться, как в старые времена. Вот я его и приложил ненароком по голове, сейчас в доме отлеживается. Тоже вот говорит, что голова гудит, может, и не слышал.

— Неужели? — Несмотря на слабость, поддельная Лана умудрилась добавить сарказм в свою интонацию.

— Не веришь, у него спроси, — нагло усмехнулся Чингис. — В деле бранном он мне не соперник.

— А и спрошу. — Вольга мотнул головой с тонкими растрепанными косицами, отгоняя от себя целителя, и встал на ноги, но тут же покачнулся.

Зрелище было то еще: щуплая девчушка с совсем не девичьими повадками, ссадиной на лбу, приобретшей желтоватый оттенок благодаря стараниям целителя, и кистенем в тонкой, слабой на вид ручонке. Чингис вовремя схватил за плечи своего товарища, от перенесенной травмы переставшего справляться с взятой на себя ролью.

— Ребята, вы идите в дом, а мы все же доведем Лану к лекарю, — правильно оценила обстановку баронесса.

— Я с вами, — раздраженно сказал Весень, так и не дождавшийся похвалы за свои старания.

— И я, — поддержала Надира.

— Цыц! — прикрикнула баронесса. — Я сказала, в дом! Господин проверяющий, разберитесь.

— Да что разбираться-то? — Чингис стал показательно рыться в нагрудном кармане. — Сейчас занесу в отчет неисполнение приказов старших, и пусть Вольга потом на совете разбирается.

Надира и Весень переглянулись.

— Только посмотрите, чтобы с ней все хорошо было.

— Нет, дождемся, когда вы за углом скроетесь, и бросим ее здесь, в сугробе, еще и снежком сверху припорошим, чтоб с дороги не было видно, — саркастически ответил Чингис. — Марш домой!

Весень и Надира пошли прочь, постоянно оглядываясь. Баронесса и проверяющий подхватили Лану под руки и для виду повели по направлению к дому лекаря, но остановились, стоило воспитанникам скрыться из поля зрения.

— Вы как? — торопливо и обеспокоенно спросила Лукреция. — Идем к лекарю?

— Как тебе в голову пришло под такой личиной драться? — недоумевал Чингис. — В тебя пальцем ткни — мокрое место останется.

— Не гудите, — отмахнулся Вольга, — голова и так кругом. Мне бы в свое тело вернуться, сразу легче станет.

— Вы рискуете остаться посреди города в девичьем платье, — напомнила баронесса, которая уже успела поднатореть в логике своих перевоплощений.

— А на вас под мороком все еще моя одежда? Давайте сейчас быстренько поменяемся!

— Не вижу здесь ни места для переодевания, ни необходимости в нем, — отрезала баронесса, которую не прельщала перспектива оказаться голой на морозе, да еще и посреди города. — Я, конечно, сочувствую вашей травме, но это не дает вам права на подобные прихоти. Лучше давайте отведем вас домой.

— Действительно, Вольга, — неожиданно поддержал аристократку Чингис. — Неужели мы, два здоровых... ну, почти здоровых волшебника будем заставлять даму мерзнуть на морозе? Ты лучше взгляни, что мы изъяли на мельнице! Леди Лукреция, продемонстрируйте!

Лукреция мрачно показала мешок и в нескольких красочных фразах описала, что произошло. Когда она закончила, Чингис заговорщически прошептал на ухо другу:

— Мне бы в жизни не пришло в голову создавать этих слонов. Она у вас либо гениальная, либо больная.

— И не такая уж глухая, как вам кажется, — заметила баронесса, сразу вернувшись к делу. — Вольга, каким образом вы возите муку с мельницы, как она могла оказаться в зачарованном мешке из хранилища?

Воспитатель юных волшебников схватил мешок маленькими ручками и стал задумчиво щупать. Судя по тому, что он не задал ни единого вопроса, принцип работы артефакта был понятен и так.

— Кто-то из ребят отвозит на мельницу мешок пшеницы или ржи, а на другой день забирает молотую муку.

— Я так поняла, что вчера это сделали Белоника с Морошкой. Не могли же они отвезти зерно в уже зачарованном мешке?

— Не могли — граница бы их не пропустила.

— Значит, мешок меняли уже на мельнице. Хочу заметить, что тут нужна приличная сила, и некоторые из ваших воспитанников просто не в состоянии сделать этого... в одиночку.

— Значит, можем исключить только Морошку, Нину, Буреслава и Надиру — остальным это более-менее под силу.

— Повторяю: если только это не сделали двое.

— Так-так-так, вы мне объясните, что происходит? — напомнил о своем существовании Чингис.

— А ты сдашь меня совету? — прищурился Вольга.

— Если у меня будет вариант, то нет. Но у вас все равно уже не осталось выбора, я слишком много видел и слышал, — усмехнулся Чингис.

— У меня нет выбора, но есть воспитанница, которая вполне может сварить супчик забвения. Леди Лукреция не даст соврать.

Пожилая дама покачала головой, как делала, когда ее внуки ссорились.

— Если он действительно ваш друг, он нам еще пригодится.

— И начну пригождаться прямо сейчас, — с энтузиазмом воскликнул проверяющий, видимо утраившись местными супов. — Морозить пожилых леди мы ни в коем случае не будем. Но одежду я тебе и так добуду — у нас же есть волшебный мешок!

— И что?

— Ну, он же удваивает все, что в него ни положишь. Бросим внутрь мою одежду, добудем тебе обновку.

— Боюсь, мне будете тесновато в плечах, — проворчал Вольга тоненьким голоском Ланы и повел худенькими плечиками.

— Чингис, раздеться вместо меня, конечно, очень благородно, — заявила Лукреция. — Но разве честно обирать горожан? Как вы сами сказали, мешок одежду из воздуха не соткет.

Проверяющий не устыдился.

— Да вы одежду пощупайте! Чувствуете, какой материал? Какой покрой! Так что ближайший похожий костюм лежит в моей комнате в доме на Калиновой улице. От себя отрываю!

— Ладно-ладно, не кипятись. — Вольга попытался успокаивающе положить руку другу на плечо, но с трудом достал. — Лучше раздевайся.

— А какой благодарный был ребенок, — по-стариковски проворчал Чингис. — Ладно, но я стесняюсь при даме. Давай мешок, переоденусь за углом.

— Держи, — протянула артефакт ненастоящая Лана.

— Поверьте, меня сложно смутить, а вас уж тем более, переодевайтесь здесь, — внезапно сказала баронесса.

— Я так неотразим, что даже ваша строгая леди не устояла. — Проверяющий подмигнул другу и направился к ближайшей подворотне.

— Что на вас нашло? — удивился Вольга.

— Внезапное озарение, — ответила Лукреция, но дальше объяснять не стала. Ее тонкие губы сжались почти что в ниточку. Поэтому наниматель не стал приставать к баронессе с дальнейшими расспросами, всерьез опасаясь, что неудовольствие строгой дамы вызвано именно его поведением.

Чингис вернулся довольно быстро, победоносно потрясая ворохом одежды, в том числе и еще одними валенками. Он вручил все Вольге со словами:

— Переодевайся и перевоплощайся уже, а то смотреть на тебя тошно.

— Я мигом!

— Давай хоть кистень подержу. Что ты в него вцепился как в Посох Всемогущества?

— Подержи. — Счастливый Вольга, сверкнув льняным подолом платья, скрылся все в той же подворотне.

Проверяющий с баронессой остались одни. Волшебник оглядел свою спутницу с хитрым прищуром, пожилая дама ответила стальным взглядом.

— Вы ведь уже начали меня в чем-то подозревать? — неожиданно серьезно и совершенно спокойно спросил Чингис, переключая внимание на доставшееся ему оружие. — Вот только жаль, что прозорливость чаще всего приходит вместе со старостью и бессилием. Поэтому на сем хочу откланяться. Передавайте мои наилучшие пожелания Вольге.

С этими словами волшебник неожиданно взмыл в воздух над Лукрецией. Пожилая дама несколько не удивилась, а лишь поудобнее перехватила свою трость и с совсем неаристократическим гиком метнула ее вслед возносящемуся в небо обманщику. Снаряд полетел славно и на удивление метко. На гиканье из-за угла своей импровизированной гардеробной выглянул Вольга, успевший натянуть только штаны. Это был идеальный момент, чтобы увидеть, как металлический набалдашник трости прямо на лету ударил его друга в затылок, после чего тот с приличной высоты сверзился прямо в пышный сугроб.

— Что вы творите?! — закричал баронессе полуголый волшебник, но тут же смущенно умолк, потому что при падении шуба Чингиса распахнулась, явив миру миниатюрную коллекцию волшебных артефактов: мешок, палку-поисковик, красный клубок и кистень.

— Иногда прозорливость, — поучительным тоном сказала Лукреция, поставив свой новехонький валенок прямо на грудь человеку, его добывшему, и не испытывая при этом никаких угрызений совести, — приходит чуть раньше, чем старость и бессилие.

Глава 18

ИСКАТЕЛИ АРТЕФАКТОВ

Волшебники катались в снежной мешанине, нещадно наминая друг другу бока. Баронесса стояла неподалеку, опираясь на подобранную в сугробе трость, и безмятежно наблюдала за дракой. Наконец только по одной ей ведомым признакам решив, что с обоих достаточно, она соизволила вмешаться.

— Вольга, если вы вознамерились убить вашего так называемого друга, я очень не советую этого делать. Его сомнительная личность нам еще пригодится.

Мужчины продолжали барахтаться в снегу и размахивать кулаками, не обращая никакого внимания на Лукрецию. Каждая их реплика прерывалась тяжелым дыханием или очередным тумаком.

— Чтоб я... еще... раз тебе... поверил...

— Да что тебе... жалко, что ли? И так... вещи пропадают... одной больше... одной меньше...

Баронесса вздохнула и поудобнее перехватила трость, которая в ее умелых руках служила не хуже, чем какая-нибудь волшебная палочка-выручалочка. Болезненный тычок острым металлическим концом достался Чингису, Вольгу же пожилая дама снисходительно ухватила за ухо, чтобы обуреваемый праведным гневом волшебник не вздумал воспользоваться неожиданно приобретенным преимуществом.

— Хватит! — скомандовала как отрезала аристократка. — Вольга, не думаете же вы, что во всех ваших бедах виноват господин поддельный проверяющий? Он лишь с изобретательностью крысы тащит то, что успеваает подобрать.

— Попрошу без оскорблений, — простонал согнувшийся пополам Чингис.

Лукреция проигнорировала реплику, но еще немного докрутила ухо своего нанимателя, который, судя по всему, немного уступал ей в самоконтроле, ибо снова бросился в атаку.

— Вольга, нас разыграли, причем не в самое удачное время, только и всего.

— Только и всего? Только и всего?!

— Только и всего.

— Я доверял ему!

— Ну, значит, теперь не будете, — рассудительно сказала пожилая дама — она уже давно не доверяла никому. — Я бы с радостью поделила ваш гнев, если бы не была уверена, что этот мошенник нам нужен.

— Полегче с эпитетами! — возмутился Чингис, упорно продолжая строить из себя невинную жертву.

— Встали, оба, и привели себя в порядок! Вольга, оденьтесь, а то простудитесь! — приказала Лукреция, отпуская ухо одного волшебника и предупредительно направляя трость в сторону другого. — И чтобы без сюрпризов! Второй раз буду бить серьезно!

— А это что тогда было, ласковый подзатыльник? — проворчал Чингис, поднимаясь и потирая голову, которая, как и живот, уже успела познакомиться с воспитательными методами баронессы.

Оба драчуна, и без того пострадавшие еще до начала стычки, теперь всклокоченные, в порванной грязной одежде, покрытые ссадинами и кровоподтеками, выглядели хуже любого уличного забияки. Лукреция предусмотрительно встала между мужчинами, пока те отряхивались, бросая убийственные взгляды друг на друга, и начала методично нанизывать события прошедших дней на острый стержень своей логики.

— Чингис, вы, помнится, обмолвились, что ночью на подлете к городу заметили воронку

смерча?

— Да кто бы ее не заметил? Тут и летать не надо!

— И, кажется, это были единственные правдивые слова, которые мы от вас услышали за прошедший день.

— Я попрошу...

Снежок, впопыхах слепленный Вольгой, угодил оскорбленному мошеннику прямо в лицо и рассыпался белым крошевом, не нанеся особых повреждений ничему, кроме его гордости.

«Как дети малые», — подумала про себя Лукреция, а вслух перешла к армейской лексике и более психологическому подходу.

— Отставить! — прикрикнула пожилая дама, занесла трость... а потом, внезапно охнув, схватилась рукой за сердце и стала оседать в снег.

Вольга тут же отбросил второй снежок, слепленный до плотности камня, Чингис закрыл рот, готовящийся исторгнуть очередную партию возмущенных слов, — оба волшебника кинулись к баронессе, поддержали под руки, не дали упасть.

— Кольнуло что-то, — слабо и смиренно пожаловалась аристократка, оттолкнула обоих и, воспользовавшись возникшим замешательством, продолжила гнуть свою линию: — Заметив смерч, вы догадались о природе его происхождения. Не удивлюсь даже, если точно узнали артефакт, ставший причиной природного катаклизма.

— Да кто ж его не узнает? Перстень Радогаста — одна из волшебных легенд!

— Вот именно. Поэтому, сообразив, что такой мощный артефакт неспроста оказался вне стен дома, да еще в чьих-то неумелых руках, вы решили разведать обстановку, для чего и явились на Калиновую улицу под видом проверяющего. Так?

— Ну так, — с гордостью, не соответствующей моменту, усмехнулся Чингис. — Не думал, что мне так легко поверят. Баек с десятков заготовил, а не понадобились!

— Обрадовался я за тебя, дурака, — с горечью сказал Вольга, надевая через голову рубаху. — Думал, наконец за ум взялся.

— Может, и взялся... Да как удержаться, когда такая возможность?

— Очень просто удержаться! Вспомнить, кто теперь хозяин дома и на кого падут все шишки!

— Погодите, — вмешалась баронесса, ибо тон разговора снова начал набирать высоту, — я что-то пропустила?

— Думаете, почему я выстроил такой во всех планах замечательный барьер вокруг дома? Да потому что благодаря одному мелкому воришке знал наперечет все каверзы, которые могут устроить дети. — Вольга кивнул в сторону своего заклятого друга. — Мы познакомились еще подростками, когда вместе находились тут на воспитании. И не проходило недели, чтобы Чингис не пытался стянуть что-то из хранилища. Его ловили, возвращали украденное, наказывали, но все повторялось вновь и вновь... И закончилось только тогда, когда его отпустили из дома. С тех пор, как мне казалось, он начал честную жизнь.

— Вот! Вот! — радостно заголосил главный герой этой познавательной истории. — А теперь представь, что я получил последний шанс осуществить детскую мечту. Представь! Да вернул бы я тебе твоё барахло через недельку-другую! Тут же главное идея, сама возможность, понимаете?

Баронесса и воспитатель смотрели на идейного вора скептически — оба не верили в его чисто теоретические изыскания.

— Слушайте, я мог слинять с мешком еще на мельнице, но вместо этого отправился

спасать друга!

— Ну спасибо, спас так спас! И попутно обчистил меня и моих воспитанников. И все это только по дружбе, я так понимаю?

— А что вы рты разеваете? Ты чему их учишь? К чему готовишь? У вас в доме всего один человек, знакомый с реальностью, и та временно!

— Пусть остается как приманка, — решила баронесса (человек, не просто знакомый с реальностью, но еще и умеющий ее укрощать). — Кто бы ни был злоумышленником, в присутствии проверяющего он начнет запускать артефакты и когда-нибудь себя выдаст.

— А кто поручится, что сам подставной проверяющий не вытащит что-нибудь из хранилища?

— Порукой ваш волшебный талант. Мы же с вами проверяли барьер. Кто бы и каким способом ни протаскивал через него предметы, Чингису этот способ неизвестен. Так что, Вольга, учитесь уже использовать людей, особенно тех, кто собирался подкинуть вам свинью.

— Ничего, что я присутствую при вашем разговоре, — снова вмешался предмет обсуждения, — и могу не согласиться?

— Вольга, — только и произнесла Лукреция тем тоном, которым тренированной собаке дают команду «фас».

— Если ты не останешься, я сообщу совету о том, что ты пытался сделать, — мрачно проговорил воспитатель волшебников, следуя предложенной аристократкой доктрине. — Несколько лет без возможности пользоваться волшебством пойдут тебе на пользу.

— Не-э-эт! — картинно простонал Чингис, прикладывая руку ко лбу. — И это при том, что ты отлично знаешь, как я ненавижу ходить пешком! Уволь старую интриганку, она научит тебя плохому!

Трость «преподавательницы плохого» тут же прошла по хребтине великого трагика.

— Ладно-ладно, — поднял руки поддельный проверяющий, показывая, что прекращает паясничать. — Я и сам хотел остаться. Мне же теперь покоя не будет, пока не узнаю, как кто-то из ваших паршивцев эти вещи выносит! Сам не додумался, так хоть у других подсматривать.

— А теперь, может, все же дойдем до лекаря? — предложила Лукреция, пока двое ее спутников не успели разрушить с таким трудом восстановленный мир, и махнула рукой в сторону нужного домика. — Вид у вас обоих, конечно, боевой, но не очень презентабельный. Я бы вам добром ни одну вещь не отдала, хоть волшебную, хоть нет, а уж горожане и подавно.

Вольга мельком взглянул в указанном направлении, хотел доблестно отказаться, дескать, само заживет, а затем взглянул еще раз... и застыл.

— Идем к лекарю, — с неожиданной решимостью сказал волшебник.

— Разнежился ты, одомашнился, — фыркнул Чингис, уворачиваясь от трости аристократки, норовящей ткнуть его в бок за недозволенные речи.

— Разнежишься тут с вами... Ты на колокольчик над дверью посмотри.

Чингис уставился на указанный предмет и стал светлеть лицом.

— Ну чертяка! Ну умелец! Как думаешь, сам к двери прикручивал?

— Вряд ли, — ответил Вольга. — Хозяин бы заметил.

— О чем вы? — потребовала посвятить ее в суть обсуждения Лукреция.

— Очередной артефакт. — Вольга кивнул, указывая на колокольчик.

- Очевидно, его создатель очень не любил незваных гостей, — добавил Чингис.
- И что он делает?
- Оглушает любого невнимательного волшебника, который в него позвонит.
- Какая-то бессмысленная вещь, — пробормотала Лукреция.
- Это еще почему? — чуть ли не хором, с обидой спросили кудесники.
- Если незваный гость пришел с дурными намерениями, звонить в колокольчик он точно не будет.
- А-а-а, ну для совсем уж незваных гостей можно поставить ставни, перекусывающие человека пополам, — пояснил Чингис. — Что? Что вы на меня так смотрите? Сам видел — сам испытывал.
- Удивительно, что при этом ты до сих пор целый, а не в двух частях, — ядовито сказал Вольга.
- Чудак-человек, а еще воспитателем назвался, — попенял ему приятель, открывая калитку во двор дома и проскальзывая в нее вперед своих спутников. — Говорю же тебе, не воруя я ради наживы. Только из интереса. Меня сам хозяин позвал, чтоб эти ставни проверить, а то другие проверяльщики отказывались.
- И что? — с неожиданно детским любопытством спросила пожилая дама, благодарно кивнув Вольге, придерживавшему для нее створку.
- Да что-что, оказалось, пощечки их в нежном местечке под петлями — и путь свободен! — продолжал бравировать хвостун.
- Все трое поднялись на крыльцо и столпились прямо под артефактом.
- Раз он оглушает волшебников, давайте тогда его попробую снять я, — предложила баронесса.
- Нет! — Вольга поспешно отстранил руку Лукреции от колокольчика. — Не трогайте, мало ли чего...
- Мало ли чего — это чего? — спросил Чингис и тут же, не дожидаясь ответа, перешел к другому животрепещущему вопросу: — Кто тогда снимать будет?
- Что вы тут снимать собрались?! — Дверь дома резко распахнулась. На пороге стоял суровый, как утро после праздника, лекарь. Его обличающему взору предстала дивная картина: двое мужчин и одна старуха, подняв головы вверх, как замороженные смотрели на его самый обыкновенный дверной колокольчик. — Самогонки на Солнцевороте перебрали, что ли? А ну, пошли с крыльца...
- Лекарь осекся, узнав пожилую даму, которая буквально вчера заходила с вежливой и очень разумной просьбой одолжить волшебникам медицинские книги. Да и не похожа она была на пьяную, вот двое потрепанных мужиков рядом с ней — да. Хотя при ближайшем рассмотрении один из потрепанных оказался небезызвестным хозяином дома на Калиновой улице.
- Лекарь решил немного сбавить тон, совсем чуточку.
- Чем обязан?
- Добрый день, — приветствовала его баронесса, окутывая себя облаком светских манер. — Наше внимание привлек ваш дверной колокольчик. Не подскажете, откуда он у вас? Как мне показалось, при вчерашнем моем визите его еще не было. Кстати, еще раз спасибо за книги. Молодой человек, о котором мы с вами говорили, кажется, уже начал познавать глубины собственного невежества.
- Не за что, — немного растерялся лекарь. — Пройдете в дом?
- Благодарю. Если вас не затруднит, осмотрите моих спутников. За обычную плату,

конечно. Они немного увлеклись, улаживая некоторые взаимные разногласия.

Вольге с Чингисом оставалось только благоразумно молчать, слушая это густое красноречие, и наблюдать за работой профессионала. Как примерные дети, вслед за аристократкой они послушно вошли в жилище лекаря, не забыв обстучать валенки о порог.

Домик был чисто выметен и выскоблен, но другие следы наличия в нем хозяйки отсутствовали.

— Так откуда у вас колокольчик? — напомнила свой вопрос баронесса.

Лекарь заметно смутился.

— Так я думал, это от вас подарок... за книги. Вечером кто-то на крыльце коробку оставил, постучал, а сам ушел. Я на вас и подумал.

Лукреция неожиданно расхохоталась, задорно и заразительно, так что мужчины и сами заулыбались помимо воли, разрушая несколько скованную атмосферу.

— Ну куда ж мне с моей клюкой бегать? — веселилась баронесса. — Да и подарок у меня для вас будет совсем другой и немного позднее.

— Да нет, конечно же не вы лично, — тоже заулыбался лекарь. — Я думал, вы мальчонку какого прислали.

— А видели этого мальчонку? — посерьезнела пожилая дама.

— Да нет, говорю же, не видел. Постучали и убежали. Это я уже предположил, что мальчонка, шустрый больно — за минуту до калитки добежал, и нет его.

Баронесса и Вольга многозначительно переглянулись.

— Кто бы это ни был, а цель одна — Весень. Только он среди волшебников мог собраться к лекарю, — резюмировала баронесса, когда они покинули домик.

— Ну а как же мы? — Подлатанный и обработанный всевозможными вонючими мазями Вольга шел с коробкой, в которой немелодично позвякивал колокольчик.

— Даже самый прозорливый ум не мог предположить, что вы на этой улице соберетесь бить друг другу лица.

— Морды, — поправил иностранку Чингис.

— Вам виднее, — не стала перечить Лукреция.

— Ну что, домой? — с надеждой спросил фиктивный проверяющий, который с утра уже успел порядком нагуляться.

— Куда там, — усмехнулся Вольга. — Маловато артефактов мы пока выловили, наверняка еще есть.

Лукреция молча подала ему палку-поисковик. Все волшебные предметы были предусмотрительно изъяты у Чингиса и разделены между аристократкой и ее нанимателем.

— Давайте мне, я уже знаю, как с этим управляться, — протянул руку за артефактом обойденный доверием хитрец, но тут же получил от Вольги по пальцам. — Ай! Вы что теперь, меня все время бить будете?

— Не все время, а только за дело, — деловито ответил воспитатель, обменивая у Лукреции коробку с колокольчиком на палку-копалку.

Поиски снова оказались недолгими: артефакт вывел их на перекресток трех дорог, а дальше стал клониться куда-то к земле на обочине, словно вдруг вознамерившись

соответствовать своему первоначальному предназначению — искать воду.

— Наверное, там что-то закопано, — предположил Чингис и удостоился мрачных взглядов своих спутников, которые конечно же догадались об этом и без него.

— Что будем делать? Не копать же руками, — задумчиво проговорил Вольга.

— Копайте волшебством, — в свою очередь подсказала Лукреция.

— Если использовать волшебство, артефакт может и сработать.

Баронесса огляделась в поисках решения и наткнулась взглядом на окно дома напротив перекрестка, через стекло которого на них с интересом смотрела очень чистенькая и очень ветхая старушка.

— Тогда идемте у людей лопату попросим, — предложила пожилая дама.

— Чур, я не копаю, — тут же открестился Чингис.

— Тогда буду копать я, — решила пококетничать Лукреция. — Посмотрим, насколько у вас обоих гибкая совесть.

Дверь в дом открылась уже после второго стука — хозяйка видела их в окно и, видимо, ждала на пороге.

— Доброго здоровьица, бабушка! — жизнерадостно пропел Вольга, рассчитывая на свое природное обаяние.

Чингис тоже улыбался во все тридцать два белоснежных зуба. Баронесса на этот раз старалась держаться чуть поодаль.

— Да какая я тебе бабушка, бесстыжий! — неожиданно отвесила хозяйка. И если бы не хитрый прищур старческих глаз, гости решили бы, что им не рады.

— И то верно. Матушка? — попытался зайти с другой стороны северянин. — Тетушка, ладушка, красавица?

— Ах ты, черт лебезучий! Змей ползучий! А ну, не таракти!

Вольга растерянно замолк.

Бабка игриво подбоченилась, поправила узел ярко-голубого платка под подбородком.

— Так похорошела, что не узнал? И как на свадьбе моей с женкой гуляли, чай, не помнишь?

То ли Лукреции показалось, то ли Вольга сбился с дыхания и немного посерел, затем взгляделся в выцветшие от времени глаза бабки.

— Любава? — боязливо сказал он.

— Она самая.

— Да сколько лет-то уже прошло?

— Почитай, не меньше семи десятков! — жизнерадостно объявила старушка.

— А тебе-то сколь?

— Ну, стал быть, девяносто. Не узнал, вот паршивец! То-то я смотрю, по городу все ходит и даже не здороваётся. Высоко взлетел да загордился.

— Не узнал, — покаялся Вольга.

— А за какой надобностью тогда явился?

— За лопатой, — вдруг снова рассмеялся волшебник.

Бабка засмеялась вместе с ним.

— Волшба волшбой, а без лопаты никуда?

Получив заветный инструмент и хлебосольное предложение отобедать, маленький поисковый отряд вновь направился к перекрестку. Вольга, клятвенно пообещавший старушке вернуть инвентарь в целости и сохранности, собственноручно взялся за черенок лопаты и копал осторожно, боясь случайно повредить зарытый в землю артефакт.

Наконец глазам старателей предстало нечто обернутое в светлую тряпицу.

— Вот паразит, полотенце из кухни еще стащил, — пробормотал себе под нос Вольга, осторожно выколупывая сверток из земли и понося вороватость неизвестного воспитанника.

В развернутом полотенце оказалось самое обычное веретено.

— И чем оно нам грозит? — осведомилась Лукреция, единственная из присутствующих не разбиравшаяся в артефактах.

Волшебники почему-то задумались. Позабыв на время о вражде, воспитатель даже протянул веретено Чингису, чтобы тот тоже мог его потрогать.

— Сбивает с пути? — предположил мошенник.

— Путаает дороги, — высказал свою версию Вольга.

— Поэтому и на перекрестке? — полюбопытствовала баронесса. — Насколько оно опасно?

— Да не очень, — ответил ей наниматель. — Тут город, а не лес. Чтобы пропасть, сбившись с дороги, надо сильно постараться.

— Тогда оставляем, — решила Лукреция.

— Что? — не понял Чингис.

— Оставляем в качестве приманки, а Вольгина знакомая старушка как раз за ним и приглядит из своего окошка.

— Вольга! — вдруг возбужденно воскликнул Чингис.

— Что?

— Твой поисковик...

Все посмотрели на артефакт: палка-копалка, безответственно брошенная на обочине дороги, совершенно очевидно пыталась ползти и указывала на одно из направлений развилки.

Воспитатель волшебников абсолютно непедagogично выругался и, всучив веретено баронессе, подобрал палку. Та завибрировала в его руках, будто только и ждала этого прикосновения.

— Вот черт! — Вольга выглядел уже не просто обеспокоенным, но серьезно испуганным. — Что же там такое мощное, что поисковик так реагирует?

— Что бы там ни было, оно движется сюда, — подлил масла в огонь Чингис. — Еще несколько минут назад такого не было. Ждем или идем навстречу?

— Ждем, но в случае чего будь готов унести отсюда баронессу.

Лукреция нисколько не возражала против такого вольного распоряжения собственной судьбой. Уж если волшебники чего-то испугались, то не ей с этим чем-то тягаться.

После праздника улицы были безлюдны, что еще больше нагнетало ужас ожидания. Все трое напряженно вглядывались в том направлении, куда указывал поисковик. Прошло несколько минут, прежде чем на дороге появились три небольших силуэта... Причем два из них явно передвигались на четырех конечностях.

Чингис, как самый глазастый из компании, первый выдохнул с облегчением.

Вольга заухмылялся вслед за ним.

Лукреции понадобилось еще несколько секунд, чтобы понять, в чем дело.

По дороге, щеголяя летним платьем и посверкивая босыми ногами, шла Нина. По обеим сторонам чуть впереди нее трусили два серых волка, припавшие чуткими носами к утопанному снегу. На плече у девочки-дикарки был увесистый кулек, который она с видимым усилием придерживала одной рукой.

Завидев взрослых, юная волшебница что-то сказала волкам, и те подняли хищные морды, поглядели на оторопевшую троицу дикими желтыми глазами.

— Они же у тебя ручные, да? — Опасения снова слышались в голосе Чингиса.

— Волки? — не понял Вольга.

— Дети, — пояснил мошенник.

— Не всегда, — со знанием дела ответила за своего нанимателя баронесса.

Тем временем Нина подошла совсем близко, тяжело сбросила кулек со спины прямо под ноги воспитателю, тряхнула длинными спутанными волосами.

— Этого хватит? — спокойно спросила девочка.

Волки бесстрастными глазами наблюдали, как Вольга склоняется к подношению, развязывает концы того, что наверняка являлось скатертью, и начинает извлекать поочередно на свет круглую чашу, гвоздь, подкову, пояс, пару сапог, браслет, огниво и еще много всякой мелочовки.

— Как ты все это нашла? — удивился воспитатель. — Ты же не приходила ко мне за поисковиком.

— Волшебство пахнет, — коротко бросила Нина и кивнула на своих мохнатых спутников. — Они чуют след. И вас почуяли.

Вольга посмотрел на палку-копалку в своей руке, баронесса — на веретено.

— И как же тебе удалось договориться с горожанами, чтобы забрать все эти вещи?

Вопрос был резонный: девочка не отличалась красноречием и любовью к людям.

— Они сами отдали, — с некоторым раздражением от общей непонятливости взрослых ответила юная волшебница, сверкнув зелеными глазами.

— Конечно, отдали, — поддержал Чингис. — Попробуй не отдать, когда к тебе подходят в компании двух волков. Ты бы еще с тиграми пришла!

— С тиграми? — заинтересованно спросила Нина.

— Что, не видела никогда? — Волшебник улыбнулся, потер руки, и рядом с ним стал вырисовываться воздушный тигр грозной фиолетовой окраски. — Вот!

Тигр беззвучно рыкнул и выгнулся, как гигантский кот.

Кудесница глядела на него оценивающе, с каким-то недетским удовлетворением.

— Кис-кис! — вдруг сказала она и поманила ветряное создание к себе. — Пойдем со мной.

Тигр послушно подошел, ткнулся мордой девочке в плечо, потерся шерстью, а затем, будто по безмолвному соглашению, оба развернулись в направлении Калиновой улицы.

Баронесса и Вольга с уважением покосились на Чингиса: воссоздать в таких подробностях движения грозного хищника — это настоящее мастерство. Вот только волшебник не глядел гордым творцом.

— Она уводит моего тигра, — как-то жалобно и растерянно сказал он.

— Это же воздушный тигр, — резонно возразила Лукреция. — Не жадничайте, сами же сказали, что через час развеется.

— Она украла моего волшебного тигра! Вместе с моим волшебством! Он меня не слушается! — Чингис обвел спутников дикими глазами и вдруг припустил вслед за Ниной и большой грозовой кошкой. — Стой! Верни тигра! Он мой! Да стой же, тебе говорят!

— Как она это сделала? — с улыбкой поинтересовалась баронесса.

— Понятия не имею, — пожал плечами ухмыляющийся во весь рот Вольга, вид вора, у которого что-то украли, грел ему душу.

Глава 19

ВОЛШЕБНЫЙ ВЕЧЕР

После наполненного событиями дня вечер в доме на Калиновой улице казался тих и чудо как хорош. Лукреции даже жаль стало тратить такую атмосферу на поддельного проверяющего. Другое дело, был бы здесь проверяющий подлинный: дом непременно блеснул бы уютом, налаженным бытом, гостеприимством обитателей и конечно же волшебством. Дабы не растрачивались такие драгоценности зря, баронесса впитывала все самолично, хотя в душе признавала, что достойна этого не более, чем Чингис под своей личиной.

В столовой уже потрескивал, похрумкивал дровами небольшой камин — это несколько минут назад зашел непривычно молчаливый Ратко, сгрузил наколотую, пахнущую сухим деревом ношу и развел огонь от буквально разгоревшегося на кончиках пальцев пламени. Погруженный в себя, за день будто осунувшийся богатырь вызывал у Лукреции сочувствие и смутное ощущение грядущей беды.

На выходе из комнаты Ратко столкнулся с Белоникой, прижимавшей к груди вышитую скатерть. Девушка фыркнула и высоко вскинула голову, но гигант будто и не заметил, чем еще сильнее рассердил красавицу.

Баронесса наблюдала и изучала обстановку, неспешно, как опытный врач, проводила диагностику, прежде чем приступить к решительным действиям и достать наконец из саквояжа свой метафорический скальпель.

Снизу из кухни поднялся удивленный и восхищенный Ждан, на вытянутой руке держа полу своей льняной рубахи, чтобы продемонстрировать всем присутствующим пару основательно прожженных дырок.

— Я ей говорю: давай с печкой помогу! А мне: не трожь, она чужих не любит! Она! Это печка-то! Что вам, девкам, нужно? И захочешь лыцарем заделаться, ан не дадут!

— Что, на втором уголке «лыцарь» твой кончился? — насмешливо спросила Надира, которая по одной ей понятной прихоти села поближе к Лукреции.

— Так стреляет прицельней, чем из пушки! Она, верно, не только для пирогов делалась, а в случае чего и от ворогов оборонит!

— Зашить? — спросила Белоника, оправляя углы скатерти, по которым нитяной вязью вились словно застывшие с лета васильки.

— Вот еще! Что я, безрукий? Сам зашью! Это ты Буреславу предлагай! — Ждан тут же полез в верхнее отделение какого-то комодика производить ревизию содержимого, и на лице Белки можно было прочесть, что ей проще было зашить самой, чем наблюдать за хаосом, этой ревизией порождаемым.

— Да что вы, в самом деле? — обиженно загнусавил Буреслав, греющийся у камина, как старый дед. — Чуть что, сразу я? Что я вам сделал?

— Вот именно, что ничего не сделал, — наставительно ответил Ждан, выживая наконец из недр сопротивляющегося комодика мешочек со швейными принадлежностями. — Ни к какому делу не приставлен, ни к какой работе не приучен.

— А что, Лель приставлен, он приучен? Сидит вон книжку читает!

Лель поднял удивленные голубые глаза от книги, в которую заглядывал через плечо Весеня.

— И-и-и, нашел с кем сравнивать! Лелю и делать ничего не надо, он того... и для красоты в горнице сгодится.

— Я тебе дам для красоты, — пригрозил предмет обсуждения. — Летом сено сам заготавливать будешь!

— А с тебя какая красота? — не моргнув глазом продолжал Ждан, уже вдвев нитку в

иглоку и примериваясь к подолу пострадавшей рубахи. — Разве что в огороде поставить супротив ворон, да и то... за своего примут.

Буреслав порозовел и насупил лохматые брови, которые, казалось, на десяток лет были старше его самого.

— Ну ты скажи мне, что делать, — я сделаю.

— Эк повернул, скажи ему! — продолжал разошедшийся борец с дармоедами, залихватски накладывая косые стежки прямо на прожженное место. — Что я тебе, батька? Иль хозяин какой? Ты брови-то сам приподыми и глаза разуй! Вот ты ужинать сегодня собрался? Собрался. А пойти посуду принести?

— Так то — бабское занятие! — возмутился Буреслав и окинул взглядом комнату в поисках поддержки.

— Бабское! Девочки, вы слышали? Что-то я тебя сегодня на колке дров и в конюшне тоже не видел! Может, ты двор от снега расчистил? Ой, нет, извини, тоже не ты. А ну напомни, у тебя волшебство какое?

— Перемещения... Знаешь же, чего спрашиваешь?

— Так вот и перемещай! Посуду — снизу наверх, заодно и потренируешься.

— И перемещу, чего ты на меня взелся? — угрюмо, на одной ноте пробурчал Буреслав, поднялся с места и направился к лестнице в кухню.

— Вот правду говорят: кто на себе пришивает, тот ум себе зашивает, — сказала Белоника, строго глядя на Ждана. — Ты зачем его подначиваешь? Иди лучше рубаху перемени да нормальную заплату поставь, а то учитель нашелся.

— Будет сделано! — вскинул руку с иглой вихрастый и просвистел к выходу.

Баронесса потянула носом воздух вслед за ним и слегка приподняла правую бровь, но ничего не сказала.

Разминувшись со Жданом на полминуты, в столовую вошли Вольга с Чингисом. Оба в самом хорошем расположении духа, увлеченные какой-то незамысловатой беседой, которая на треть состояла из вопросов «а ты помнишь?», словно оба волшебника по прошествии многих десятков лет сомневались в состоятельности памяти друг друга.

Луcreция прищурилась — уж слишком хорошо играют перед такой неприятительной публикой. Глядя на этих двоих, только умудренный житейским опытом, постигший все тайны и извилины мужской дружбы мудрец мог догадаться, что следы побоев на лицах волшебников не следствие встречи с некоей вражеской силой, а отпечаток восстановленного доверия.

Дети воззрились на воспитателя и проверяющего как на невиданных зверей, мало кто видел их бесславное возвращение из города. Чингис, словно потерявшийся щенок, прибежал к дому вслед за Ниной и потом еще долго аукал в зимнем лесу, пытаясь отобрать у девчонки частичку своего, неведомо как украденного, волшебства. Вольга ради конспирации привел домой Лану и под встревоженные вопросы Надиры водворил ее в комнату наверху, предупредив, что лекарь предписал полный покой. Естественно, девочка-загадка вовсе не думала следовать предписаниям. Едва дверь в ее комнату закрылась, она распахнула окно и, перемахнув через подоконник, сиганула в сугроб, отряхнулась, оглянулась, достала из кармана зеркальце и, обернувшись благородной старушкой, во второй раз зашла в дом.

Едва завидев входящих в столовую волшебников, Весень подскочил будто ужаленный, очевидно собираясь врачевать их до полного восстановления физиономий.

— Не надо, — шикарным жестом поднял руку Чингис. — Это боевые раны, они должны заживать сами.

— Все-то им игрушки, — фыркнула Надира. Не скоро Вольге удастся заслужить прощение воспитанницы за то, что не явился на помощь в опасный момент.

От ненужных вопросов и еще менее нужных претензий вечер спасла куница, проскользнувшая в открытую дверь. Зверь гордо протрусил мимо застывших на полуздохе волшебников и торжественно возложил к ногам своей хозяйки придушенную, но все еще трепыхавшуюся мышь.

— Вас теперь можно будет находить по следу издохлых мышей, — всхлипнул Чингис, глядя на вытянувшееся лицо аристократки.

— Это точно, — поддержал Вольга. — Леди Лукреция, вам не кажется, что вокруг вас подозрительно много мышей? Боюсь спросить, какой зверь изображен на гербе вашего рода!

Баронесса вежливо улыбнулась шутке, не желая раскрывать тот факт, что острота почти попала в цель.

Куница издала требовательную трель, призывавшую людей не отвлекаться на праздные разговоры, а восхищаться принесенной добычей.

— Молодец, Фенечка, — похвалила Лукреция, втайне надеясь, что признание заслуг для зверя будет ценнее, чем немедленное употребление подарка в пищу. — Кушай сам, я не голодная.

В этот момент оказалось, что Ждан в новой одежке уже давно спустился в столовую и наблюдает за происходящим глазами, полными прыгающих чертенят.

— Морош, на баронессу можешь не готовить! — радостно закричал он в сторону кухни, потрясая прожженной рубахой, которую из упрямства притащил с собой обратно. — Ее уже попотчевали! Да посвежее нашего!

— Вот именно, экономия, — поддакнул Вольга, усаживаясь вместе с Чингисом на лавку в противоположном конце комнаты.

— А ну, пойдись сюда, — поманила Ждана пальчиком баронесса. — Что-то ты больно разошелся.

Ждан послушно подошел, пропустив мимо себя стремящуюся к выходу куницу.

— Подыши-ка на нас, мой ясный, — еще ласковее попросила аристократка.

Парень умилился и подул, да так, что у сидевшей рядом Надиры глаза заслезились.

— Мельник угостил? — проницательно спросила Лукреция.

— Да угостил, понимаете ли, такая собака, — взмахнул руками Ждан.

— Тихе-тише, — схватила его за локоть пожилая дама. — Ты лучше здесь, рядом со мной, посиди и отдохни.

— Давай я тебе рубаху сама зашью, — ухватилась с другой стороны Надира.

— И перед проверяющим не мельтеши, — строго наставляла Лукреция. — Хватит уже, навыступался сегодня.

Надира же с шитьем не спешила, она пристально рассматривала баронессу. Черные зрачки девушки были подобны двум темным безднам, обещающим страшные кары, если вдруг вздумается кому-то пойти против их хозяйки. Пожилая дама отвечала спокойным, благодушным взглядом — уж как на нее только не смотрели за всю ее жизнь. Были умельцы, способные душу вынуть из человека одним только прищуром, и не этой девочке с ними тягаться, будь она хоть сто раз волшебница.

— Спрашивайте меня, — вдруг ни с того ни с сего сказала Надира.

— Что спрашивать? — чуть замешкавшись, притворно удивилась Лукреция.

— И меня, и меня спрашивайте... — попробовал вклиниться Ждан, но узкая темная ладонь закрыла ему рот и вернула на место.

— Что хотите. Что надо, то и спрашивайте.

— С чего такая честь? — Баронесса глядела на огонь в камине и с профессиональным спокойствием делала вид, что ничего необычного не происходит.

— А с того, что я, может быть, еще и не взрослая, но уже не дура, понимаю... — Надира низко-низко склонилась над шитьем и больше не сверлила собеседницу черными глазами. — Волшебные вещи в городе, проверяющий этот. Да еще девочка сегодня при нем пострадала. Не хочу я, чтобы Вольгу отсюда убрали, — без него будет не так.

— Не так, — согласилась Лукреция.

С виду беспечный и безалаберный, Вольга на поверку оказался из того сорта людей, что формируют вокруг себя особенную атмосферу, казалось бы не прилагая к этому особых усилий.

В этот момент в столовой вдруг появилась Нина. К неподдельному удивлению баронессы, фиолетовый грозовой тигр все еще был при ней. Девочка прошлепала напрямик к камину и уселась на пол, по-хозяйски положив руку на загривок своей необыкновенной кошки. Рядом тут же возник Чингис, стал говорить что-то убедительным тоном. Иногда Нина мотала головой в знак отрицания, и тогда проверяющий начинал говорить еще убедительнее и еще более проникновенно, черпая терпение из доселе не исследованных внутренних резервов.

— А Нина тоже думает, как ты? — неожиданно догадалась Лукреция.

— Конечно. Стала бы она собирать артефакты? А отвлекать проверяющего на эту дурацкую тигру? Без Вольги Нине житья здесь не будет, — высказала давно обдуманную мысль Надира.

— Точно, — всхрипнул Ждан, голова которого уже начала дремотно клониться на грудь.

— Ну что ж, — сказала баронесса, удовлетворенная тем, что девочки наконец признали ее присутствие в доме необходимым. Был у интриганки один вопрос, но раньше она не могла придумать, кому и как его задать. — Почему Белоника злится на Ратко?

Надира подняла голову от штопки и осуждающе посмотрела на аристократку, будто та из горы предложенных ей драгоценных сведений догадалась выбрать фальшивую стекляшку.

— Так он с городскими девчонками все гуляет, — пожалала хрупкими плечами девушка.

— Никогда бы не заподозрила, что Белонике интересен Ратко, — деликатно сказала Лукреция и удостоилась взгляда, который говорил, что юная волшебница начинает сомневаться в своем решении поделиться домашними секретами.

— Она не за Ратко переживает, ему-то что, а за девчонок этих.

— Почему?

— С ее мамкой тоже вот так кто-то погулял, а потом не женился. Белка полдетства впроголодь провела, белье за копейки в богатых домах стирала. Как мамка померла, так в батрачки подалась. Олег забрал ее оттуда худющей замарашкой.

Лукреции было не до сочувствия, она что-то спешно прикидывала и примеряла в уме. Вот почему Белоника так тянется к красивым и дорогим вещам, вот откуда пощечина во время Солнцеворота... Но в то же время перед баронессой открылась область доселе не изведанная и халатно не обдуманная: у всех этих детей где-то были родители. И впрямь глупо было полагать, что Вольга насобирав своих воспитанников в лесу. Ну, пожалуй, всех, кроме Нины.

— А что с родителями других? — поспешила восполнить непростительный пробел теряющая хватку интриганка.

— У Морошки десять братьев и сестер, — начала методично перечислять Надира. — Родители с радостью отдали ее на воспитание Олегу, не дожидаясь, пока подрастет. Но

не забывают, иногда сами приезжают, но чаще она к ним. У Ждана с Ниной тоже вроде как нормальная семья, вот только когда Олег поехал за Жданом, их односельчане чуть бунт не подняли, чтоб он и сестричку с собой прихватил, а то, дескать, без старшего брата совсем в лесу распояшется. Ратко, того, наоборот, отец с братьями едва ли с боем не отдавали. Все поверить не могли, что их надежда и опора, первый парень на деревне — и вдруг волшебник. Он чуть амбар им не спалил, тогда только выпустили. Буреслав у нас единственный знатного рода: третий сын боярина, правда ни к воинским занятиям, ни к наукам неспособный. Думал боярин, хоть волшебник из него выйдет, но и тут пока не сложилось.

Словно в подтверждение этих слов снизу раздался грохот падающей посуды и возмущенный голос Морошки:

— Ты как люди — бери руками и неси! Кто тебя надоумил с тарелками перемещаться?

Тут, видимо, последовал злорадный ответ Буреслава, потому что Ягодка вещала, уже адресуясь наверх, в столовую:

— Ждан, ты с такими советами будешь ужинать на конюшне вместе с лошадьми!

Истинный виновник происшествия мирно подремывал между баронессой и Надирой.

Лукреция в который раз задумалась: мог ли Вольга взять в дом обычного мальчишку, если тот, как теперь выяснилось, был боярским сыном?

— А остальные? — подтолкнула пожилая дама остановившуюся рассказчицу.

— Весень путешествовал вместе с бродячим цирком и родителей своих не помнит...

— А ты?

— А меня ата легко сюда отпустил: замуж волшебницу не выдашь, калым не возьмешь. Только сказал не возвращаться, обратно не примет.

— Лель? — поспешила назвать последнее оставшееся имя Лукреция.

Смуглые щеки загрузившей девушки вдруг окрасились румянцем.

— Не знаю. Он о себе ничего никому не рассказывает.

Тихой, одетой в меховую зимнюю шубу кошкой кралась ночь под окнами дома на Калиновой улице, встряхивала шкурой, трогала тяжелые еловые лапы, засыпала дорожки легкими крупинками снега. Уже закончен ужин, унесена посуда, но не все обитатели спешили расходиться по комнатам: пахло чаем и воспоминаниями о лете, кто-то склонился над книжкой, кто-то над вышивкой или починкой пришедших в негодность вещей. Перед камином расчесывала золотой поток влажных волос Белоника. Широкий гребень в ее руках с ленивой грацией ходил вниз и вверх. Напевала что-то грустное Надира, у нее был глубокий красивый голос и недетская печаль в словах. Лукреция прикрыла отяжелевшие веки, но все равно посматривала на ребят из-под ресниц, будто выжидала чего-то.

— Баронесса, а вы были красивой? — вдруг спросил Ждан, видно, сохранились еще в его долговязом организме какие-то спиртные пары, не перебитые плотным ужином.

— А какое это имеет значение? — подняла брови Лукреция, не понимая, почему всех так интересует этот вопрос.

— Большое, — мрачно подвела итог Надира, косясь на Белонику, которая одним только видом своих прекрасных волос притягивала к себе все мужские и мальчишеские взгляды в столовой.

— Абсолютно никакого, — отрезала пожилая леди. — Красавица — это движение, поступь и поворот головы, взгляд, взмах рукой, а уж потом внешность. Мужчин очень легко обвести вокруг пальца.

— Хотите сказать, что если я буду вести себя так же, как она... — Надира указала на соперницу.

— То все будут обращать внимание на тебя, а не на нее, — закончила баронесса.

— Почему?

— Просто потому, что твоя внешность более необычна для этих краев. — Лукреция замялась, подбирая слова, которые допустимо было бы вложить в уши молодой девушке, потом плюнула на эту затею. — А мужчины в любой стране питают склонность к экзотике. Хотят владеть тем, чего нет у других.

— Это как купить арабского скакуна? — спросил Ждан, меряющий все ценности в мире в животном эквиваленте.

— Только ты можешь сравнивать женщин и лошадей, — срезала его Надира.

Баронесса усмехнулась.

— О, моя дорогая, скоро ты поймешь, что подавляющее большинство не видит тут разницы.

Надира задумчиво переложив черные косы с одного плеча на другое, скосила темный глаз на Леля, проверяя реакцию. Не только не заметив никакого интереса, но и обнаружив, что объект, для которого предназначалось представление, встал и вышел из комнаты, девушка надулась и с обидой посмотрела на Лукрецию. Той было уже не до обучения молодых девиц тонкостям кокетства — настал ее черед ловить представившийся шанс.

Баронесса поднялась со своего места и, пожелав всем спокойной ночи, вышла из столовой. Для пожилых леди время позднее, а вот более молодая Лана вполне могла еще погулять по дому.

Я смотрела в зеркало и благодарилась судьбу за то, что память моя не была ни старческой, ни девичьей, а то бы мучилась сейчас, пытаюсь мысленно воссоздать, какую сторону моего тонкого личика Вольга умудрился подставить под удар здорового головного мозга. А так, предусмотрительно купив у лекаря запас пахучей мази для заживления ран (якобы с намерением благородно мазать ею своих воинственных спутников), я обеспечила себе защиту от подозрений в способности к скоростной регенерации тканей. Зеленая плотная субстанция прекрасно легла на левую сторону моей скулы и щеки — наличие или, в моем случае, полное отсутствие под ней ссадин было незаметно. Главное, не даваться в руки Весеню.

Я, не таясь, вышла из комнаты баронессы. Что я там делала? Конечно же зашла попросить мазь! Пусть кто-нибудь, глядя на зеленые разводы на моем лице, попробует в этом усомниться.

Отсчитав три двери от своей, я остановилась и впервые с момента своего приезда задумалась об одном очень странном обстоятельстве: по всему выходило, что площадь второго этажа дома была чуть ли не в два раза больше площади первого. Иначе как бы тут нашлось по комнате для воспитателя, каждого воспитанника, да еще двух гостей? Снаружи на этот архитектурный казус не намекала ни одна деталь. Что там Вольга говорил о волшебстве Белоники? Волшебство пространства и формы? Нет, не так — пространства и материи.

Четвертая дверь должна была вести в комнату Леля. Я деликатно постучалась. Никакого ответа. Пришлось подать голос, хотя меньше всего мне хотелось, чтобы кто-то застал Лану скребушейся в дверь к «принцу крови».

— Лель! — Кричать шепотом абсолютно бессмысленно, но толика тяги к бессмысленному есть в любом человеке.

— Нет его, — сказал позади меня совершенно другой голос.

Одна здоровенная рука зажала мне рот, вторая перехватила поперек талии и втащила в соседнюю дверь. Я попыталась брыкаться, но момент, чтобы вырваться, был уже потерян, оставалось только успокоиться и ждать следующего.

Ратко (а это был именно он, больше никому) перенес меня в свою комнату и сгрузил на широкое, жесткое, с деревянными подлокотниками кресло. Вот тут я могла бы неожиданно пнуть его под коленную чашечку, но снова упустила момент, так и не успев принять решение — вырваться или смотреть, что будет дальше.

Непривычно хмурый богатырь наклонился надо мной, придавливая мои ладони к подлокотникам кресла. Кисти рук вдруг обожгло ледяным холодом, я попыталась их отдернуть, вытащить, но мускулы, насмерть примороженные к дереву, почему-то не слушались. Вот и все — теперь даже хитрый удар в коленную чашечку не спасет.

— Я буду кричать, — пообещала я, стараясь поймать взгляд Ратко, но великан не смотрел в глаза.

— Кричи, если сможешь, — сказал он и положил ладонь мне на горло, но, вопреки всем ожиданиям, не для того, чтобы задушить. Я снова почувствовала резкий укол холода.

— Что ты делаешь? — Неожиданно мой голос стал скрежещущим и хриплым, как будто после только что перенесенной ангины.

— Выполняю Олегово задание. — Ратко отнял руку от моего горла и впервые посмотрел в глаза. Но это был уже не взгляд веселого парня, перебрасывающегося шутками с девушками на речке, поселилось в нем нечто темное и решительное. — Мне очень нужно уйти из этого дома... Меня ждут... Тебе придется признаться, кто ты, чтобы я снял заклятие.

— Это против правил, — прохрипела я.

— Будет против правил, если ты расскажешь Вольге, но ты ведь не расскажешь? — Гигант направил на меня указательный палец. — Не расскажешь?!

— Что мне помешает? — отважилась я.

— Благоразумие. — На кончике пальца, поднесенного совсем близко к моему лицу, вспыхнул язычок пламени. — Кто ты такая? Каков твой настоящий облик?

— Не скажу.

Лицо Ратко стало страшным в отблесках танцующего света. Его указательный палец подвинулся еще ближе, так что я вынуждена была откинуться на спинку кресла — от руки волшебника шел самый настоящий жар, как от внезапно вспыхнувшего огня.

— Подумай, — прорычал мой похититель, и пламя заплясало в опасной близости от моих глаз.

Глава 20

КНЯЖИЧ

— Жги, — прохрипела я и зажмурилась.

Жар приблизился к моему лицу, а затем вдруг отступил.

Я осторожно открыла глаза. Опыт опытом, но, когда твоя храбрость основывается на портрете, составленном за пару дней весьма поверхностного знакомства, риск ощущается в непередаваемых оттенках.

Ратко сидел на полу напротив меня, опустил лицо в огромные ладони, и едва заметно раскачивался.

— Не станешь жечь? — на всякий случай спросила я.

Он отнял руки от лица: взгляд волшебника больше не казался ни угрожающим, ни темным. Я вдруг увидела растерянного юношу, который прятался в этом большом и сильном теле, прежде не позволявшем мне рассматривать Ратко как ребенка, которому может потребоваться моя или чья-то еще помощь.

— Прости, прости, прости... — начал быстро наговаривать великан. — Я не знаю, что на меня нашло... Это все неправильно...

Он встал и в одно прикосновение освободил мои кисти от сковывавшего их холода. Я потрясла руками, проверяя, не потеряли ли конечности подвижность.

— Что у тебя случилось? — прохрипела я, задавая вопрос, ответ на который уже знала, затем поморщилась и указала на свое горло.

— Прости, — снова пробормотал Ратко, коснулся моей шеи, но через секунду помотал головой. — Прости, с этим теперь только к Весеню.

Ну конечно, ломать не строить!

— Тогда прекращай извиняться и наслаждайся звуками. — Будь мой облик хоть на пять лет старше, в хрипотцу можно было бы добавить чувственности и вышло бы славно, а так оставалось только давить на жалость. — Так что там у тебя стряслось?

Богатырь посмотрел на меня растерянно, на секунду позабыв о самобичевании.

— Разве ты не должна сейчас пойти и пожаловаться Олегу?

— Что должна, а что нет, это я и без тебя решу. Рассказывай, — уже потребовала я.

— Нельзя мне здесь больше оставаться... Нюта замуж за другого собралась. — Ратко снова закрыл лицо руками.

— Это та девушка, которую я видела с тобой на Солнцевороте?

Богатырь опустил руки и горестно кивнул.

— Любишь ее?

Снова кивок.

— Что угодно для нее сделаю, лишь бы моя была! — с неожиданной страстью и горячностью воскликнул парень.

Вот тебе и ветреный гуляка! В который раз убеждаюсь, что слухи и наговоры надо просеивать через мелкое сито.

— Тогда почему не расскажешь Олегу и не уйдешь из этого дома?

Богатырь начал смеяться, и я на секунду испугалась, что этот смех перерастет в истерику.

— Ты до сих пор так и не поняла? Мы не можем просто так уйти отсюда! Все, кто сюда попал, останутся до тех пор, пока не отпустит Олег.

— Так я и говорю, расскажи ему, — действительно не поняла я.

— Не отпустит, — покачал головой Ратко.

— Но почему?

— Я здесь давно, и он выпускает только тех, кто точно знает, что будет делать со своим волшебством. А я не знаю. — Волшебник снова посмотрел на меня извиняющимся взором. — Я только сейчас понял: даже если бы ты мне рассказала, кто ты, мне бы не помогло. Вся эта проверка только предлог, чтобы посмотреть, как мы себя поведем.

Да, надо признать, в сообразительности ему не откажешь... а Вольге в коварстве.

— Как так не знаешь? — удивилась я. — С огнем и холодом можно столько всего сотворить!

— Ну на что я гожусь? Лед на речке топить? Даже палач или пыточных дел мастер из меня не выйдет!

— А рану прижечь? А смерч?

— Рану можно и каленым железом прижечь, да и смерчи не каждый день над городом пролетают, — вздохнул волшебник.

За дверью кто-то заскребся, и мы с Ратко замолчали и переглянулись.

— Пойду посмотрю, — поднялся с места богатырь.

Стоило ему приоткрыть дверь, как в щель юркой меховой молнией проскользнула куница, взбежала по ноге волшебника и вонзила зубы ему в голень.

Я вскочила на ноги и кинулась на помощь, не сразу сообразив даже, кого буду спасать.

Ратко выругался и замахнулся рукой на агрессивного зверя, уже явно вознамерившегося лезть дальше. Одного удара великана хватило бы, чтобы куница оставила свои выкрутасы и продолжила существование в этом мире прекрасным и дружелюбным меховым воротником.

— Феня, фу! — Я схватила бесстрашное создание за шкуру и оторвала от Ратко.

Зверек повис в моих руках, как нашкодивший кот, и что-то запищал.

— Что на него нашло? — Волшебник потирал укушенную ногу.

— Не знаю. Отнесу баронессе. Жди. Никуда не уходи, — погрозила я пальцем великану, и тот неуверенно улыбнулся в ответ.

Стоило мне закрыть дверь в комнату Ратко, как куница заверещала и стала ко мне ластиться. На всякий случай я сделала несколько шагов по направлению к собственной комнате, затем скептически посмотрела на Феню и, сама не веря, что произношу это, спросила:

— Ты меня спасать, что ли, примчался?

Куница запищала.

— Поздновато... Еще бы немного — и быть бы тебе куницей-поводырем, — я сама содрогнулась от того, как это прозвучало, а Феня заверещал пуще прежнего. — Давай так: я тебя отпускаю, но ходить хвостом ты можешь только за баронессой. Когда я в этом облике, разрешаю быть поблизости, но не слишком близко. Ясно?

Зверек пискнул. Не знаю, что это было — согласие, возражение или слишком разыгравшаяся фантазия пожилого человека, но, когда я опустила куницу на пол, она отбежала от меня на некоторое расстояние и обернулась, словно спрашивая, будет ли

этого довольно.

Чувствуя себя сумасшедшей, я кивнула. Стыдно признаться, но, похоже, Феня понимал меня гораздо лучше, чем я его. Надо непременно поговорить по поводу этого со Жданом. Было что-то пугающее в том, как порождение его волшебства относилось ко мне.

Я вернулась в комнату Ратко. Открыла дверь без стука и вошла решительным шагом. Волшебник сидел на кресле и, закатав штанину, рассматривал следы от укуса.

— Она не бешеная?

— Это ты у Ждана с баронессой спроси, бешеная или нет, — отмахнулась я.

— А ты почему не боишься?

— Я вообще мало чего боюсь.

— Заметил уже, — горько усмехнулся неудачливый похититель.

— Я тебе помогу, — без всяких предисловий заявила я. — Вернее, найду способ, как тебе помочь.

— Ты?

«Ну а почему бы и нет?» — подумала я. Иногда мне приходилось браться и за бесплатные задания, из личной симпатии или в порядке благотворительности. Тем более внутреннее чутье подсказывало, что у этой проблемы было решение, может быть, не совсем легкое и безболезненное, но парень же сказал, что готов на все... Вот и посмотрим.

— Да, я. Ты только проследи, чтобы твоя зазноба в ближайшие дни замуж не выскочила или еще какой глупости не сотворила. А с остальным разберусь.

— Призвание мне найдешь или побег организуешь? — откровенно потешался Ратко.

— Побег — только в крайнем случае, — серьезно заявила я.

Волшебник недоверчиво усмехнулся.

— Больно шустра! А от меня что еще потребуется?

— Небольшая услуга в ответ, — ответила я, следуя внезапному наитию.

— Лель! — Ратко постучался в соседнюю дверь. — Выйди на секунду.

Стоило только двери приоткрыться, богатырь бесцеремонно схватил меня за шкуру, толкнул в комнату друга и, пока тот не опомнился, послал вслед интригующее напутствие:

— Только ты, малая, с ним полегче. Он у нас парень скромный.

На этой восхитительной фразе дверь за моей спиной закрылась.

«Скромный парень» быстро убрал руки с вышивки на моей рубахе, под которой должна быть грудь. То, что ее там практически не было, не отменяло неловкости ситуации.

— Я просто инстинктивно поднял ладони, — неуклюже попытался оправдаться Лель, будто я не имела возможности лично наблюдать за ходом событий, предшествовавших сему казусу.

— Оправдывайся... — протянула я, скрещивая руки в защитном жесте. Не то чтобы меня смутило происшествие, но для девочки-подростка больше подходил именно этот ответ.

— Что у тебя с голосом? — удивился волшебник.

— Дрожит от смущения, — огрызнулась я. Надо было, наверное, сначала идти к Весеню

лечиться. У целителя на сегодня образовалась целая очередь из пациентов: сначала Вольга с Чингисом, сейчас вот наверняка Ратко еще со своим укусом пойдет, а потом я.

— Э-э-э... — протянул парень, будто вовсе не он, а кто-то другой строил из себя томного красавца.

— Простудилась, — на ходу начала выдумывать я, — когда ты меня из хоровода вытащил и в снегу искупал.

Лель попятился.

Я наступала, чувствуя, что поймала азарт за хвост, и не собираясь его отпустить.

— Неужто так понравилась?

— Не ты, твоя личина, — был неожиданный ответ. Оказывается, этот юноша умел сбивать гонор с оппонентов не хуже некоей излишне самоуверенной пожилой дамы.

— Что? — на секунду опешила я, заподозрив, что наш с Вольгой обман был раскрыт.

— Личина или иллюзия там на тебе, не знаю, но она здорово держится, — немного восхищенным, немного извиняющимся топом сказал Лель.

— И что ты хотел сделать?

— Изучить тебя. — Волшебник наконец-то опустил руки, но вместе с тем отвел и потупил взгляд. — Ты же видела?

Я кивнула:

— Кажется, да.

— Моя иллюзия не выдерживает прикосновения. А твоя личина выдерживает все.

«Потому что ее создал твой наставник», — подумала про себя я, а вслух сказала другое:

— Ты у Олега спрашивал, как сделать так, чтобы твоя иллюзия держалась?

— Он считает, что мне вообще не нужно никакой иллюзии. — Лель оперся спиной о стену, и я восприняла это как знак, что и мне пора искать местечко поудобнее: разговор обещал быть долгим.

Я заприметила уютное кресло в углу и под удивленным взглядом хозяина оккупировала самую выгодную позицию в комнате.

— Ты что делаешь? — Голубые глаза Леля стали огромными.

— Готовлюсь слушать твой рассказ, — не стесняясь, призналась я.

— Но я не собираюсь тебе ничего рассказывать!

— Значит, изучать ты меня собираешься, а рассказывать мне о причине такого изучения — нет? Странная сделка...

Интересно, как в таком случае он планировал уговаривать меня раскрыть свои секреты — тоже силой? Какое такое опасное волшебство припасено в рукаве у «северного принца»? Или молодые люди в этом доме вообще ничего не планируют?

Лель замялся. Потом произнес:

— Ты меня не боишься? Я тебе не противен?

Я фыркнула; когда-нибудь и он поймет, что самое страшное и противное у человека не снаружи. Вот Ратко недавно — да, испугал... немножко.

— Ты меня больше напугал тем, что вытащил из хоровода. А потом все так неожиданно... Покажешь свое лицо?

— Нет!

Лель вскрикнул так резко и внезапно, что я поневоле вздрогнула.

— Ты его вообще кому-то показывал? Ратко, Весеню?

— Нет.

— Зря. Твой друг — целитель, может быть, сможет помочь.

— Чем тут поможешь?

Я пожала плечами.

— Вам, волшебникам, лучше знать. Ты давно эту иллюзию носишь? Что у тебя с лицом?

— Если я не стану отвечать на твои вопросы, ты не станешь отвечать на мои?

— Ты такой сообразительный, — протянула я, хотела добавить «для красивого парня», но вовремя прикусила язык. — Располагайся, я готова слушать.

Мой широкий жест, охвативший всю комнату, явно насмешил Леля: кроме кресла, которое я заняла, сесть было больше некуда. Волшебник пристроился на край собственной кровати и посмотрел на меня уже более расслабленно и с хитринкой.

— Прав был Ждан, ты слишком наглая.

Я улыбнулась и дала фразе зависнуть в воздухе, словно неожиданному комплименту, а затем перешла прямо к делу.

— Ты рассказывать будешь или я пошла?

Лель глубоко вздохнул.

Его история была похожа на сказку, может быть, потому, что он рассказывал ее девочке, а может быть, так рассказывали ему самому. Но мне показалось, что где-то я ее уже слышала, только с другим концом.

В некотором царстве-государстве жил-был князь, и больше всего на свете желал он рождения сына и наследника. Поэтому, когда жена объявила ему, что ждет ребенка, правитель обрадовался и возблагодарил всех богов. Вот только в решающий час предали его изменчивые боги: решили погубить и мать и ребенка. Почти сутки не могла разродиться княгиня. Никакие лекари и врачи не помогали.

Послал тогда несчастный князь за простой бабкой-повитухой, что жила в лесу в его владениях, но к людям выходила редко. Пришла на зов бабка. Что делала она с роженицей, никто доподлинно не знает, только вынесла вскоре из княгининой горницы мальчика, и было прекрасное его личико обезображено с одной стороны. Разгневался князь, закричал, ногами затопал: «Ты что сделала, старая ведьма, с моим сыном и наследником? А ну как прикажу сейчас тебя на воротах за теремом повесить!»

Не испугалась повитуха: «Напрасно хулу возводишь, князь. Красоту твоего сына я сторговала на три жизни». Сказала и снова скрылась в горнице, а когда вышла, был у нее на руках второй младенец, ровненький да гладенький, не в пример прежнему. Так получил князь вместо одного желанного сына двух.

Мальчики были бы похожи как две капли воды, не обезобразь повитуха лицо первого из них. Этот первый по обычаям своего рода и должен был стать наследником князя, дали ему имя Лель. Второго нарекли Ледом. Но чем больше подрастали сыновья, тем больше хмурился князь, тем чаще слышал за спиной шепотки: «Негоже калеке править!.. А старший княжич-то не иначе оборотень»...

На этом сказка для Леля заканчивалась и начиналась быть.

— Очень рано я почувствовал, что ко мне относятся не так, как к брату: отводят глаза, стараются не смотреть. Я и сам стал все чаще поворачиваться к людям только одной стороной лица. А Лед рос как ни в чем не бывало, на радость родителям, обучался

верховой езде, ратному делу и везде сопровождал отца. Я же старался как можно меньше показываться людям на глаза, предпочитал прятаться в своих комнатах и учебном классе. Частенько рассматривал собственное лицо в зеркале, гадал, как бы все вышло, будь та повитуха более умелой или аккуратной. И в один прекрасный день после такого любования обнаружил, что дворня вдруг стала мне улыбаться, а отец внезапно поманил рукой, подозвал к себе: «Лед, поди сюда! Ты чего такой хмурый, не заболел ли?» Я тогда подумал, что он просто имена перепутал, редко меня звал. Но потом понял, что путает не только он. При первом удобном случае я вернулся к зеркалу и не поверил своим глазам: оттуда на меня смотрело гладкое, ровное лицо, очень похожее на лицо брата, но я-то видел разницу — это было мое лицо. Стоило мне коснуться левой стороны, как наваждение прошло. Снова была изуродованная кожа, смещенные кости и мышцы. Я убрал руку, и на меня опять посмотрело целое лицо. С тех пор я частенько стал притворяться братом, пока внимательная челядь не донесла об этом отцу. Я не был достаточно осторожен, поэтому некоторые слуги видели нас с братом одновременно в разных местах. За спиной меня стали называть оборотнем, чудовищем. И отец сделал вид, что уступил настроениям подданных — или, скорее, собственным желаниям — вызвал Олега, чтобы тот забрал меня.

— И что Олег? — Я не стала удивляться рассказу, хотя Лель, наверное, этого ждал.

— Сказал, что мне не нужно больше носить личину.

— Но ты все равно носишь.

Волшебник пожал плечами.

— Ну и дурак, — разочарованно бросила я.

— Зато ты больно умная, — разозлился Лель.

— Олег легко может создать личину, которая тебе так нужна. А знаешь, почему не делает этого? Чтобы ты, дурак, начал наконец жить собственной жизнью, а не жизнью брата! Знал бы, что окажешься таким трусом, посоветовал бы князю сослать тебя в какой-нибудь дальний скит, да и дело с концом!

Лель вскочил с кровати и сжал кулаки, но я того и добивалась. Жестокость тоже инструмент — действенный и острый.

— Это я-то трус?! А ну посмотри! Как с этим жить?! Смотри и не отворачивайся! — Он коснулся своего лица, и иллюзия распалась так резко, будто и не было ее никогда.

— И посмотрю! — Я тоже встала, уставилась ему в глаза, которые, что с иллюзией, что без, оставались редкого сине-голубого цвета. Рассматривать обезображенную часть лица мне не хотелось, не потому, что это было неприятно, а потому, что так сделали бы те, кто считает шрамы уродством. — Только все равно ты трус! Легко показаться тому, кто тебя уже видел и кто наверняка скоро исчезнет из твоей жизни. А ты попробуй показаться тем, кто будет жить с тобой в одном доме, каждому встречному на улице и каждому новому знакомому!

— Зачем мне это? — Лель вглядывался в мое лицо, пытаясь высмотреть какие-то намеки на ужас или отвращение, что-то из тех чувств, с которыми я от неожиданности не совладала в первый раз.

— Ты еще не понял? Затем, что иначе ты проведешь в этом доме всю жизнь. Даже выполни ты сто таких заданий, как мое, Олег тебя не отпустит, пока не прекратишь прятаться за своим волшебством, пока ты без него никто!

Я постучала в дверь Ратко. Богатырь открыл практически сразу — видно, не спалось после всех происшествий.

— А, стрекоза... Поговорили? — подмигнул он мне.

— Ты можешь собрать всех в столовой? — сразу перешла к делу я. — Лель хочет кое-что сказать.

— Так быстро сговорились? — притворно удивился волшебник, немного повеселевший после того, как смог поделиться с кем-то своей бедой. — Может, и до свадьбы недалеко?

Я ткнула насмешника в бок и чуть не сломала палец.

— Так можешь или нет? — Ратко даже примерно не представлял себе, до чего мы с Лелем договорились, вернее доругались.

— Да могу, конечно. Если кто уже и спит, из любопытства все равно спустится. Не намекнешь?

Я покачала головой.

— Ну и ладно, принцесса интриг. Только к Весеню сама зайди, а то я когда тебя слышу, у меня на сердце все равно что та куница скребет. Вылечит, я договорился.

— Вот спасибо, благодетель, — издевательски поклонилась я.

— Лихо ты нас всех обрабатываешь, — вдруг сказал Ратко.

— Что?

Обрабатываю я их, видите ли. За мою обработку люди деньги платят, а этим юнцам ценные услуги достались даром — в комплекте, так сказать, — и то ерничают.

— Ничего. Беги давай. Олега с Чингисом тоже звать?

— Ни в коем случае. — Мне было очевидно, что взрослые в таком деле только помешают.

Весень тоже еще не спал; открыл дверь, пропустил меня внутрь.

— Как голова? — первым делом спросил он и потянулся руками к моей скуле, покрытой зеленой мазью.

— Все хорошо. Не трогай — испачкаешься, — проскрипела я, уклонилась и подняла подбородок. — Я из-за горла.

— Как вы так с Ратко умудрились? — подозрительно спросил волшебник.

— Дурное дело нехитрое. Зато он теперь властелин не только холода и огня, но еще ангины, бронхита и воспаления легких.

Целитель нахмурился, не оценив шутки, и с явным удовлетворением положил мне руку на горло.

— Я больше не буду, — хрипло пообещала я.

Неожиданно уголок бледных узких губ Весеня слегка приподнялся вверх — это была даже не тень улыбки, а только намек на ее возможность.

— Молчи уж, — без былой неприязни посоветовал парень.

И я замолчала, ощущая, как приятное тепло разливается по моему горлу и словно бы начинает покалывать. Когда покалывание прошло, целитель удовлетворенно кивнул и на всякий случай взял меня за запястье. Я уже успела привыкнуть к этому жесту, понимая, что так юный волшебник оценивает состояние человека.

Брови Весеня снова начали сходиться на переносице, обозначая какую-то трагическую и в то же время недоуменную складку.

— Можно мне тебя кое о чем спросить?

— Можно, — благосклонно разрешила я, — только давай не сейчас. Лелю нужно, чтобы ты спустился в столовую. Все уже должны были собраться.

— Для чего? — с подозрением спросил целитель.

— Вот у него и узнаешь.

В столовой, несмотря на поздний час, собрались все. Сонных лиц не было, любопытство бодрило не хуже имбирного чая. Мы с Весенем зашли последними.

— Что происходит? — строго спросила Белоника.

Я огляделась в поисках Леля, но, не обнаружив его в комнате, попятилась к двери.

— Сейчас...

Представляю, насколько сложно мальчику выйти к своим сверстникам с ошеломляющим признанием. Не хотелось бы и дальше играть на мужском самолюбии, но, очевидно, презрительный взгляд такой малявки, как я, действует куда убедительнее, чем все советы Вольги.

Высочив за дверь, я уперлась носом прямо в рубаху Леля. Похоже, «мальчик» и не думал идти на попятный — зря я назвала его трусом, дело было не в трусости или не совсем в ней.

— Довольна? — попытался пристыдить меня он.

— Очень, — призналась я, хотя в душе волновалась так, будто раскрываться перед всеми предстояло вовсе не ему.

— В их жалости будешь виновата ты.

Хитрый ход и попытка сыграть на чувстве вины.

— Это твое решение, я только подтолкнула...

Лель сердито отодвинул меня и вошел в столовую. Я поспешила следом.

То, что я была за спиной юноши, дало мне возможность увидеть остальных волшебников его глазами: повернутые вопросительные лица, недоверчивые глаза, любопытство, сомнение и прочие эмоции, в которых уже не было времени разбираться.

Я не знала, как начнет говорить Лель, какие слова подберет. Поведает ли ту же сказку или она предназначалась только для меня? Но он с мальчишеской категоричностью и поспешностью вовсе не стал ничего говорить: прикоснулся к своему лицу, убирая иллюзию, и стал ждать реакции остальных.

Глава 21

ВМЕСТЕ СИЛЬНЕЕ

По гладкой смуглой щеке Надиры катилась слезинка, ее маленькие прозрачные товарки уже давно проторили перед ней дорожки за то время, пока Лель кратко и сухо, совсем не так, как давеча, рассказывал свою историю. Юноша не смотрел куда-то вдаль, на стену или в пол, он переводил глаза, в которых читался упрямый вызов, на лица молодых волшебников.

«Ну вот — настоящий княжич! — подумала я. — Как бы не пожалел потом его отец о выборе наследника».

Не знаю, к какой реакции готовился Лель, но наверняка подготовка была впустую.

Ждан и Буреслав пораскрывали рты. В глазах всех девочек, кроме, пожалуй, Нины, стояли слезы. На лице Белоники читалась жалость. Надира замерла в безмолвном потрясении. Морошка сопереживала всей душой. Она пошевелилась первой из ребят, едва Лель закончил свой рассказ, в три прыжка оказалась рядом с ним и обхватила своими маленькими ручками.

От неожиданности парень смутился. Вся защитная надменность сбежала с него в мгновение ока, он растерянно оглянулся на меня, затем неуверенно улыбнулся и положил ладонь на голову девочки.

— А ну-ка, Ягодка, подвинься, — угрожающе пробасил Ратко. Стоило Морошке отойти в сторону, как ручищи богатыря вцепились в ворот рубахи Леля. — Это так ты с нами дружишь? Так нам доверяешь?!

При каждом слове великан все выше и выше поднимал за грудки Леля и скоро поравнялся с ним нос к носу; казалось, гнев его был много сильнее, чем потрясение от вида отталкивающей внешности друга.

— Отойди, — вмешался Весень, каким-то чудом умудряясь подвинуть внушительного Ратко своим худосочным плечом. — Дай мне его сначала осмотреть, душу вытрясем позже.

— Я думала, ты что-то интереснее скажешь, — протянула Нина, поигрывая хвостом фиолетового тигра.

Лелю неожиданно стало некогда переживать о реакции товарищей, так как от этой реакции уже надо было отбиваться.

— Подожди, не надо меня осматривать, я не вчера лицом об лед приложился, — отбивался от целителя скрытый отпрыск княжеского рода.

— Держите его! — приказал Весень, и Ратко, не скрывая удовольствия, скрутил руки друга за спиной. Морошка с хитрой миной обхватила Лелю колени — не будет же он лягать ребенка?

— Да что вы все, с ума посходили, что ли? — взывал к снисхождению невольный пациент.

Я, чтобы не затоптали, отошла от ребят подальше, уселась на скамейку и стала наблюдать, как Весень длинными пальцами задумчиво ощупывает лицо друга.

— Вот здесь надо ломать кость и хрящ, и тогда можно все обратно срastить, но что делать с мышцами и кожей — ума не приложу. Как вернуть их на место? Столько времени прошло...

Целитель отошел и задумчиво уставился на Леля так, будто тот был неодушевленным объектом.

— Дай мне посмотреть, — подошла сзади Белоники. Впервые я услышала неуверенность, прозвучавшую в ее голосе.

— Белка, и ты туда же... — простонал Лель, его едва ли не до слез смущало такое пристальное внимание, сопровождающееся вдобавок придирчивым осматриванием и ошупыванием.

— Молчи и терпи, — безжалостно ответила девушка, у нее-то слезы уже давно высохли. — Сам виноват, нечего скрытничать.

В отличие от Весеня Белоника положила одну руку на правую, целую сторону лица волшебника, а другую на левую и прикрыла глаза — не поймешь, то ли чтобы лучше чувствовать, то ли чтобы не смущать бедолагу.

— Белочка, — прошептала Морошка, отпустив колени Леля, — ты же не занимаешься волшебством живого.

— Зато Весень занимается... — Белоника открыла глаза. — Единственная вещь, которой нас когда-либо учил Олег, — что на стыке два волшебства могут гораздо больше, чем одно. Мне подчиняется материя и форма, я могу сделать так, чтобы одна сторона лица стала точной копией другой. Целительная сила Весеня сохранит ткани живыми и поможет им срастись, но...

— ...но это будет непереносимая боль. — Целитель сказал то, на что девушка не решилась. — Которую вряд ли можно выдержать, находясь в сознании.

Лель сглотнул.

— Я попробую.

— А мы не станем, — покачала головой Белоника.

— Ребята! — вклинулась я, наступая на горло внутреннему рассудительному голосу баронессы. Все лица повернулись ко мне. — Если два волшебства сильнее одного, то три должны быть сильнее двух. Морошка или Надира, наверное, могут справиться с болью.

— Ой, — пискнула Ягодка и спряталась за широкую спину Ратко. — Я такого никогда не волшбовала!

— А я сделаю, — твердо ответила Надира, выдвигаясь вперед.

Весень с Белоникой переглянулись и кивнули друг другу.

— Это опасно, вы не сможете это сделать. Я сейчас позову Олега и проверяющего! — вдруг подал голос испуганный Буреслав.

Белка отреагировала раньше прочих, резанула по предателю взглядом.

— Не сейчас! Сиди и молчи!

Мальчишка захлебнулся на полуслове, да еще вдобавок получил тумака от Ждана.

Может, он был прав? Не наделают ли глупостей по моей подсказке эти волшебники-недоучки? Я крепко зажала в руках подол собственного платья и приготовилась в случае малейшего подозрения звать Вольгу. Если с Лелем произойдет что-то нехорошее, это будет и моей виной тоже.

В оставшуюся слегка приоткрытой дверь столовой протиснулось длинное гибкое тело куницы. Зверек торжествующе оглядел присутствующих, звонко запищал и юркнул к ногам Леля.

— Если решились, то делайте сейчас, — сказал Ратко и плотнее притворил дверь, затем оглянулся в поисках чего-то, чем можно было бы ее припереть.

— Ой, не смей, тоже мне волшебник, — отодвинула его Белоника и просто провела рукой по косяку. — Пока я здесь хозяйка, никто без моего ведома не войдет.

Вот и зови теперь Вольгу. Что же я наделала?!

Я вцепилась в руку Ратко и вместе с Морошкой напряженно наблюдала за происходящим из-за его спины. Смотреть было страшно, а не смотреть невозможно. Леля уложили на лавку, над ним склонилась Надира, ласково провела рукой по щеке... но не по той, что с безупречной кожей.

«Молодец, девочка, — мысленно подбодрила я. — У всякой ли достанет столько смелости и столько нежности?»

— В глаза мне смотри и не отворачивайся, — сказала волшебница.

Глаза у девушки стали черные и бездонные, как два колодца, от таких и захочешь — взгляд не отведешь. Лель едва заметно кивнул, подчиняясь ее воле, и по столовой, срываясь с губ Надиры, поплыла незнакомая протяжная мелодия, слов в которой вроде бы и не разобрать, но я уверена, каждый понимал, о чем эта песня. Звук распространялся странно — свободно и в то же время приглушенно, будто не было вокруг тяжелых деревянных стен, а простиралась от края до края, покуда хватит глаз, широкая равнина. Слышался в напеве и шорох сухой травы, и прохладный ветер, уносящий искры от костра. Где-то между строчками фыркали кони, тихонько переговаривались люди, а над всем мотивом свободно раскинулось полуночно-синее небо с бисерной россыпью звезд.

Тело Леля расслабилось, обмякло на скамье. Да что там, я сама разжала крепко стиснутые пальцы и впервые за долгое время обнаружила, что в голове не пролетает ни одной мысли, что мозг чист и ясен, как бескрайнее небо, о котором пела Надира. У многих ребят лица разгладились, Нина, сидя перед камином, закрыла глаза и легонько покачивалась в такт убаюкивающему мотиву, фиолетовый тигр, в пушистый загрибок которого она еще секунду назад зарывалась пальцами, медленно и неотвратимо таял в воздухе.

Не прерывая песни, Надира дотронулась до Весеня и Белоники, подавая сигнал, что они могут начинать. Белка как раньше приложила обе свои ладони к лицу Леля, целитель накрыл рукой только одну, поврежденную, сторону. Стоявшая рядом со мной Морошка зажмурилась и уткнулась мне в плечо. Я бы с удовольствием сделала то же самое, но не могла себе этого позволить. Что-то внутри подсказывало: надо смотреть, даже если ничем не можешь помочь и ничего не можешь предотвратить.

Спустя некоторое время концентрация волшебства в комнате достигла такого невероятного предела, что у меня не просто волосы встали дыбом, а начала зудеть и болеть кожа. Неужели то, что здесь происходило, можно было не заметить?

Словно в ответ на мой вопрос в дверь столовой заколотили.

— Кто там? Открывайте немедленно! — Голос Вольги был серьезно обеспокоенным.

— Взламывай, — посоветовал не склонный к переговорам Чингис.

Снаружи раздался шепот быстрых, идущих внахлест слов, затем очередной рывок двери.

— Белоника! Сейчас же открывай! — Воспитатель наконец сообразил, чьему авторству принадлежит непреодолимое препятствие перед ним.

Я обеспокоенно глянула на Белку — как бы не отвлеклась ненароком от важного дела, — затем на Леля, опасаясь, что шум пробудит его от спасительного сна. Брови Надиры тревожно сошлись на переносице. Весень пару раз оглянулся через плечо на дверь.

Нет, так точно не пойдет!

Я подскочила к двери и зашептала в ответ:

— Олег, не горячись. Ничего страшного не происходит. Сейчас закончат и откроют.

— Я тебя не для этого сюда привел! Открой, пока они беды не натворили!

— Ты не хуже меня знаешь, что она не может открыть дверь, запертую волшебством, — встрял невидимый Чингис. — Давай лучше через окна или кухню.

Я приготовилась их останавливать, но тут моего плеча коснулась мягкая ткань — это неслышно подошла Белоника. Девушка вновь провела рукой по косяку, и дверь с размаху отворилась. Я лишь чудом успела отпрянуть, иначе бы обзавелась еще одним синяком на лбу, и вряд ли бы у Весеня достало сегодня сил на очередного пациента. Взрослые волшебники ворвались в комнату так, будто спешили как минимум предотвратить смертоубийство. Все ребята, немного одурманенные мелодией Надиры, повернули к ним спокойные и слегка удивленные лица. Пользуясь тем, что внимание присутствующих отвлечено, я поскорее выскользнула вон из столовой, скрылась в сенях и достала из кармана зеркальце и брошь.

— Что здесь происходит? Почему никто не спит? — строго произнесла баронесса, столь же величественная в своем будуарном платье, сколь и в повседневном. Она обвела комнату холодным взглядом и остановилась на Вольге, который пристально смотрел на опухшее, в разводах каких-то непонятных синяков лицо Леля. — Мальчики подрались?

— Нет, — неожиданно нервно бросил воспитатель, будто бы отмахиваясь от надоедливой гостьи.

Лукреция не обратила внимания на резкий ответ и величавой поступью направилась к пострадавшему.

— Неужели девочки? — лукаво спросила она, аккуратно отодвигая Вольгу и с осторожностью трогая Леля за подбородок.

На такое предположение Чингис и Ратко фыркнули в унисон, но так, чтобы не заметил хозяин дома.

Пожилая дама повернула лицо Леля в одну сторону, потом в другую.

— Тебя кто-то обидел? — спросила она.

— Никто. — Юноша попытался ухмыльнуться, но улыбка вышла кривоватой и болезненной, видно было, что даже слова даются ему с трудом. — Ночью с кровати неудачно упал. Вот друзья починили.

Те самые друзья вдруг начали неудержимо смеяться — сказывалось перенесенное напряжение, за ними следом захихикали все остальные. Дошло до того, что даже Вольга немного оттаял и ухмыльнулся немудреной юношеской браваде.

— Славно починили, — одобрила баронесса и незаметно подмигнула Весеню. — Вот теперь лицо не мальчика, но мужа. Всем быстро спать! А то расшумелись, подняли пожилую женщину с постели.

Леди Лукреция взмахнула рукавом дорогого домашнего халата с кистями и указала на выход из столовой. Вольга к тому времени уже немного поостыл и не стал возражать, что его подопечными распоряжаются столь вольно.

— Хотя постойте! — будто бы только опомнилась баронесса. — Раз уж вы все в сборе и уже перевалило за полночь...

Аристократка многозначительно указала глазами на часы с кукушкой — больше для своего нанимателя, чем для ребят.

— Я прямо сейчас объявлю, кто будет следующим проходить испытание. — Поняв, что вновь завладела всеобщим вниманием, Лукреция указала на Буреслава. — Вот этот молодой человек. А теперь идите. И не будите меня завтра раньше полудня.

Усталые дети потянулись к выходу, за ними припустила вынырнувшая из-под лавки куница. Догнав Леля, зверек вдруг ловко вскарабкался с пола по его штанине и дальше, цепляясь за рубашку, добрался до плеча. Усевшись на юноше, как на насесте, Феня вытянул мордочку и издал несколько очень странных писков, судя по всему предназначавшихся баронессе.

Пожилая дама приподняла бровь и посмотрела на Ждана, дескать, чего это он?

Вихрастый только пожал плечами. Лукреция постаралась припомнить, не обидела ли случайно животное. Но вот Лель положил дрожащую руку на шелковую спинку куницы, погладил, и баронесса отбросила эту мысль — не иначе зверь пожалел паренька.

— А где тигр? — вдруг всполошился Чингис. — Вы видели тигра?

Баронесса не спешила радовать обманщика новостью о развоплощении воздушного хищника: пусть еще немного побегает вслед за Ниной.

— Вы понимаете, что заниматься такими вещами очень опасно? — строго спросил Вольга, когда последний из его воспитанников покинул столовую.

Лукреция не собиралась занимать оборонительную позицию и оправдываться, в любой ситуации она предпочитала наступать. Припомнив насмешника Ждана, пожилая дама спросила:

— Вольга, какое у вас волшебство?

— Это не имеет отношения к делу.

— Очень даже имеет.

— Волшебство слова, но при чем...

— Так вот, я бы посоветовала вам искать и не жалеть слов для общения с вашими подопечными, и тогда вам точно не понадобятся мои услуги.

Лукреция развернулась к выходу, тем самым поставив точку в разговоре, но затем снова оглянулась, с досадой вспомнив еще один немаловажный момент.

— Утром попросите ребят разобрать те волшебные вещи, которые насобирала Нина. Наш воришка должен четко знать, на какие артефакты он больше не может рассчитывать.

Глава 22

СКРЫТЫЙ ТАЛАНТ

— Это что, сапоги-свистоплясы? — вытащил из мешка основательно потрепанную обувку Ждан.

— Seriously? — Ратко отобрал у него один сапог и, перевернув, зачем-то вдумчиво посмотрел на подошву, будто там могла быть метка мастера, говорившая о предназначении артефакта. — Да какой от них вред-то? Подумаешь, потанцевал немного...

— Это нам потанцевал да снял, — пояснила Надира. — А простому человеку — поди-ка их останови!

— О! — Вихрастый раскрыл рот и посмотрел на меня горящими глазами. — А давайте на Лане проверим!

— А давайте без давайте, — сделала шаг назад я. После столкновения с другими действующими артефактами держаться от магических вещей подальше стало одним из моих основополагающих принципов.

— Ты слышала, что старуха сказала? — протянул Буреслав противным начальственным тоном. — Сегодня день моего испытания, так что надевай.

— И не подумаю! — Я скрестила руки на груди и встала в упрямую позу. — Ты сам сначала примерь, а я решу, надевать или нет.

— Что еще за «старуха»! — взвился Ждан, пытаясь огреть хама сапогом. — Сейчас самого в этот сапог засуну!

— Давай-давай! — Ратко указал Буреславу на сапоги. — Мелкая правильно говорит, Вольга нам разрешения помыкать ею не давал.

— Подумаешь, большое дело, — проворчал мальчишка, покорно залезая в сапоги, дабы избежать неминуемой расправы. Обувка оказалась велика на несколько размеров. Буреслав притопнул каблуком, но ничего не произошло. — Вот, видите? Ничего. Снимаю.

— погоди, — коварно протянула я. — Ждан же сказал, сапоги-свистоплясы...

Ратко подмигнул мне, заложил два пальца в рот и оглушительно засвистел.

Ноги Буреслава сделали замысловатое па, а потом, несмотря на откровенное удивление собственного хозяина, пошли выстукивать по полу такую чечетку, что с полок в хранилище артефактов полетела пыль.

Я захлопала в ладоши, отбивая ритм, и ко мне с удовольствием присоединились Ждан с Ратко. Надира демонстративно поджала губы, но их уголки подрагивали, опасаясь выпустить скрытую улыбку.

— Ну все, хватит! — Буреслав с усилием притопнул каблуком об пол, и его пляска закончилась так же внезапно, как и началась.

— Еще! — закричала я, мелочно припомнив мальчишке «старуху».

— Еще! — поддержал Ждан и лукаво присвистнул.

Буреслав ойкнул и вдруг, привстав на цыпочки, сделал самый настоящий пируэт, а затем прошелся вдоль по комнате мелкими изящными шажками. Такого зрелища не выдержала даже Надира, засмеявшись вместе со всеми в голос.

— Прекратите! — кричал нам невольный танцор, уже всю колотя каблуками в пол и при этом пытаясь стащить с себя сапоги.

— Последний раз, — клятвенно пообещала я, сложила губы трубочкой и издала сложную

трель, которой когда-то давно обучилась, чтобы имитировать птичий свист. Буреслав пустился вприсядку, выкидывая такие рискованные коленца, что даже я перестала улыбаться и серьезно забеспокоилась. — Как их остановить?

Ратко подскочил к мальчишке, схватил поперек туловища и поднял в воздух, при этом несчастный все еще продолжал сучить ногами.

— Готов? Опускаю! Бей пяткой! — приказал великан.

Едва вновь коснувшись сапогом пола, Буреслав, как и было велено, ударил пяткой. Волшебная обувь остановилась, и все вздохнули с облегчением.

— Что тут происходит? — заглянувшая в дверь Белоника с неодобрением посмотрела на потное лицо недавнего танцора. — Это же надо было додуматься отдать вам на растерзание этот злосчастный мешок! Поубиваетесь ведь.

Девушка вошла в хранилище и, пододвинув себе ближайший стул, села на него с явным намерением надзирать за разбором артефактов.

Все смутились и притихли, Ждан несколько раз разочарованно вздохнул.

— Странно, — сказала Надира, рассматривая вынутую из мешка подкову, — это же совсем безопасная вещь... комаров с улицы не пускает...

— А кто тебе сказал, что Нина насобирала только вещи, вытащенные из этого дома? — усмехнулся Ждан. — Школа в городе стоит не один десяток лет, волшебники чуть ли не из-за каждого угла выглядывают, тут разными артефактами намусорено будь здоров.

— То есть ты хочешь сказать, твоя сестрица занималась откровенным грабежом? — нахмурился Ратко.

— Странно, что у дома вчера горожане с вилами не стояли, — протянула я, вспомнив до кучи еще и наши приключения на мельнице. — Терпеливые какие...

— Надо все вернуть, — веско сказала Белоника, вставая со стула и заглядывая в мешок.

— А как ты разберешь, что вернуть, что оставить? — спросил Ждан.

— Опасное оставить, безопасное — вернуть.

— И кому?

— Поисковики опять возьмем, — пожала плечами Белоника.

— Чур, я дальше не с вами, — заявил уже слегка отдышавшийся Буреслав и с гордым видом кивнул в мою сторону. — У меня на сегодня другое задание.

— И не надейся, не справишься, — ухмыльнулся Ратко. — Волшебники поспособнее тебя уже головы сломали.

— Вот посмотришь, — важно ответил мальчишка и потянул меня к выходу за рукав, — буду с воли тебе гостинцы слать.

Мне совсем не хотелось уходить — кто еще проследит за разбором артефактов? Вольга не показывался, так и проспал целое утро. Но подходящей причины остаться я так и не придумала, поэтому пришлось подниматься вслед за юным волшебником.

Наверху мы столкнулись с Лелем. Левая сторона его лица до сих пор была опухшей и синей — не понять, чем все же закончился ночной эксперимент с лечением. Но меня порадовало, что волшебник даже не подумал прикрыть иллюзией такую расписную красоту.

— Лель, если тебе все еще нужен мой секрет, то пойдем с нами, — в шутку позвала я. — Буреслав уверен, что сейчас его разгадает!

— Нет уж, теперь спасибо, — в тон мне ответил юноша. — Я, пожалуй, пока так похожу.

Я бы еще расспросила Леля про самочувствие, но Буреслав тащил меня в сени с упрямым маленького теленка, а я была сейчас не в том облике, чтобы сопротивляться.

— Одевайся, — приказал он мне, натягивая на себя толстую смешную шапку с длинными ушами, завязывающимися под подбородком. Странно, а другие волшебники шапок будто не признавали, только Белоника носила яркий красочный платок с бахромой, но и тот, наверное, больше для красоты.

— Зачем нам на улицу? — с любопытством спросила я, когда Буреслав распахнул входную дверь, из-за которой повеяло нешуточным морозцем.

— Прогуляемся немного, — загадочно ответил юный волшебник.

Ну ладно, прогуляемся так прогуляемся. Столько, сколько на этом задании, я, кажется, еще нигде не гуляла — здоровая старость мне обеспечена. Я быстренько завернулась в шубу, влезла в сапоги и поскакала вслед за Буреславом по обледеневшему крыльцу.

— Слушай, я все попросить хотела... — начала я на бегу.

— Что еще? — досадливо буркнул мальчишка.

— Покажешь мне свое волшебство?

Волшебник, стремительно шагавший по дорожке, резко остановился, и я чуть не влетела носом ему в спину.

— Это тебя Морошка подговорила, чтобы посмеяться? — Он шагнул мне навстречу с явной угрозой.

— Нет, — пискнула я. — Мне просто любопытно стало... Вот они все не правы, что над тобой смеются. Разве Вольга тебя бы сюда привел, если бы ты не был настоящим волшебником?

Грубая лесть сделала свое дело. Буреслав расслабился и вроде как даже немного застеснялся.

— Ну ладно. Только давай за забор прежде выйдем, чтобы из дома не было видно.

Я с готовностью кивнула.

Мы прошли сквозь сад и примерзшую едва не намертво калитку, которую пришлось открывать вдвоем. За забором юный волшебник несколько раз оглянулся, прежде чем остановиться.

— Подожди. — Мальчишка с серьезным видом закрыл глаза и простоял так сосредоточенно несколько минут, а когда открыл, торжественно спросил: — Видела?!

Не зная, чем тут можно поддержать и обнадежить, я лишь покачала головой.

— Ну как же! — загорячился Буреслав. — Я же сдвинулся чуть ли не на четверть вершка!

Я плохо понимала, что такое вершок, но это нисколько не мешало мне увидеть, что мальчишка никуда не сдвинулся.

— Ну я же знаю, что сдвинулся!

Я вздохнула и решила его немного подбодрить.

— А со мной вместе можешь переместиться?

— Если не забоишься...

— Да чего уж мне теперь бояться! — Я протянула ему руку.

Буреслав ухватил меня покрепче, кустистые брови на его лице заходили вверх и вниз, словно производя какую-то тонкую настройку, затем остановились, и он прикрыл веки.

— Глаза закрой.

— Ага, — откликнулась я, готовясь с серьезным видом постоять несколько минут, а потом сказать ему что-нибудь жизнеутверждающее о цели, пути и приложенных стараниях.

Действительно вроде бы ничего не происходило... вот только в какой-то момент вдоль моего позвоночника прошел подозрительный холодок, заставивший меня призадуматься.

— Видала?!

И в этот раз я конечно же тоже ничего не «видала», но кое-какие мысли у меня появились.

— А ты только себя раньше пытался переместить?

— Конечно, кого же еще?

— Почему?

— Ну дак это же здорово — был здесь, а через секунду там! — объяснил непонятливой волшебник.

Я потянулась и сорвала ягоду с еще не успевшей осыпаться рябины, присела, положила красный шарик в пушистый снег, а затем повернулась к Буреславу.

— А ягодку сдвинуть сможешь?

— Смогу, конечно, только скучно это... Тебе зачем?

— Интересно.

Мальчишка снова подвигал бровями и уставился на ягоду. Всего момент, но красный кругляшок вроде как дрогнул. Я придвинула лицо поближе — так и есть! Казалось бы, рябинина лежала на прежнем месте, но если внимательно присмотреться, то рядом с ней в снегу осталась небольшая вмятина от ее предыдущего положения.

— Это здорово! — закричала я и в восторге хлопнула Буреслава по плечу. — У тебя получилось!

Парень смутился и даже слегка заалел, видно, нечасто ему приходилось слышать похвалу.

— Я же говорил...

— А почему ты не тренируешься сначала на мелких предметах? — недоуменно поинтересовалась я. Все эти попытки юного волшебника переместиться из одной комнаты в другую казались теперь еще большим бредом. Немудрено, что над ним смеются.

— Да кому это интересно?

— Силачей на ярмарках видел?

Буреслав недоуменно кивнул.

— Ага, один у нас в прошлом году лошадь поднял и по кругу пронес.

— Думаешь, он сразу с лошадой начал?

Мальчишка усмехнулся:

— Нет, конечно, кто ж сразу за лошадь хватается? Гирьки там есть всякие...

— А вот ты, выходит, хватаешься, — захихикала я. — И не просто хватаешься, а

пытаешься с ней на плечах прыгать через забор!

Волшебник обиделся, натянул шапку пониже на насупленные брови и, схватив меня за рукав, потащил дальше по дорожке.

— Сама ты лошадь. Больно умные все стали. Куда деваться от советов. Вот уйду отсюда...

— И куда пойдешь? — скептически протянула я.

— Найду известного волшебника Путятю — он-то мастер перемещаться, его советы не чета вашим будут.

— Да как же ты его найдешь, если он все время перемещается?

— Не твоего ума дело.

Конечно, куда мне до великих северных волшебников!

Я и без того уже узнала и увидела все, что мне нужно, поэтому на сей раз решила проглотить сарказм и повременить с дальнейшими вопросами. Покорно перешла вслед за Буреславом мостик, ведущий к городу, а затем молча плелась за ним по улицам, стараясь лишь повнимательнее смотреть себе под ноги, чтобы ненароком не поскользнуться.

Но тут вдруг по обеим сторонам стали попадаться все знакомые дома. Мы подошли к перекрестку. Из окошка в домике напротив смотрела старушка в голубом платке... От неожиданности я замерла и позволила Буреславу опередить меня на несколько шагов.

— Идем, ну чего ты встала? — Мальчишка вернулся и схватил меня за руку.

Вот сейчас бы вырваться да бежать обратно к дому со всех ног. Но стоило ли выдавать подстроенную ловушку так легко? Что там Вольга говорил об этом артефакте? Спутанные дороги? Пожалуй, мне по силам это пережить. В крайнем случае позвать своего нанимателя на помощь всегда успею.

Я поддалась и пошла вслед за Буреславом на перекресток, где было зарыто волшебное веретено.

Глава 23

ВЕРЕТЕНО

Жизнь научила меня, что чудесных совпадений не бывает. Случайно ли Буреслав ведет меня по этому перекрестку? Вряд ли. За ночь снега навалило предостаточно, но то место на обочине, где зарыто веретено, я представляла себе вполне отчетливо и не спускала глаз со своего коварного спутника. Наверное, наивно было предполагать, что юный волшебник сейчас начнет разрывать сугроб, а затем и мерзлую землю, причем голыми руками.

Когда, проходя мимо заветного места, Буреслав как бы невзначай махнул рукой, мои подозрения, носившие раньше лишь логический характер, не подкрепленный более-менее вескими уликами, начали обрастать фактическими подтверждениями. Оставался лишь один небольшой нюанс, который требовал уточнения, и можно было идти к Вольге сдавать дело.

Этой мыслью я отвлеклась всего на секунду, но, когда вновь оглянулась по сторонам, перекрестка уже не было — впереди маячил крепкий забор какого-то очень зажиточного двора. За резными затейливыми воротами с выкрашенными в красный коньками пестрели крытые цветной черепицей крыши, ржали кони, слышались людские голоса.

Увидев этот дом, Буреслав резко остановился, будто чего-то испугавшись.

— Иди ты первая, — взволнованно сказал мальчишка.

— То есть мне не показалось, что еще секунду назад улица была другой? — несколько саркастически произнесла я. Не удержалась.

— Не болтай, иди давай! — Мальчишка потянул меня за рукав.

— И не подумаю. — Я надменно прожгла его взглядом. — С места не сдвинусь, пока не расскажешь, что здесь происходит!

Ворота богатого двора растворились и выпустили на улицу тройку черных лошадей, запряженных в расписные сани. Воронье сверкали на солнце гладкими шелковыми боками, встряхивали расчесанной и заплетенной атласными лентами гривой. В широких открытых санях на бархатных сиденьях, укрытое пушистыми мехами, сидело раздетое семейство: круглотелый, густобородый отец, нарумяненная мать в жемчужной кике и трое сыновей-погодков.

Я залюбовалась, пока профессиональное зрение не сфокусировалось на младшем из мальчиков...

— Это же... — Я с удивлением посмотрела на Буреслава. — Это ты!

Подросток сжался и повторил уже не таким уверенным тоном:

— Пожалуйста, иди вперед.

Но я уже твердо решила не двигаться с места, пока не разберусь, что здесь происходит. Спутанные дороги, говорите, господа волшебники? Если мы и заблудились, то никак не в городе, а уж скорее во времени. Этот мальчик в санях был явно младше Буреслава, стоявшего рядом, но примечательные брови — две черные лохматые гусеницы, невесть как оказавшиеся на человеческом лице, — не узнать невозможно.

Сани резво приближались, позвякивая колокольчиками, теперь стало отчетливо слышно, что между членами семейства разворачивалась нешуточная словесная баталия. Наконец, бородатый мужчина не выдержал, встал и отвесил младшему сыну такую оплеуху, что у того с головы слетела меховая шапка и приземлилась прямо нам под ноги... Сани проехали.

Буреслав шумно втянул ноздрями воздух и издал звук, похожий на всхлип.

Я посмотрела на него строго.

— Куда ты меня привел?

— Иди вперед! — гнул свое мальчишка, в глазах ни слезинки.

Мелкий пакостник потянулся меня толкнуть. Но я среагировала быстрее, увернулась, сделав шаг в сторону...

Все вокруг резко изменилось: под моими ногами была выложенная песчаником дорожка, по обеим сторонам зеленая трава, справа возвышались арки из шпалер, увитые несозревшим еще виноградом. Деревья с зелеными лимонами и молодыми плодами граната...

Я похолодела. Не может быть!

Буреслава же на этот раз перемена в окружающем мире нисколько не беспокоила. Довольный собой, он вертел головой во все стороны так, что вот-вот оторвется, и при этом не выпускал из рук край моей шубы. Странно, но ни мне, ни ему не было жарко в зимней одежде в самый разгар лета.

— Мышка! — позвал знакомый голос откуда-то из тенистой прохлады сада. Я даже дернулась пойти навстречу, но вовремя себя остановила. — Мышка-малышка, ты где?

На дорожке появилась пожилая женщина в светло-сером летнем платье. Я закрыла рот руками, чтобы не вскрикнуть, ибо по тропинке шла моя бабушка Рогнеда... которой давно уже не было на этом свете.

— О, это же ты! — Буреслав испугал меня своим криком, я успела забыть о его присутствии.

И действительно, из густых зарослей лавра показалась моя слегка растрепанная русая голова, выгоревшая до белизны на безжалостном южном солнце.

— Я здесь, — произнесла та, другая я, и бабушка направилась к ней.

— Что ты с собой делаешь? — сочувственно покачала головой старушка.

— Почему ты розового цвета? — удивился юный волшебник, дернув меня за край шубы.

— Потому, — буркнула я.

Так я ему и сказала! Розовой я была, потому что постоянно загорала, не в состоянии смириться с тем фактом, что природа по ошибке дала мне кожу, предназначенную для обитания совсем в других широтах. Из всей семьи светлокосыми уродились только я и бабушка, у родителей и сестер кожа была красивого оливкового цвета и легко темнела на солнце. Свое имя я получила именно за светлую кожу.

Кстати, об имени... Хорошо, что бабушка звала меня мышкой, — не за неброскую внешность, а за тихую неслышную походку и способность подкрадываться незаметно. Я покосилась на Буреслава, но он пока ничего не заподозрил. Получается, в старости я стала не так уж похожа на бабушку. А то бы удивлению мальчишки не было предела: только подумайте, обнаружить, что родственница Ланы внешне очень напоминает некую баронессу Зоненштадтскую!

— Отец хочет тебя видеть, — сказала бабушка.

Маленькая я приподняла выгоревшие брови.

— По поводу твоего будущего мужа, — с неудовольствием добавила старушка.

— Понятно. — Семнадцатилетняя Лукреция склонила русую голову, ждать того, что жених будет богат или красив, ей не приходилось. Хоть какой-то сыскался — родителям и то радость.

— Дорогая, ты же помнишь, что не обязана соглашаться? — Рогнеда подошла ближе, взяла внучку за подбородок и подняла к себе ее личико, чтобы заглянуть в глаза. — Принимать решение можешь только ты, понимаешь?

Старушка знала, что говорила: у нее-то в свое время хватило смелости наперекор родным уехать за любимым в далекую чужую страну. Жалела ли она об этом? Кто знает... Но уж наверняка ей некого было обвинять.

— У тебя есть муж? — Буреслав смотрел на меня удивленными глазами.

— Нет, — честно ответила я, смаргивая непрошенные слезы. — А что, сватов засылать собрался?

— Да ну тебя, выдумашь тоже...

— Зря... Вон пойди посмотри, какую завидную невесту упускаешь, — указала я на свою спину, удаляющуюся в сторону большого старого дома, по самый балкон второго этажа увязшего в зелени.

Мальчишка на секунду поддался любопытству и сделал полшажочка, прежде чем опомнился, но и этого для магического артефакта оказалось достаточно. Сад на секунду превратился в зеленую круговерть, а потом мы оба (Буреслав и не собиравшийся отпустить край моей шубы) оказались в какой-то богатой комнате. Помещение походило на кабинет, вот только стены из толстых бревен, почти таких же больших, как в доме волшебников. Повсюду, куда ни глянь, было развешано оружие, картинки и безделушки вроде вееров, трубок и шляп, судя по всему собранных со всех уголков мира не слишком последовательным коллекционером.

В кабинете мы были не одни. Точная копия Буреслава — лишь несколькими годами моложе — забралась с ногами на широкое, явно мужское кресло и пыталась достать висевшую на стене булаву.

— Что ты делаешь? — с интересом спросила я у того Буреслава, который держался за мою шубу.

— А разве не видно? — огрызнулся мальчишка, но его лицо будто бы вытянулось и заострилось: он жадно смотрел на шипастое оружие на стене, словно мечтал заполучить его до сих пор.

— Для чего тебе эта шипастая палка?

— Это булава моего деда, — с некоторой гордостью ответил волшебник. — Он не сидел в палатах, как отец, а ходил на боевых кораблях за море, много стран повидал и богатств добыл.

— Так палка-то зачем? — не отставала я, морщась при виде того, как второй Буреслав становится коленом на спинку кресла — ведь вот-вот навернется.

— Да просто... — Мальчишка рядом смущенно пожал плечами. — Думал, подержусь немного — и часть его силы и удачи перейдет ко мне.

В этот момент раздался грохот — как я и опасалась, тот юный волшебник, что карабкался по креслу, не удержался на узкой спинке и сверзился вниз, потянув за собой часть настенных украшений.

— Надеюсь, ты пережил это падение без трагических последствий? — спросила я. — Оружие хоть в руках подержал?

— Не подержал! Булава пропала! — Буреслав сжал кулаки и вытянулся вперед, так ему хотелось посмотреть, что делается там, за креслом.

Я не смогла побороть недостойное искушение и легонько подтолкнула мальчишку, заставляя сделать шаг, и теперь уже сама цепко держалась за его рукав.

— Ты чего творишь?! — взвился мелкий обманщик, будто сам до этого не пытался проделать такой же трюк.

— Значит, тебе можно, а мне нельзя? — противным девчоночьим голосом протянула я.

Внезапно нашу перебранку перекрыл такой густой бас, что мы забыли, о чем спорили.

— Что значит «исчезла»? — орал бородатый боярин, мало что стены не тряслись. — Бед натворил, так хоть имей смелость сознаться! Что с булавой дедовской случилось?!

Оба Буреслава, находившихся в комнате, съежились и втянули головы в плечи.

— Что, правда исчезла? — только тут поверила я.

— Так, может, он себя волшебником воображает? — вдруг подал подленький ломающийся голос подросток постарше, тоже находившийся в кабинете, — скорее всего, старший брат.

— А ты молчи, щенок! Где это видано, чтобы брат на брата тьякал! У-у-у, вскормил я вас на свою голову! — Боярин и впрямь схватился за голову и тяжело сел в кресло, по которому до этого так отчаянно карабкался Буреслав, затем поднял тяжелый взгляд на младшего сына. — Волшебник, говоришь? Будет вам волшебник. А сейчас пошли вон отсюда, никчемные, мочи моей нет!

Я отвела взгляд от этого призрачного страдальца и наклонилась к Буреславу.

— Нашлась булава-то?

— Нет, — помотал мальчишка головой. — Весь дом обшарили — ни следа.

— А дальше что было?

— Что-что... Приехал Вольга и забрал меня. То-то братья удивились!

Я очень ясно представила гордое выражение на лице Буреслава, когда Вольга увозил его с отчего двора. Совсем другого, наверное, тогда ожидал мальчишка от своей будущей жизни, уж точно не новых насмешек и неудач. Видел, как вернется обратно могучим кудесником, как будут лебезить перед ним братья, напрашиваясь в другие страны, с какой гордостью посмотрит на него отец.

— Выше нос, — подбодрила я. — Видел мою бабушку? Знаешь, что она мне однажды сказала? Когда тебе твердят, что ты самый заурядный, не верь. Если кто-то чего-то в тебе не нашел, это еще не значит, что там нечего искать. Обнаружить в себе то, чего не замечают другие, означает получить преимущество зрячего в стране слепцов.

Буреслав перевел на меня удивленные глаза и наконец-то перестал слушать причитания отца.

— Думаю, на этом твоя экскурсия закончилась, — серьезно сказала я. Все, что мне надо было, из прошлого подопечного Вольги я уже увидела, а показывать свою дальнейшую историю чревато разоблачением.

— Что?.. — начал было мальчишка, но я уже змеей вывернулась из широкой шубы и сделала несколько шагов вперед.

Если я правильно разобралась в принципе действия веретена, то юный волшебник не мог последовать за мной: у него была своя история, а у меня своя. И наверняка уж он-то лучше всех знает, как выбираться из этого наваждения, — не пропадет.

Миг — и я оказалась на шумной широкой улице, где народ толпится даже в самый знойный полуденный час. Смуглолицая толпа переговаривалась на моем родном языке — то-то Буреслав подивился бы, ему ведь довелось услышать только нашу с бабушкой северную речь, — кругом продавали и покупали, торговались и нахваливали товар. Сквозь людскую толчею пробивалась усталая лошадка, влекущая небогатый возок, из которого раздавался надрывный детский плач.

Мне были знакомы и возок, и уж тем более плач, по сей день иногда раздававшийся в моих тревожных снах. Я ведь тогда не прислушалась к совету бабушки Рогнеды, добровольно пошла за того, кого выбрал отец. Да что говорить — за того единственного, кто согласился взять меня в жены. Не пропали напрасно материны увещевания, крепко засели в девчоночьем доверчивом сердчишке: «Погляди на себя, Лукреция, ну кто на тебя позарится, да еще без приданого? Соглашайся, кланяйся и благодари судьбу». И я, дурочка, соглашалась и робко благодарила.

Про первого своего мужа ничего дурного сказать не могу, не был он ни хуже, ни лучше любого, за кого меня могли сговорить, не спросясь. Одно но: уж больно скоро помер — едва ли не через год после свадьбы, оставив меня, испуганную и пузатую, беременную первенцем, в большом пустом доме наедине со своей сварливой матерью. Свекровь терпела невестку, взятую в дом только ради благородной фамилии, ровно до тех пор, пока та не произвела на свет чудесную светлокожую девочку, Люцию. Дочка означала только одно: почти все наследство, которое оставил после себя мой муж, переходило его младшему брату. Стоит ли говорить, что никто не был настроен делиться с юной вдовой?

Едва оправившись от родов, я собрала свои нехитрые пожитки и, сопровождаемая лишь одной сердобольной служанкой, отправилась в столицу, под крыло и снисходительную опеку старшей сестры. Красавица Елена устроилась в жизни на зависть многим: муж не очень родовит, но достаточно состоятелен и приближен к королеве (не ровен час получит-таки титул за заслуги перед троном), дом в центре столицы, целое полчище слуг. Вот только нет одного, чем уже могла похвастаться менее удачливая сестра, — ребенка. Приглашая меня и Люцию, Елена наверняка рассчитывала тем самым заманить удачу под свой кров. Не буду спорить — ей это удалось.

И сейчас, стоя на улице своей юности, я не могла удержаться, чтобы не сделать пару шагов навстречу возку и не взглянуть на собственное осунувшееся и перепуганное личико, а также маленький сверток, которым когда-то была моя старшая дочка.

Видение мелькнуло и растаяло. Я была в богато украшенном зале, великолепие которого только чудом не пересекало тонкую грань хорошего вкуса. Здесь было душно, шумно и тесно от объемных женских платьев. Этот вечер до сих пор был одним из самых ярких впечатлений моей жизни. Елена взяла меня на королевский бал... В девятнадцать я уже ясно знала, чего хочу от жизни: независимости и лучшего будущего для своей дочери. Единственный способ все это получить виделся мне в том, чтобы занять хоть какое-то место при дворе. Вопрос стоял только, как это сделать? Как выделиться в толпе жен и дочерей богатых и знатных семей, которые приезжали на бал похожими на экзотические цветы в своих ярких, богатых одеждах? Да и что такого могла надеть я, только-только вырвавшаяся из цепких лап строгого траура?

Двери в зал распахнулись, пропуская слегка припозднившихся гостей. Первой шла моя сестра Елена в броском платье сливового шелка под руку со своим мужем, а за ними тоненькая, худенькая и белокожая я... в своем более чем скромном серо-стальном наряде. Не так уж плохо быть мышкой, если тебе надо выделиться в стайке разноцветных попугайчиков. Я умышленно выбрала именно тот цвет, который не могла себе позволить ни одна из дам с оливковой кожей. Я манила и интриговала своей неприметностью, так что любой скучающий взгляд, пробежавший по пестрой сверкающей толпе, неизменно задерживался отдохнуть на мне, словно на непрокрашенном месте холста, на который художник в спешке забыл нанести очередной цветной мазок.

Мне удалось добиться своего: королева знаком подозвала супруга Елены и спросила, кто я такая. Так появилась «королевская мышка», фрейлина ее величества, которая неслышными шагами мерила весь дворец, знала все обо всех и иногда сосредотачивала на кончиках бледных пальцев такую власть, что многим и не снилась.

На этот раз я сделала еще один шаг специально, ибо был в моей жизни человек, на которого мне бы хотелось взглянуть в последний раз.

В следующем видении мое место было не так уж далеко от трона, чуть позади, в тени балдахина, откуда пара пристальных и внимательных глаз может видеть то, что скрыто от самой правительницы. Но в тот вечер мне было не до наблюдений: вот-вот предо мной должна была предстать сама судьба, от которой не отвертись и не откажешься. Если уж отцу побоялась сказать «нет», когда тот нашел мне мужа, то как скажешь «нет» самой королеве?

Перед троном встал во весь свой недюжинный рост рыжебородый вельможа — Ерс, барон Зоненштадтский. Он был некрасив и неуклюж той особой неуклюжестью, которую приобретают воины, редко облачающиеся в придворный наряд. Родная страна барона примыкала к нам с северо-востока и была известна своими воинственными нравами, так что моя королева не отказалась бы от пары преданных ушей и острых глаз в самом ее центре.

На этот раз у меня было более чем богатое приданое в виде куска земли, прилегающей к владениям барона, и значительной суммы денег, предоставленной в мое личное распоряжение. Не отдали мне одного: маленькая Лючия осталась на воспитании в доме сестры, ибо нет преданности сильнее, чем преданность, обеспеченная таким живым залогом.

Веретено наматывало мою жизнь, как нитку, цепляясь на определяющих моментах, словно на узелках, которые я в свое время не смогла правильно распутать, исправить неумелую работу не наловчившихся еще рук. Что будет, когда для пряжи кончится кудель? Увижу ли я свое будущее? Встречу ли смерть?

Смешно сказать, но, кажется, такие эксперименты уже не для меня. Я в последний раз взглянула на своего Еrsa — медведя, медвежонка... потом набрала воздуха в грудь и протолкнула сквозь горло совсем другое имя:

— Вольга! Вольга!

Волшебник соткался рядом со мной будто бы из тумана.

— А я-то думаю, почему твоя куница места себе не находит?

— Это не моя куница. Вытащи меня отсюда!

— Похоже, она считает по-другому. — Вольга тряхнул светлыми волосами и бросил быстрый взгляд вокруг. Не знаю, много ли он успел увидеть и много ли понять, но уже через секунду мы стояли посреди заснеженного перекрестка.

Мой спаситель распахнул полы своего полушубка и втянул меня внутрь, прижал к себе. Я не сопротивлялась, так как вдруг поняла, что дрожу, и вовсе не от холода.

— Тише, тише, — уговаривал меня волшебник, глядя по макушке, как маленького ребенка, а затем вдруг тихонько рассмеялся. — И все же мышка, да?

Я кивнула. Не герб рода, но... Так легко было представлять себя маленькой мышкой, когда крадешься по темным коридорам, замираешь за дверью, прячешься в тени портьер. Маленькие мышки могут быть повсюду, их никто не замечает, никто не слышит, они боятся лишь кошек и людей.

— Как тебя угораздило сюда прийти? Ведь знала же, что здесь зарыто! — убедившись, что я уже успокоилась, принялся меня отчитывать Вольга.

— А кто говорил всего лишь про спутанные дороги? — не осталась в долгу я, высвобождаясь из его объятий и шубы.

— Это не повод лезть на рожон! — Северянин снял с себя полушубок и набросил его мне на плечи. — Пойдем к бабке Любаве, узнаем, кто здесь до тебя бродил.

— Не надо к Любаве. — Я осталась стоять, где была. — Я и без нее скажу. Только не думай, что на этом дело закончилось!

Глава 24

СЕМЕЙНЫЕ УЗЫ

— Вольга, как вы думаете, сколько времени мне понадобится на обратную дорогу по такому снегу? — спросила баронесса, зачарованно рассматривая заиндеветшие ветви в саду дома на Калиновой улице. Прямая осанка, седина волос и белая опушка воротника делали Лукрецию похожей на царицу зимы.

— Быстро же вы засобирались, — нервно засмеялся волшебник. — Я, как ваш заказчик, против.

— Не валяйте дурака, — разрешила себе некоторую вольность аристократка. — Дальше вы прекрасно справитесь и без меня.

— Нет уж, увольте, — легкомысленно взмахнул рукой Вольга. — Я требую настоящей детективной развязки с пойманным и желательно раскаявшимся преступником, с объяснением всех «зачем» и «почему». Будьте добры довести это дело до конца!

— Понятно, — кивнула пожилая дама. — Вам не нравятся собственные выводы, и вы все еще надеетесь, что они будут отличаться от моих? Ну что ж... Мы оба понимаем, что Буреслав даже с натяжкой не подходит на роль хитроумного преступника...

— ...хулигана. Это же дети, — вдруг перебил воспитатель волшебников.

— Ну, если огненный смерч у вас на севере всего лишь хулиганство... — Баронесса на секунду подвесила фразу в воздухе. И продолжала: — Не вы ли только что просили детективную развязку и преступника? Как бы то ни было, против кандидатуры этого мальчика свидетельствуют многие факты.

— Хотя бы то, что его никак не назовешь хитроумным, — усмехнулся Вольга и тут же получил легкий, почти кокетливый удар тонкой перчаткой по плечу.

— Может быть, вы расскажете, а я послушаю?

— Молчу, молчу. — Волшебник притворно запер рот на замок и выбросил ключ.

— С хитроумностью у него как раз все в порядке, догадался же он как-то заманить меня на тот перекресток. Есть и другие факты. — Лукреция с профессиональной легкостью приступила к перечислению: — Буреслав не обладает ни достаточной физической силой, ни волшебством, чтобы пересыпать мешок муки, к тому же его способностей недостаточно, чтобы преодолеть ваш барьер и вынести волшебные артефакты. Я говорю «недостаточно» потому, что...

— Подозреваете, что он был не один, — закончил Вольга, позабывший про свою пантомиму с выброшенным ключом.

Баронесса не возражала — по самым скромным прикидкам, заказчик был старше аристократки в два, а то и в три раза. Мог же он себе позволить хотя бы легкие проявления склероза?

— Не подозреваю, а знаю. И вы, скорее всего, тоже. Буреслав может переносить предметы на расстояние едва ли с кончик ногтя, достаточно ли это для преодоления барьера?

— Нет, — твердо ответил волшебник, хотя вопрос был чисто риторическим.

Баронесса вынула из кармана носовой платок с кружевной каймой.

— Приготовьтесь, сейчас будет сложный логический путь, — с легкой иронией предупредила она.

— С вами я готов к любым путешествиям, логическим и не очень, — поддержал ее тон Вольга.

— Представьте, что полотно — это ваш барьер. — Лукреция расправила платок, а затем

взяла его пальцами за концы, обозначив тем самым две точки. — Кружево — это пространство без волшебства внутри и снаружи барьера. С одной стороны волшебный предмет, с другой — место, куда его надо переместить. Кто из ваших подопечных мог бы так изогнуть пространство, чтобы две эти точки оказались в миллиметре друг от друга?

Баронесса сложила платок, совместив оба угла, за которые держалась, и заключила:

— Тогда останется только перенести предмет на этот последний миллиметр, чтобы он оказался на другой стороне.

Вольга сделался мрачнее тучи, хотя и предвидел такой исход.

— У вас нет доказательств и мотива.

— Может быть, — легко согласилась баронесса. — О мотивах могу строить лишь весьма туманные догадки — я провела здесь всего несколько дней. Прямых доказательств тоже нет. Но одно косвенное свидетельство мы с вами все же можем получить... Давайте немного пройдемся вглубь сада.

Они прошли в ту сторону, где за оградой уже начинался лес. Все это время северянин непривычно и угрюмо молчал.

— Позовите Нину, — велела баронесса.

— Я-то, конечно, позову, — проворчал Вольга, — но кто поручится, что она придет?

— Придет, — заверила Лукреция, — у нее тоже свой интерес... И как же ваше хваленое волшебство слова?

— Волшебство волшебством, а Нина Ниной, — непонятно сказал воспитатель.

— Вы меня звать-то будете или я пойду? — Девочка показалась из-за толстого березового ствола, словно маленькая лесная фея, на ее плече сидели и грелись два желтобрюих комочка — синички.

Баронессе все больше и больше начинала импонировать прямота этого ребенка.

— Вот так, Вольга: больше дела, меньше слов. — Лукреция развернулась к юной волшебнице. — Дорогая, у нас к тебе всего один вопрос. Ты, случайно, не видела, с кем Буреслав гуляет в саду?

Вольга вывел из дома виновато поникшего Буреслава. И немудрено: баронесса строго наказала нанимателю выглядеть серьезным и рассерженным, но при этом мальчишке ничего не объяснять. Тут хочешь не хочешь, а испугаешься, если всегдашний балагур-воспитатель вдруг стал мрачнее тучи. Лукреция тоже приготовилась: потеряла глаза, чтобы выглядели покрасневшими, и натянула маску благородной скорби. В руках лицейка держала выкопанное на перекрестке веретено.

Увидев сию композицию, Буреслав побелел, а потом кровь бросилась ему в лицо с такой силой, что на воспитанника стало больно смотреть. Баронесса молчала, Вольга тоже какое-то время не нарушал мучительной тишины, затем все же спросил:

— Ты ничего не хочешь нам рассказать?

— А что случилось? — тихим голосом ответил юный волшебник.

— Ребята видели, как ты уводил Лану в город, — намекнула Лукреция и одарила виновного таким взглядом, что намек приобрел характер прямого обвинения. — Где она?

— Да почем мне знать! Что я ей, нянька, что ли? — упорствовал подросток.

— А я тебе скажу, где она, — обманчиво спокойно сказала пожилая дама. — У лекаря. Бедняжку обнаружили в городе, стоящей на перекрестке с неподвижным и бессмысленным взглядом. Привести девочку в сознание никто так и не смог... А вот это было зарыто под перекрестком.

Лукреция показала веретено, и глаза Буреслава заметались, запрыгали, не зная, куда скрыться от пристального внимания двух взрослых, — тут уж даже самые примечательные на свете брови не могли спасти своего хозяина.

— Если ты знаешь что-то, что поможет ей... — Вольга был сама мягкость.

Мальчишка зажмурился, словно готовясь получить оплеуху, опустил руку в карман штанов и извлек оттуда серый тяжелый кругляш с дыркой посередине и оттиснутыми по краю символами.

— Что это? — неподдельно удивилась аристократка.

— Пряслице, — ответил Вольга, будто иностранке станет понятнее, и забрал предмет у Буреслава. Недоумение на лице Лукреции заставило его объяснить: — Оно для утяжеления веретена и крепления пряжи.

— Ясно, — кивнула баронесса, никогда прежде не державшая в руках веретена и уж тем более не ведавшая о премудростях прядения. — Что на нем написано?

— «Не ходи дальше сего дня», — прочитал Вольга и требовательно посмотрел на воспитанника: — Рассказывай.

Подросток переступил с ноги на ногу, неловко выворачивая непропорционально длинные ступни, и вдруг заговорил скороговоркой, будто боялся, что потеряет решимость, если остановится.

— Я не хотел, чтоб так вышло. Думал, задание выполню и отсюда уйду. Я ее все время за шубу держал, а она возьми да вывернись. Дура... без пряслица же не вернуться...

— Подожди-подожди, — перебил его Вольга. — Давай по порядку. Ты повел Лану на перекресток, где зарыто веретено. Зачем?

— Там можно посмотреть на свое прошлое. На воспоминания. — Буреслав глядел исподлобья, понимая, что это только первый вопрос, за которым последуют другие, еще менее приятные. — Только в руках надо пряслице держать, чтоб вовремя оттуда выйти, иначе потом уже не воспоминания, а мечты начинаются. Бросишь на землю — и снова на дороге окажешься. Только вовремя надо.

— Вовремя — это... — догадалась баронесса.

— Не ходи дальше сего дня, — заключил Вольга, перекачивая в руке круглую часть артефакта.

— Я хотел только посмотреть и уйти. А Лана от меня сбежала. Я не знал, как ее вернуть. Будил, будил... Пришлось оставить на дороге... — Мальчишка шмыгнул носом и глянул на воспитателя. — Если бы вы ее не нашли, я бы подсказал.

Старший волшебник нахмурился и задал вопрос, ради которого они с баронессой и устроили этот спектакль:

— Откуда ты знал, что под перекрестком зарыто веретено, и как у тебя оказалось пряслице?

Несмотря на морозный день, Буреслав покрылся испариной, но ответил честно:

— Я его там и зарыл.

— А откуда взял?

Последовало испуганное молчание.

— Из хранилища? — грозно спросил Вольга.

Мальчишка кивнул.

— Зачем?

На этот раз молчание было еще более продолжительным.

— Волшебником стать хочет, — неожиданно пришла на выручку Лукреция. — Он же всем и каждому об этом говорит, а вы не слышите.

— Так что ж ему мешает?! — не на шутку разъярился воспитатель.

— А кто ему помогает? — резонно спросила баронесса. — Вас убрать, так, может, кто получше в воспитатели найдется?

Вольга оскорбленно засопел, переводя взгляд с аристократки на Буреслава, но гнев сдержал, даже ухмыльнулся, пусть и совсем невесело.

— Как через барьер-то артефакты пронес, умелец?

Мальчишка неожиданно с вызовом вскинул голову:

— Переместил!

— Сам переместил? В одиночку?

— Сам!

— Ну так, может, мне действительно пора уже тебя отпустить отсюда на все четыре стороны?

— Вот и отпусти!

— Хорошо. — Вольга задумчиво почесал подбородок. — Покажешь — отпущу.

Он схватил воспитанника за локоть и потащил по дорожке к границе своих владений. Баронесса пошла следом, неся веретено, которое сейчас сослужит им еще одну службу.

Но когда Буреслав, сжимавший в руке злополучный артефакт, увяз в барьере в третий раз, терпение Лукреции было исчерпано.

— По-моему, трех попыток более чем достаточно, — сказала она.

Старший волшебник снова высвободил ученика и снова спросил:

— Так кто тебе помогал?

— Никто, — упорствовал Буреслав. — У меня получалось! Я могу еще раз попробовать.

— Хватит! Пойдемте в дом, — решила баронесса. — Вольга, проводите молодого человека в его комнату, а я к вам скоро присоединюсь.

Баронесса открыла дверь, пропуская волшебницу вперед. Та вошла смело, ничего не подозревая, но, заметив в комнате понурившегося Буреслава, уперла руки в боки и строго спросила:

— Опять что-то натворил?

Увидев ее, мальчишка заметался сильнее, чем давеча на крыльце перед домом — того и гляди выскочит из собственной кожи. Наконец нервы его не выдержали.

— Белочка, это не я! Я им про тебя ничего не рассказывал! Они сами догадались!

Белоника даже не вздрогнула, перекинула косы за спину и оглянулась на баронессу:

— Если кто тут и догадался, то разве что она.

Лукреция ответила ей спокойным, слегка снисходительным взглядом и едва заметно наклонила голову. Девочка бравировала и отнюдь не была такой хладнокровной, какой хотела казаться. Иначе откуда вдруг появилась эта грубость, раньше ей несвойственная?

— Зачем? — ошарашенно спросил Вольга. Он все еще не хотел верить, что виновницей всех пропаж из хранилища была самая рассудительная его воспитанница.

Красавица сложила руки на груди и одарила хозяина дома презрительным взглядом.

— Я расскажу, но только в присутствии господина проверяющего.

— Это очень легко устроить. — Лукреция усмехнулась про себя и кивнула Буреславу: — Сходи позови. Заодно умойся.

Мальчишка немного замешкался, но стоило Белонике перевести свое внимание на него, как тут же подобрался и выскочил за дверь.

Баронесса покачала головой.

— Стыдно было так использовать мальчика! Он ведь неплохой, и ты ему очень нравишься.

— Это не мне должно быть стыдно, — упрямо возразила волшебница, прожигая Вольгу глазами.

На воспитателя было жалко смотреть: он зажал виски руками, словно от разыгравшейся мигрени, и глядел на Белонику со смесью страха и удивления.

— Разберемся, — умиротворяюще сказала пожилая дама. Она прошла по комнате Буреслава и с удовольствием уселась на свободный стул, указав своему нанимателю на кровать. — Вольга, присядьте. Вам, может, так не кажется, но все самое страшное уже позади. Дальше не будет ничего, с чем не смог бы справиться позитивно настроенный ум.

Баронесса держала себя так, как могла бы только очень породистая кошка, наевшаяся сметаны. Волшебник смотрел на нее некоторое время, словно пытаясь впитать настрой, затем отпустил свои многострадальные виски и уселся на кровать.

Белоника усмехнулась и сказала Лукреции:

— Даже без волшебства вы бы гораздо лучше справились с этим домом и всеми нами, чем...

— Чем я? — с грустной иронией спросил Вольга. — Пожалуй, я всерьез подумаю над твоей идеей. Леди Лукреция, как вы смотрите на то, чтобы нести ответственность за кучку малолетних волшебников?

— Увольте, — отмахнулась баронесса. — Меня наконец-то ждет тихая старость в моем замке.

— Кого тут ждет тихая старость? — с шумом ввалился в дверь Чингис. За ним стоял, переминаясь с ноги на ногу, Буреслав.

— Уж точно не тебя, — мрачно ответил Вольга.

— Тогда ради чего меня позвали?

— Вы должны передать совету, что Олег не может и дальше быть хозяином этого дома, — строго и чопорно сказала Белоника.

— Эх круто загибает! Серьезная барышня! — восхищенно протянул мнимый проверяющий и, не скрываясь, подмигнул другу. — Позвольте полюбопытствовать почему?

Волшебницу немного задела такая реакция, но она все равно убежденно произнесла:

— Потому что у него из хранилища пропадают артефакты, а он ничего не может предпринять. Потому что он не в состоянии справиться со своими воспитанниками и не занимается их обучением.

— Так-так-так. — Чингис достал свой бутафорский блокнотик. — А как по-твоему, не

является ли первое следствием второго? И кто же осмелился покуситься на наши общие семейные реликвии?

Белоника не замешкалась ни на секунду:

— Я.

— ...Почему?

— Потому что... — она отчеканила каждое слово, глядя Вольге прямо в глаза, — человек, бросивший собственного ребенка, не должен воспитывать других.

В комнате повисла тяжелая пауза, которую нарушил все тот же Чингис.

— Друже, ты чего не сказал, что у тебя кроме тех четверых еще есть дети? — обратился он к Вольге с некоторой обидой в голосе. — Не ожидал... Где погулял-то?

Вольга бросил в него подушкой с кровати, и Белоника ошарашенно моргнула: уж слишком на короткой ноге были эти двое.

— Помолчи, не видишь, тут не до шуток! — Воспитатель повернулся к девушке. — Это правда: у меня были дети, но я ни одного не бросил, всех воспитал.

— Я тому свидетель! — снова вклинился Чингис, не дав никому вставить и слова. — Когда жена его, Милонега, скончалась (пусть земля ей будет пуховой периной), мне пришлось силой подвенечный браслет снимать с этого женишка, а то бы так за ней и последовал. Детки у меня, говорит! А те детки уже давно бородатые отцы семейств!

При этих словах баронесса как-то по-особенному встрепенулась, и на губах у нее заиграла довольная улыбка, по глазам же было видно, что новая информация запустила стремительную работу мысли.

— Но я видела! — вскрикнула вдруг Белоника, потеряв все свое спокойствие.

— Что ты видела, девочка? — устало спросил Вольга, которому очень не понравилось упоминание его жены.

— Как ты к моей матери приходил! Денег ей предлагал! А она отказалась и со двора тебя прогнала!

— Ах вот оно что, — вдруг улыбнулся хозяин дома. — Приходил и предлагал. Тебя тоже тогда еще с собой забрать пытался.

— Меня потом соседка спросила: зачем отец мой приходил? Как после стольких лет не постеснялся показаться на глаза? — По лицу Белоники поползли злые слезы.

— Иной раз добрые соседи хуже злых врагов, — усмехнулся Вольга. — Садись, поговорим. Что ж ты раньше-то не спросила? Столько времени молчала и обиду копила! Вот дети, сначала наломают дров, а разговаривать начинают, только когда к стенке приперли.

— А взрослые начинают рассказывать, когда из этих дров поленницу уже можно складывать, — фыркнула Лукреция. Поднялась чуть слишком стремительно для своего почтенного возраста, подошла к Белонике и, обняв за плечи, попыталась посадить на стул. — Садись и успокойся немного.

Белоника досадливо дернула плечами, но баронессу это не смутило.

— Садись, упрямая, устанешь еще стоять, пока он оправдываться будет.

Волшебница утерла слезы и вправду села. Пожилая дама замерла у нее за спиной, положив руки на спинку стула, словно взяв девушку под защиту.

— Так-то лучше. Вольга...

Волшебник вздохнул:

— Чуть меньше сотни лет назад, использовав брачный артефакт из хранилища в этом доме, я отказался от своего волшебства и долголетия ради женщины, которую полюбил. К сожалению, она умерла раньше меня, и я получил свою силу обратно. Но у нас с ней было четверо сыновей... а уж от них потом пошло внуков, правнуков и того больше. Я старался, но за всеми разве уследишь? Хорошо, если ведут оседлый образ жизни. А если, как твой отец, перекаати-поле — так вовсе беда.

— Мой отец... — прошептала Белоника.

— Ты мне не дочка. Не было у меня дочерей. Зато праправнучек хоть отбавляй, — усмехнулся Вольга. — Но волшебницей стала только одна.

— Так соседка же тебя узнала! — взвилась вдруг Белоника — Лукреция еле ее удержала, посадила обратно.

— Что соседка? Видел я своего правнука мельком — может, и похож на меня немного.

— И... где он сейчас?

Вольга нахмурился.

— Не знаю. Сгинул давно уже. Он же охотник был. С ватагой таких же отчаянных парней ходил по селениям, зверя бил: где волки лютуют, где медведь-шатун не в срок из спячки вылез.

Все снова замолчали.

— А нельзя было сказать, что я тебе праправнучка? — смаргивая вновь набежавшие слезы, спросила Белоника.

— Да зачем? Тоже мне родственничек выискался! Я с отцом твоим даже знаком не был и тебя на руках не качал. Разве это дед? А тебе здесь под моим присмотром жить, с другими волшебниками общаться как? Вот и промолчал. Не прав был?

Девушка только всхлипнула.

— То-то видно, как у вас говорят, яблочко от яблони недалеко падает, — добродушно проворчат баронесса, чтобы разрядить обстановку. — Собрались тут горе-молчуны. Хорошо еще, никто пострадать не успел.

— А как же Лана? — пискнул из своего угла Буреслав, до этого сидевший тише воды, ниже травы, чтобы не прогнали.

— Цела твоя Лана, — снизошел до него Вольга, открыв наконец-то правду.

— Так вы меня обманули!

— Так ты нас тоже! — расхохотался воспитатель, напряжение отпустило, и он ничего не мог с собой поделать.

Улыбнулись все остальные обманщики, собравшиеся в одной комнате.

— Что же мне теперь делать? — виновато спросила Белоника, в который раз утирая слезы. Потом умоляюще взглянула на фальшивого проверяющего: — Забудьте все, что я сказала.

— О-о-о, я умываю руки, — поднялся Чингис. — Сам будешь объяснять своим подопечным, что ты и твоя великолепная леди тут наворотили.

— Никто тебя не ругает, девочка. Правда, Вольга? — вмешалась баронесса. — И вы, Чингис, не уходите. Разве вам не интересно, что будет дальше?

— А что, у вас есть еще какое-то дальше? — с готовностью вернулся на свое место Чингис, словно зритель после антракта в хорошем спектакле.

Вольга удивленно посмотрел на баронессу.

— К сожалению, да. Есть в этом доме еще один молчун. Буреслав, позови Ратко.

— Он что, тоже праправнук Олега? — выпучил глаза мальчишка.

— Не мели чепухи. Иди и зови.

За любопытным юным волшебником мигом хлопнула дверь.

— И правда, зачем Ратко? — спросила Белоника.

— Скажем так, ты и его обидела незаслуженно, — загадочно сказала Лукреция.

Чингис посмотрел на Вольгу, тот пожал плечами, дескать, поди пойми этих старых интриганок.

Ратко протиснулся в дверь как раз вовремя, чтобы предотвратить дальнейшее обсуждение.

— Что у вас тут?

Из-за его спины высунулась любопытная физиономия Буреслава, боявшегося пропустить хоть слово.

— Вечер откровений. Присоединяйся! — бодро сказал Чингис.

Великан обвел взглядом всех по очереди — не укрылась от его внимательных глаз и заплаканная Белоника — и остановился на довольной баронессе. Та кивнула, и Ратко окончательно прошел в комнату. Буреслав закрыл за ним дверь.

— Мне одна мышка шепнула, что ты очень хочешь уйти из этого дома, — перешла к делу Лукреция.

— Это правда? — взвился Вольга, в этот день воспитанники преподносили ему сюрприз за сюрпризом.

— Правда, — кивнул богатырь. — Отпустишь?

— Смотря для чего...

Ратко помялся, не зная, какие слова подобрать. Затем решил, бить — так в лоб.

— Не один теперь я на свете. Есть у меня моя Нюта. А летом будет еще дочка или сынок.

Если бы Вольга не сидел, то, наверное, пошатнулся бы от такого удара.

— Вот те на, — только и проговорил Чингис.

— Так Нютка твоя брюхатая, что ли? — громко и неосторожно произнес Буреслав, все еще находившийся на расстоянии вытянутой руки от великана.

Подзатыльник не заставил себя ждать. Да не просто подзатыльник, а царь всех подзатыльников. И никто мальчишке не посочувствовал.

Вольга прочистил горло, как-то по-особенному взглянул на Лукрецию, словно давая понять, что догадался, зачем та позвала парня именно сейчас.

— Ты же знаешь, что я не могу тебя отпустить, пока ты не разобрался со своим волшебством?

Ратко кивнул.

— Знаю. Только на что оно, мое волшебство, если Нюта сейчас за другого замуж пойдет?

Воспитатель нахмурился.

— Крепко решил?

— Крепко.

— Буреслав, сходи в мою комнату, там на верхней полке шкатулка резная стоит — принеси.

— Ага, я сейчас! — Буреслав в очередной раз выпорхнул в коридор.

— Вот когда умение перемещаться ему бы пригодилось, — сказала вслед неумолимому гонцу баронесса. — Чингис, поможете потом мальчику?

— Я? — удивился волшебник. — Я бы с радостью, но не умею перемещаться.

— Вам и не понадобится. По крайней мере так, как хотелось бы Буреславу.

— С вашими загадками я вовсе отсюда не уеду, — засмеялся мошенник.

— Может, вам и не надо? — лукаво ответила баронесса. — Подумайте.

Буреслав вернулся с небольшой деревянной шкатулкой и передал ее Вольге, но по лицу пацана было видно, что не удержался, открыл-таки по дороге.

— Ну и что там видел? — спросил воспитатель.

— Да браслеты волшебные, что-то вроде кандалов, — сообщил мальчишка.

— Не в бровь, а в глаз, — согласился Чингис.

Вольга открыл шкатулку, на дне действительно поблескивали два серебряных браслета, украшенные витым узором.

— Брачные артефакты бывают разного вида. Мне в свое время достались эти. Жених и невеста должны произнести клятву и надеть браслеты, тогда тот из них, кто владеет волшебством, его лишится, а вместе с ним лишится и своего долголетия, будет стареть, как обычный человек. Пока живы оба супруга, снять браслет невозможно.

— Страшная вещь, — прошептал подставной проверяющий.

— Если без настоящей любви, то нет ничего страшнее, — согласился с другом Вольга и посмотрел на Ратко. — Браслеты — это условие. Наденешь — и можешь уйти отсюда, когда пожелаешь.

Снова повисла тишина.

— А без браслетов нельзя? — робко спросила Белоника, наконец-то пожалевшая парня.

Вольга покачал головой.

— С его видом волшебства нельзя.

У Ратко тоже возник вопрос, только совсем другого свойства.

— Да как же я его надену? — Он указал взглядом на самый крупный браслет, и всем стало понятно, что тот ковался вовсе не для богатырской ручищи.

Вольга смущенно потрогал свое запястье, которое было в полтора раза тоньше, чем у воспитанника.

— Дайте мне, — встала с места Белоника, глаза ее снова влажно посверкивали.

Воспитатель протянул девушке серебряный браслет. Волшебница взялась за него обеими руками и легонько развела в стороны: на глазах у присутствующих украшение стало шире, не потеряв своей идеально круглой формы.

— Теперь впору?

Богатырь примерил, рука и вправду прошла свободно.

— В самый раз! Спасибо. Всю жизнь носить буду, тебя вспоминать.

— Тогда, на Солнцевороте...

— И за это тоже спасибо, — улыбнулся Ратко. — Если бы не ты, может быть, еще и не решился бы.

Глава 25

СВАТЫ

Когда день перевалил за середину, Лукреция начала собирать вещи. Хорошо бы было выехать уже следующим утром, да пораньше — путь предстоял неблизкий.

Укладывая платья, многие из которых оказались так и не надетыми ни разу благодаря волшебному артефакту, раздобытому в хранилище, аристократка лукаво гадала: не разрешит ли Вольга забрать с собой брошь? В конце концов, с его проблемой она справилась в рекордно короткий срок. Сложно поверить, но прошло всего несколько дней, показавшихся баронессе целой жизнью. А ведь до этого время летело с пугающей стремительностью — только успевай отсчитывать годы, но здесь, на севере, вдруг неожиданно притормозило.

В дверь постучали.

— Войдите, — разрешила Лукреция, с ловкостью карточного шулера пряча один из предметов интимного туалета между аккуратно сложенных платьев.

Вошла целая делегация: Ратко, Вольга, Белоника, Весень и Лель, из дверного проема выглядывали Морошка со Жданом. Между ног посетителей юркой молнией скользнула куница и тут же попыталась залезть баронессе на плечо.

— Что, нагулялся, предатель? — спросила пожилая дама, подсаживая зверька. — А то все Лель да Лель.

Куница несколько раз возмущенно пискнула, но потом притихла на плече баронессы.

— У нас проблемы! — торжественно произнес Вольга.

— А мне казалось, я буквально пару часов назад разрешила их все, — деликатно засмеялась Лукреция. — Когда вы успели нахватать новых?

— Как вы уже успели заметить, я в этом специалист, да еще специалист преподающий. — Волшебник слегка поклонился.

— Свататься решили ехать после заката, — сказал немного смущенный, но очень довольный Ратко.

— Поезжайте. Зачем тянуть? — одобрила Лукреция, все еще не понимая, с какой целью ей сообщают об этом в такой торжественной обстановке и где же здесь проблема.

— Вы должны поехать с нами, — безапелляционно заявил Вольга.

— Но я имею очень смутные представления о том, как на Севере происходит сватовство!

— Мы тоже. Поэтому и просим: вам, как иностранке, все простят, — невозмутимо пояснил воспитатель.

— Вам как волшебнику тоже, — парировала Лукреция.

— Ну а нам вместе простят гораздо больше. Вы только послушайте, что они несут!

— Я точно помню, что там было что-то о птичках и рыбках, — возмущенно откликнулась стоящая у двери Морошка. Похоже, спор длился уже довольно давно.

— А я слышала, как говорили про колечко и свачку, — без излишнего напора сообщила Белоника и почему-то слегка порозовела.

— Птички мне больше нравятся, — высказал свое мнение Ждан. — Точно свачка, а не сучок?

— Сам ты сучок, — беззлобно ответил Ратко.

Вольга многозначительно посмотрел на баронессу:

— Не думайте, что я разбираюсь в этом лучше.

Лукреция вздохнула: придется выручать, а то уедешь — и думай потом, не остался ли бедный Ратко без своей Нюты. Не такая уж мудреная наука это сватовство — справиться можно.

— Бабушку, бабушку мне не помните! — кричал с облучка всерьез обеспокоенный Ждан.

Сваты грузились в празднично украшенные сани.

— Я тебе дам бабушку, — добродушно, больше для виду, ворчала Лукреция, усаживаясь поудобнее между Весенем и Вольгой. Лишь сейчас она стала понимать, насколько сильно будет скучать по вихрастому обормоту.

Напротив уже сидели Белоника, Лель и виновник переполоха — Ратко. В ногах лежала пухлая сума с подарками. Пахло недавно срезанными хвойными ветвями, юные волшебники искусно переплели их по бокам саней, украсив ярко-красными гроздьями рябины. Блестели и позвякивали колокольчики на сбруе двух ладных лошадок. Вечер сулил ясную и тихую ночь.

Идиллия нарушилась внезапным треском и появлением на дороге, прямо перед санями, трех человеческих фигур. Лошади испуганно заржали и непременно взвились бы на дыбы, если бы один из появившихся тут же не прыгнул вперед и не схватил взбудораженных животных под уздцы.

— Ох ты, святые! Не рассчитал! Тише, тише, — послышался густой незнакомый голос.

Ждан поднес фонарь ближе к лицу незнакомца, и все увидели крепкого мужчину с густой черной бородой, лохматыми полуседыми бровями и золотой серьгой в ухе. Одет он был не по-зимнему: ни куртки, ни полушубка на нем не было, голову прикрывал повязанный странным образом цветастый платок.

— Ты кто такой? — враждебно спросил вихрастый, готовый, если понадобится, запустить в незнакомца фонарем.

Тут на свет вышли двое других, и оказалось, что это Чингис с Буреславом. Все немного расслабились.

— Вы же за булавой отправились, — недоуменно сказал Вольга.

— Так вот она, — внезапно ответил за них бородатый незнакомец и снял с пояса грозное оружие.

Когда Лукреция просила Чингиса помочь незадачливому перемещателю, она имела в виду следующее: взять Буреслава, поисковик и найти-таки, куда девалась та злосчастная булава, благодаря которой впервые обнаружили способности юного волшебника. Фальшивый проверяющий с энтузиазмом принялся за дело. Едва он понял, что от него потребуется и какие приключения это сулит, подхватил воодушевленного воспитанника и в мгновение ока унесся на ветре за горизонт. Судя по всему, путешествие увенчалось успехом, только вот кто этот бородач, который прилагался к артефакту?

— Это мой дед! — гордо заорал Буреслав, не дотерпев до того момента, когда кто-нибудь все же сподобится задать интересовавший всех вопрос.

— Дед? — недоуменно моргнул Вольга, привставая в санях, чтобы получше рассмотреть незнакомца. — Но он же...

— Умер? Для своих оголтелых родственников очень даже может быть, для себя самого живее всех живых, — ничуть не смущаясь, заявил бородач. Затем обошел сани и протянул руку воспитателю волшебников. — Драгомир.

С такого расстояния уже все присутствующие имели возможность оценить широкие, кустистые и, судя по всему, фамильные брови незнакомца — сомнений в его родстве с Буреславом практически не осталось.

Вольга немного ошалело пожал широкую мозолистую ладонь.

— Так что случилось с булавой-то? — повторил он вопрос, инстинктивно чувствуя, что это и есть ключ ко всему происшедшему.

— Булава оказалась волшебным артефактом, — решился выступить Чингис, — зачарованным таким образом, чтобы не попасть в руки к другому волшебнику. Когда Буреслав коснулся ее, она просто перенеслась к своему владельцу.

— Она мне чуть пробоину в днище корабля не учинила, — усмехнулся Драгомир, поигрывая оружием. — А так обошлось, только кок зайкой остался. Я когда письмо с сообщением о собственной гибели сыну отправлял, и думать забыл, что она дома осталась.

— Зачем письмо? — не поняла Белоника.

— А затем, ладунка, что негоже, когда сын начинает выглядеть старше отца, — вздохнул пришелец. — Отпустил я его.

Неловкая пауза даже не успела возникнуть, как нетерпеливо переминавшийся с ноги на ногу Буреслав наконец выпалил:

— Вы видели? Видели, как мы переместились?! А у моего деда во-о-от такой корабль! — Мальчишка развел руками, глаза его горели гордостью и восхищением. — А еще у меня, оказывается, такое же волшебство! Дед обещал меня учить!

— Обещал, — тоже не без удовольствия крикнул Драгомир. — Хотел об этом переговорить с хозяином дома, да я вижу, вы куда-то собрались...

— Свататься едем, — пояснил Вольга.

— Это дело хорошее, — потер руки бородач. — Ну, с собой, что ли, возьмите.

Плотно сидевшие в санях волшебники смущенно переглянулись.

— Берите, берите, не пожалее. У меня было пять жен, так что свататься я умею. Да что вы все так напряглись? За плохую примету посчитали? А ведь я со всеми женами жил ладно, ни одну не обидел. Вы выкуп-то взяли?

Лель поднял набитую суму — продемонстрировал. От подарков пахло травами и медом — это были пряники, испеченные Морошкой. Еще там лежали кулечки орехов, трав и ягод, неожиданно принесенных Ниной в дом, мотки ярких атласных лент — от Белоники, монетки разного достоинства, красивая кружевная шаль, пожертвованная баронессой, — подарок для матери будущей невесты, и много другого добра — кто его знает, от кого в доме откупаться придется.

Драгомир одобрительно кивнул, бросив взгляд на мешок, а вот на Леля посмотрел удрученно, почесал бороду.

— Ты, парниша, конечно, не обижайся, но тебе лучше не ехать, с таким-то лицом стенка на стенку идут, а не за красной девицей.

Юноша не обиделся, потрогал щеку, на которой только-только начинали бледнеть синяки, пробормотал «это он меня еще „до“ не видел» — и выпрыгнул из саней.

А Драгомир, видимо привыкший командовать у себя на корабле, или откуда он там сейчас явился, принялся за дело серьезно.

— Тебе бы тоже, богатырь, остаться, а то нам в избе развернуться негде будет такой толпой.

— Вообще-то это жених, — саркастически бросил Весень, несколько не смутив специалиста по сватовству.

— Ах, ну раз жених, тогда пусть едет, — милостиво разрешил тот. — А вот ты...

— Понял, понял, тоже буду портить картину. — Целитель покинул сани вслед за Лелем.

— Да не то что картину, — рассмеялся Драгомир, — только это дело серьезное, меж старшими решается.

— Ясно, — кивнула Белоника, поднимаясь.

— Я тоже могу уйти, — лукаво подмигнул с облучка Ждан.

— Сиди, где сидишь! — пригрозил ему бородач. — Кто потом нас пьяных до дому довезет?

— Ну, тогда и я не поеду, а то завтра в дорогу. — Лукреция поднялась, рассудив, что теперь-то сватовство обойдется без ее непосредственного участия.

— Бабушку оставьте, — запротестовал Ждан, — погрузили ведь уже!

Впоследствии баронесса на полном серьезе недоумевала, зачем собирали такую делегацию, если Драгомира можно было смело отправлять одного. Он сосватал бы кого угодно и за кого угодно, лишь бы потом можно было вдоволь повеселиться за накрытым столом.

— Здравствуйте, хозяин и хозяйка! — зычно начал дед Буреслава еще с улицы.

Если бы Ратко не успел заранее предупредить Ньюту о сватах, то-то бы переполох начался при появлении этого громкого и бойкого бородача, стучавшего в ворота дома кузнеца так настойчиво, что снег посыпался с резных украшений.

— И вам не хворать, люди добрые! — ответил из-за ворот столь же зычный голос. Створки распахнулись, и в проеме появился могучий мужик, наверняка в любую другую дверь протискивавшийся разве что бочком. — Куда путь держите? Зачем пожаловали?

Не будь Лукреция уверена в обратном, она бы подумала, что кузнец — скорее отец Ратко, чем Ньюты. Будущий тесть несколько не уступал ни в росте, ни в размахе широких плеч молодому волшебнику. Как в семье у такого гиганта могла вырасти маленькая хрупкая девчужка — уму непостижимо.

— Есть у нас охотник, богатырь, удалец и молодец, — показал Драгомир на Ратко. — Ехал мимо, слышал, живет здесь в округе птичка-невеличка, глазки синие, словно яхонты, перья червонного золота, голоском что соловушка.

Не зря новоявленный дед Буреслава по дороге все выспрашивал у жениха, как выглядит невеста.

— Я же говорил, будет про птичек, — словно зритель в театре прошептал на ухо баронессе Ждан и предложил угощаться орехами, которые уже успел стянуть из сумы с подарками.

— Наш охотник обошел весь лес, а той птички не видал, загрустил, затосковал. Сказывали добрые люди, видали ту птичку на твоём дворе.

— Может, и видали, — усмехнулся кузнец, провел рукой по коротко стриженной бороде, не сводя оценивающего взгляда с Ратко. — Только та птичка-невеличка хоть мала, но смела да упряма, сам едва справляюсь. А хватит ли силенок у вашего молодца?

За воротами кто-то хихикнул: шутка ли, при сватах обвинить невесту в упрямстве!

Драгомир на секунду замешкался: видно, кузнец сделал серьезное отступление от обычного сценария сватовства.

Жених сообразил, что к чему, быстрее всех остальных, недаром на любом празднике был первый боец.

— Сила-то есть, а вот найдется ли кто, чтоб проверить, вдосталь ли? — шагнул вперед Ратко.

Будущий тесть потер могучие ладони.

— Найдется, не боись. Сдвинешь меня от ворот, так и проходи смело, ищи свою птичку.

Молодой волшебник усмехнулся, бросил полушубок на руки Драгомиру и закатал рукава праздничной вышитой рубахи, обнажая крепкие предплечья, переплетенные внушительными лентами мышц.

— Биться будут! Где это видано, чтоб жених с отцом невесты... Во дают! — восхищался Ждан, пихая за щеку уже не орехи, а пряник.

Лукреция во избежание последующего конфуза отобрала у вихрастого суму, если сватовство затянется, так и вовсе без снеди остаться можно.

Меж тем кузнец тоже скинул легкую кожаную куртку, и богатыри сошлись, ухватив друг дружку за массивные плечи. Некоторое время стояли неподвижно, будто испытывая силу соперника. Только ноги, что каменные столбы, все глубже и глубже уходили в снег.

— Если он всех женихов так испытывает, сидеть бы Нютке в девках, кабы не Ратко, — не без гордости ворчал Ждан.

Наконец хозяин двора слегка покачнулся, то ли поддался, то ли молодость и жизненная сила взяли свое, а только волшебник не упустил представившегося шанса, так отринул будущего родственника прочь от ворот, что тот едва не улетел в ближайший сугроб.

Вихрастый издал несколько неприличный победный клич, и Лукреция поймала себя на мысли, что едва совладала с собой, чтобы не присоединиться.

Драгомир кинулся поднимать и отряхивать кузнеца, но тот поднялся сам и, судя по всему, был крайне доволен исходом поединка.

Дальше все пошло как по маслу: сваты прошли в избу, где были встречены принарядившейся по такому важному случаю хозяйкой.

— Проходите, гости дорогие, и ты, молодец залетный, не стесняйся. Вот они все, мои птички, хорошие да пригожие. — Она указала на лавку, на которой сидели, опустив глаза dolu, три молоденькие девчонки. Нюта была самой старшей, и сваты приехали за ней, но щеки горели жарким румянцем у всех троих. — Выбирай любую, какая глянется!

Ратко шагнул к невесте, за руку поднял ее со скамьи.

— Вот она, моя ненаглядная!

Что тут началось! Ох и запричитали же сестры с матерью на три голоса!

— Да как же мы ее отдадим, такую мастерицу!

— Кто будет в лес ходить по грибы, по ягоды?

— Кто хлеб нам будет печь душистый? Кто кашу варить?

Драгомир только довольно оглаживал бороду — снова пришел его черед вступать в этот необычный торг.

— Да, губа у нашего охотника не дура, но и кошелек не пуст! — Бородач знаком попросил баронессу открыть сумку и начал извлекать из нее гостинцы. — Чтоб не оскудели ваши закрома и стол ломился от снеди!

Перед хозяйкой легли кульки с орехами, сушеными ягодами, пахучими травами, пряники и пирожки, заботливо собранные Морошкой.

— Все равно не отпустим, — загомонили девчонки, — кто нас будет наряжать, наши косы украшать?

Лукреция уже смекнула суть игры и выложила перед непоседами ленты, переливчатые бусы и пригоршню монеток.

— А с такими подарками, красавицы, разве сами не справитесь?

Глядя на представшее перед ними богатство, сестрицы аж завизжали от удовольствия.

— Дитятко забираешь, старшее, любимое, — ударились в полупритворные слезы мать. — Кто меня теперь обнимет, кто пожалеет на старости лет?

Лукреция улыбнулась на такие причитания: хозяйка дома и сама еще была красавицей хоть куда, какая уж тут старость.

У Вольги же лицо не дрогнуло, он вынул из сумы прекрасную шаль и набросил ее на плечи женщины.

— Утешься, матушка, за хорошим человеком будет твоя дочка.

Хозяйка только ахнула и с не меньшим восхищением, чем шустрые пигалицы, стала рассматривать роскошный подарок.

— Кхм, — многозначительно вмешался кузнец.

— Да что ж это я! — всплеснула руками мать невесты. — Пожалуйста за стол, гости дорогие! Уж не взыщите за угощение, чем богаты...

А богат дом, видимо, был изрядно. При кузне бедно не живут. Дочки быстро, в шесть рук, заставили стол угощениями так, что гостям локти положить было некуда.

Ждан смотрел на все это большими круглыми глазами и, кажется, жалел только о том, что уже наелся орехов с пряниками.

По традиции сваты садились за стол не только для того, чтобы есть и пить, сперва следовало потолковать о дальнейшем житье молодых. Драгомир снова раскрыл было рот, но его тут же перебил кузнец, который, отринув все условности, обратился напрямую к Ратко:

— Слышал я от дочки, ты ее к себе в село забрать хочешь.

— Верно, — кивнул жених. — Пока поживем у отца, а там и свой дом поставим — братья помогут.

Хозяин призадумался, зачем-то размял ладони и сказал напрямую:

— А что, если вам остаться? Ты видишь, нет у меня наследника и, наверное, уже не будет. Дом и кузню некому после меня держать. Коли пожелаешь в мою семью войти, дело тебе передам как родному сыну.

Кузнец сказал и замолк, притихли и все остальные за столом.

Лукреция про себя улыбнулась подобному предложению. Это кто еще кого сейчас сватал — Ратко себе невесту? Или кузнец сына и преемника?

— Я подумаю, — ответил юный волшебник, — коли не обидишься, что сразу не согласился.

— Ну, добро, — махнул рукой будущий тесть. — Не к лицу мудрому мужу в важных делах спешить. Ешьте, пейте, гости дорогие, не обижайте хозяйку!

Как и обещал Драгомир, возвращались сваты домой изрядно навеселе уже далеко за полночь. Драгомир с Чингисом орали в ясное звездное небо какую-то залихватскую песню, счастливый Ратко подхватывал припев и хлопал в ладоши. Ждан насвистывал на облучке. Умаявшаяся за такой долгий день Лукреция тихонько дремала у Вольги на плече.

Глава 26

ВОЛШЕБСТВО ОБМАНА

Наутро баронесса была собрана и упакована еще до завтрака. Она захлопнула крышку последнего сундука, когда в дверь постучали. Оказалось — снова Вольга.

— Все-таки решили ехать сегодня? — после вежливого приветствия спросил волшебник, оглядывая дорожный наряд аристократки и куницу, устроившуюся у нее на плече в виде шикарной горжетки.

— Теперь-то точно все проблемы решены, и делать мне здесь больше нечего, — лукаво подтвердила Лукреция.

— Не скажите... А как же Лана?

— А что с Ланой?

— Я дал ребятам задание. Будет несправедливо, если они не получат возможности опробовать собственные силы.

Баронесса призадумалась. Да, ее наниматель прав, нечестно уехать вот так, не объяснив исчезновение девочки-задачки.

— Хорошо, — кивнула она. — Раз уж все сейчас соберутся к завтраку, давайте закончим эту историю как следует.

Я спускалась следом за Вольгой и думала, что в таком облике делаю это в последний раз. Куница ускакала вперед задолго до нас, и плечам было холодно без уже привычной меховой тяжести. «Возьму Феню с собой!» — решила я, и от этого стало немного легче прощаться с домом и с Севером.

В столовой были одни воспитанники. Чингис с Драгомиром наверняка еще даже не проснулись после вчерашнего угощения. Куница уже примостилась на плече у Леля, будто и не пищала всего секунду назад над моим ухом. Я в который раз подивилась, почему Феня неизменно выбирал именно княжича своим импровизированным насестом. Не шел ни к Нине, ни к Ждану и, что самое странное, не ластился к Морошке, которая периодически подкидывала ему лакомства.

Я вошла вслед за Вольгой и замерла на середине комнаты.

— Доброе утро! — приветствовал всех воспитатель. — Наша баронесса собирает вещи, так что я спрошу вместо нее: есть ли еще среди вас желающие испробовать свое волшебство на облике Ланы?

— А она не может остаться? — немного плаксиво спросил Ждан и, бьюсь об заклад, имел в виду отнюдь не девочку-загадку.

— Не может, — отрезал хозяин дома. — Ты задание-то выполнять собираешься?

— Да ну вас, — отмахнулся убитый горем вихрастый.

— Лель?

— Рановато мне пока отсюда уходить, — подмигнул мне княжич.

— Морошка?

— Не-а! — Девочка чересчур активно помотала головой. — Только решайте быстрее, завтрак стынет.

— Нина?.. Нина?!

Маленькой дикарки не было в комнате.

— Будем считать это твердым «нет», — заключил Вольга. — Тогда ко всем остальным у меня другой вопрос. Кто все-таки разрешил загадку?

С минуту дети молчали, затем Весень шевельнул рукой.

— Мне кажется, что я знаю, в чем тут дело.

— И вернуть ей истинный облик сможешь? — строго спросил воспитатель.

— Попытаюсь, — скромно пообещал юный волшебник.

Что-то подсказывало, что в конечном итоге он совсем не зря постоянно щупал мой пульс.

— Тогда я хочу, чтобы ты ответил, еще до того как приступишь, куда пойдешь из этого дома и чем будешь заниматься?

— Почему — до? — ревниво вклинился Буреслав.

— Потому что потом нам всем будет некогда его расспрашивать, — объяснил воспитатель. — Ну так как?

— К лекарю в городе пойду, попрошусь в ученики. А если не примет, найду другого в другом месте, — решительно ответил Весень.

— Ну и славно, — кивнул Вольга, несколько не удивившись.

— Только, — продолжал целитель, — мне одному тут не справиться, понадобится помощь Леля. Ты его тоже отпустишь?

— Ишь какие резвые, — усмехнулся воспитатель. — Лель сам только что отказался. Раз ты догадался, то и отпусти одного тебя.

— Только обещай поселиться в нашем городе, а не в каком-то другом, — легко согласился Лель, поглаживающий беспокойную куницу на своем плече.

Весень слегка усмехнулся и кивнул, затем спросил меня:

— Готова?

Если бы еще знать к чему.

— А это не больно? — настороженно спросила я. Испытывать на себе волшебство юных искусников казалось рискованной затеей. Сейчас превратят в какое-нибудь чудище — и прости-прощай возвращение домой.

— Да не должно быть.

Как мне показалось, в голосе целителя не хватало уверенности. Я посмотрела на Вольгу.

— Не бойся, — сказал мне волшебник.

Пожалуй, в этом вопросе ему можно доверять... только если наниматель не решил таким хитрым способом избавиться и от меня, и от необходимости оплачивать работу.

— Я и не боюсь, — бодро сказала я и подняла вверх подбородок. Но на самом деле внутри что-то трепыхалось: а ну как целителю действительно удастся вернуть мой настоящий облик? А если не удастся, это потом сделает Вольга, чтобы логично завершить для своих подопечных историю с Ланой.

— Тогда объясняй и показывай, — кивнул воспитатель Весеню.

— Сначала я не мог понять, в чем дело: организм Ланы казался совершенно нормальным, — смущенно начал целитель, не привыкший к долгим речам. — А потом, когда мы лечили Леля, вдруг догадался...

— Меня? — удивился княжич, на лице которого синяки уже стали принимать желтоватый оттенок.

Целитель кивнул.

— Когда я дотронулся до тебя при убранной иллюзии, то понял, на что были похожи ощущения от прикосновения к Лане... и к баронессе...

— Баронессе? Баронессе? — зашептались со всех сторон юные волшебники. — А она-то тут при чем?

— Почему она не спустилась перед отъездом? — громче всех спросила Белоника.

Весень нервно кашлянул и указал на меня глазами.

— Как раз спустилась, насколько я понимаю.

Комната тут же потонула в невероятном гвалте: каждый хотел подтвердить или опровергнуть это смелое предположение.

— Тихо! — перекрыл все голоса Вольга. — Ты можешь это доказать?

— Мне кажется, да, — серьезно ответил целитель.

— Тогда приступай.

— Что мне-то делать? — с готовностью спросил Лель.

— Я думаю, все получится, если мы просто возьмемся за руки, — уже с меньшей убежденностью сказал Весень и схватил мою ладонь.

Другую я без лишних раздумий протянула второму своему разоблачителю — чего уж теперь терять.

— Опять эти ваши хороводы, — хихикнула я, когда круг замкнулся. Лель, Белоника, Морошка и даже Буреслав поддержали мою шутку улыбками.

— Помолчи, — испортил настрой целитель, а ведь, если он и впрямь догадался, кто я такая, мог бы быть и повежливее. Но юноша даже не заметил своей оплошности, он уже давал другу указания: — Тебе надо просто надеть на себя, а затем снять личину.

— Сейчас? Прямо при всех? — Лель возмутился так, будто его просили прилюдно раздеться.

— Прямо при всех.

— И как это поможет?

— Я сделаю то же самое с организмом Ланы, мне просто надо понимать, что происходит в этот момент.

— Мудрено, — с сомнением покачал головой княжич. — Ну давай попробуем.

Его лицо стало меняться на глазах, кожа больше не носила следов проведенной волшебной операции, исчезли все отеки и припухлости, опустилась на положенное место бровь — и перед нами предстал прежний красавец Лель, совсем такой же, каким я его увидела в первый вечер своего приезда.

— Меня научишь? — с тонкой ноткой зависти спросила Белоника.

— Тебе-то зачем? — ревниво перебила стоявшая рядом Надира.

— Ну, вдруг не выплусь.

— Тише! — снова шикнул на всех волнующийся Весень, его рука слегка подрагивала в моей. — А теперь обратно...

Я старалась не думать о том, что сейчас может произойти, и внимательно следила, как сбегает с Леля его прекрасная маска. Точно так же сейчас должна была сползти и моя личина.

В столовой повисла абсолютная тишина. По тому, насколько все взгляды были прикованы ко мне, я поняла, что Весеню удался его эксперимент, но молчание слишком затягивалось, и стало ясно, что случилось нечто непредвиденное. Оба молодых волшебника отпустили мои руки и потрясенно отошли на шаг в сторону. Разве так они должны были отреагировать на уже объявленное преобразование Ланы обратно в баронессу?

Я поспешно сунула руку в карман, где лежало зеркало, верный и неизменный помощник моих приключений в этом доме.

Из отражения на меня смотрела не девочка... но и не старушка — молодая женщина с внимательным и пытливым взглядом, высокими скулами и небольшой тенью на впалых щеках.

Тишину прорезали громкие звуки одиночных аплодисментов — Вольга мерно ударял в ладоши, одобрительно глядя на Весеня.

— Разоблачение будет неполным, если ты не расскажешь, кто стоит перед нами, — подбодрил воспитатель, закончив аплодировать.

Весень все еще был ошарашен собственным успехом, но произнес громко и четко:

— Она волшебница, владеющая даром иллюзии, как Лель.

Я фыркнула: кажется, кому-то не видать свободы! Не знаю, каким образом целитель умудрился симитировать мой внешний вид сорокалетней давности, но это было явно не то, что от него требовалось.

— Не совсем, — поспешил исправить Вольга. — Волшебница — да. Но ее волшебство немного отличается от волшебства иллюзий.

— Так что же, она притворялась и Ланой, и баронессой? — раздраженно спросила Надира. — Но мы же видели их вместе!

— Я тоже умею притворяться, — лукаво развел руками воспитатель.

— Ты нас обманул! — в который уже раз заверещал Буреслав.

— И обманывает до сих пор, — решила вмешаться я. — Вольга, мы же договорились, что расскажем ребятам всю правду до моего отъезда! Что это еще за фокусы? Вы наняли меня, Лукрецию Зоненштадтскую, чтобы разобраться с исчезновением артефактов из хранилища. Научили превращаться в девочку, потому что так было удобнее вести расследование. Откуда эта история про волшебницу?

Хозяин дома выслушал меня довольно терпеливо, затем задал всего один вопрос:

— А как ты превращалась в девочку?

— Вы пошептали какие-то волшебные слова, поставив меня перед зеркалом.

— А потом как?

— С помощью вот этого. — Я продемонстрировала всем свое карманное зеркальце.

— Разве оно волшебное?

— Нет, — немного растерянно протянула я. — Но вы же сказали, что я смогу превращаться когда угодно... Для этого подойдет любое зеркало...

— Я помог тебе с превращением только в первый раз, подходящего артефакта у тебя не было. Неужели у такой умной женщины ни разу не возник вопрос, каким образом ты меняла свой облик все это время? — саркастически спросил Вольга.

Усилием воли я вернула себе самообладание. Ну что ж, если он хочет, чтобы его слушали, я послушаю.

— И вы мне собираетесь об этом рассказать?

— Непременно. Но твоя история началась не здесь и не сейчас, и даже не на том балу, на котором состоялось наше знакомство. Эта куница, почему она так привязана именно к тебе? Странно, что никому до сих пор в голову не пришло это выяснить. — Волшебник кивнул на Феню, почему-то испуганно жмущегося к моим ногам. Зверек оскалил зубки.

— Я спасла его из рук Ждана.

— Что значит «спасла»? — возмутился вихрастый, еще не принявший такого резкого перевоплощения своей любимой баронессушки.

На него зашикали.

— Хорошо. Кого еще признает этот зверь?

— Меня, — ответил Лель.

— Может быть, ты тоже спасал его из чьих-то лап?

Ждан обиженно засопел.

— Нет, — произнес княжич. — Я ему просто нравлюсь.

— А почему? Что общего у тебя с баронессой Зоненштадтской?

— Решили тоже поиграть в детектива? — усмехнулась я, но мой наниматель проигнорировал реплику.

— Знатное происхождение? — смущенно спросил Лель.

— Но ко мне же он не бежит, — вклинился Буреслав.

— Верно, знатность тут совершенно ни при чем, — поднял палец вверх Вольга, — а вот происхождение — очень даже. Ждан, напомни-ка всем, отпечаток чьей личности ты перенес на эту куницу?

— Фенрира Справедливого.

— Фенрира Справедливого, — как эхо многозначительно произнес хозяин дома. — По записям, которые ведутся в совете, у Фенрира было три дочери. Младшую звали Ядвига... Да, все верно, Лель, это имя твоей прабабки. Старшую звали Ирма, ну а среднюю — Рогнеда.

При звуке этого имени меня словно окатили холодной водой, но Вольга и не думал останавливаться.

— Фенрир поселил часть своей души в собственном портрете, чтобы присматривать за потомками. Картина досталась старшей дочери, правда, род ее вскоре прервался — так артефакт оказался у нас в хранилище. Потомки Ядвиги сидят на княжеском престоле. А вот следы Рогнеды затерялись. И тебе, Лукреция, наверное, более чем кому-либо другому известно почему. Не напомнишь, как звали твою бабушку-северянку?

Я ошарашенно посмотрела на Феню у своих ног, потом на Леля.

— О твоем существовании совету сообщил один из волшебников, побывавших за границей. Меня отправили проверить, действительно ли у иностранной баронессы есть волшебные способности, и если это так, то, хоть и запоздало, привезти ее сюда. Я не хотел сразу огорошивать тебя новостью. Ты искренне считала себя пожилой женщиной. И к мысли, что это совсем не так, тебя надо было подводить постепенно. К счастью или к несчастью, — Вольга быстро глянул на Белонику, — предлог, чтобы пригласить матерую интриганку в этот дом, у меня был.

— Погодите, — сказала я чуть более взволнованно, чем собиралась, — сколько, по-вашему, мне лет?

— Что-то около семидесяти, — невозмутимо ответил северянин, — но для волшебницы это не возраст. Весень только что вернул тебе тот облик, который соответствует истинному состоянию твоего тела.

— Что значит «вернул»? — все больше нервничала я.

— А ты еще не догадалась? Твое основное волшебство — это волшебство перевоплощения. Но из-за неосведомленности и специфической профессии оно трансформировалось в то, что я бы назвал волшебством обмана. Скажи, тебя хоть раз в жизни избличали во лжи или раскрывали, если ты притворялась кем-то другим?

— Нет! — Я испуганно покачала головой.

— Могу поспорить, что ты можешь пройти неузнанной и незамеченной куда угодно, хоть по безлюдному коридору, хоть по залам, полным народа, — все это и есть волшебство обмана. Но... — Вольга сделал одну из самых страшных пауз в моей жизни. — Но самое искусное волшебство ты по незнанию применяла, обманывая саму себя, приказывая своему собственному телу стареть, а возможно, даже и умирать вопреки его настоящей сущности.

ЭПИЛОГ

Я еще разок пробежала глазами написанное письмо и, удовлетворенная своей работой, поставила внизу заковыристую подпись баронессы Зоненштадтской. Но чтобы запечатать послание, выдавшихся минут передышки уже не хватило. Сначала хлопнула входная дверь, а затем на пороге столовой появилась Нина, мокрая с головы до ног. С волос и платья все еще стекали струйки воды и разбегались по деревянному полу, забираясь в стыки между досок.

— Что случилось? — как ужаленная подскочила я, с ужасом глядя на девочку. — Ты упала в реку?

На ощупь волшебница и впрямь была ледяной, будто побывала в полынье.

— Нет, — покачало головой маленькое чудовище, — я не упала, я купалась...

Первые несколько секунд я не могла найти слов, но затем опомнилась, подхватила ребенка и потащила к камину.

— Белка, неси полотенца! — закричала я, а затем придумала более действенный способ отогреть бесстрашную купальщицу. — Ратко! Чингис! Нужна помощь!

Нина стояла перед потрескивающим в камине огнем и на удивление даже не дрожала. Я повернула ее к себе и заглянула в дикие зеленые глаза.

— Зачем в реке-то?

— Так у Ратко сегодня свадьба, все готовятся, я тоже решила умыться, — пояснило чудо, отжимая кончики волос.

— А баня на что?

— Зачем баня, если есть река? — не поняла дикарка.

На ее счастье, в этот момент с кухни в столовую ворвалась Белоника, а из коридора Ратко с Чингисом. Все трое были уже в лучших своих одеждах, но, видно, мой призыв о помощи застал их врасплох. Чингис прискакал в одном сапоге, Ратко пытался на ходу заправить рубашу в штаны и застегнуть на ней ворот, руки Белоники почему-то были в муке.

— Что случилось?

Я повернула к ним девочку:

— Нина искупалась в речке!

— А-а-а, — разочарованно протянули все трое.

— Ну так поверти ее перед огнем, пусть просохнет, — бессердечно посоветовала Белоника.

Мужчины вообще развернулись на выход.

— Стоять! — скомандовала я, и все трое замерли. Печальный опыт предыдущих недель подсказывал волшебникам, что проще подчиниться, чем расхлебывать последствия.

— Белка, с тебя новое платье и ленты для волос. Ратко, Чингис, сейчас же сушите ребенка!

— Я-то тут при чем? — удивился поддельный проверяющий, который пока так и не соизволил признаться в своей поддельности.

— Господи, пора бы вам всем уже научиться играть в это домино, — вздохнула я. — Ты волшебству ветер, Ратко делает его теплым — в результате получаем сухого и согретого ребенка.

— ...а шкура этих зверей желтая, покрытая коричневыми пятнами, — рассказывала я, доплетая одну косу Нины, пока Белоника трудилась над второй. — Шея очень длинная, и на маленькой голове коротенькие рожки.

Как оказалось, ради рассказа о невиданных животных девочка была готова позволить не только переодеть себя, но и причесать.

— А зачем жирафе длинная шея?

— Чтобы есть листья с высоких деревьев, — ответила я, раздумывая, не поискать ли мне где-нибудь книжку о животных. Интересно, дикарка умеет читать? Ой, вряд ли. Значит, книжку с картинками, глядишь, и научится.

— А ты можешь создать воздушную жирафу? — спросил Чингиса любопытный ребенок.

Тот энергично замотал головой, бросая на меня страшные взгляды. То ли никогда не видел жирафа, то ли воспоминания о создании тигра были еще слишком свежи.

В этот момент входная дверь снова хлопнула, а затем в столовую вломился довольный до безобразия Ждан. За ним по пятам плелось непонятное грязевое создание на четырех лапах.

— Вот! — гордо указал он на существо и сделал значительную паузу, ожидая если не аплодисментов, то горячей похвалы.

Все уставились на сгусток грязи, который добрался до центра комнаты, оставляя за собой темные следы.

Дело в том, что вихрастый все же упросил Чингиса научить его волшебству создания животных из стихий, но единственной доступной стихией для паренька оказалась земля. Поэтому вот уже с неделю по двору и дому перекатывались комки грязи различного калибра, но ни один пока не достиг такого совершенства, чтобы встать на собственные лапы.

— Это кошка? — поощрительно спросил Чингис.

Ждан приуныл и покачал головой.

— Собака? — сделал еще одну попытку старший волшебник.

И снова мимо.

На вихрастого было жалко смотреть.

Я мучительно перебирала в голове всевозможных животных, но неожиданно выручила Нина.

— Разве вы не видите, что это бобер?

Мы решительно не видели.

Но Ждан все равно просиял.

— И это только начало! — угрожающе пообещал он.

— Тогда выведи своего бобра на пруд и бегом переодеваться. Скоро ехать, — посоветовала я, а сама на ухо тихонько спросила Нину: — Как?

Девочка хихикнула, совсем как могла бы это сделать Морошка.

— Посмотрела, в кого он должен был превратиться.

Старший братец Нины гордо вышел, за ним заковыляло прочь его грязевое безобразие. Мы с Белоникой переглянулись.

— Когда вернемся со свадьбы, обязательно вручим ему тряпку, — пообещала я, но ничего больше сказать не успела, так как краем глаза заметила какое-то мельтешение у входа в столовую, будто исчезала и появлялась картинка, которую никак не рассмотреть. — Буреслав, хватит уже!

— Снова устанешь, — укорил Чингис, тоже догадавшийся, в чем дело. — Я потом тебя в комнату не потащу, оставлю валяться там, где упадешь!

Буреслав наконец проявился, но очень неудачно — прямо над лужицей грязи, оставленной творением Ждана, поскользнулся и едва удержался на ногах. В его волшебстве наметился серьезный прогресс: теперь мальчишка с помощью перемещения мог уже одолеть расстояние в целую ладонь. Сначала я обрадовалась, но затем юный волшебник взял моду перемещаться пунктирным методом в надежде, что таким образом его достижения станут более существенными. К сожалению, пока что он добивался только головной боли у свидетелей своего движения и полного изнеможения к концу пути у себя самого.

— Я тренируюсь! — бодро сказал проявившийся мальчишка. — Сегодня же дед придет, хочу похвастаться.

Ох уж этот дед, ставший частым гостем в нашем доме... Даже слишком частым, на мой вкус.

Раздался стук во входную дверь. Все переглянулись, суеты нам хватало и без неожиданных визитеров. Открывать кинулся Ратко — а ну если это посланец от волнующейся невесты?

Через минуту он вернулся с неподдельным удивлением на лице и какой-то квадратной теткой в меховом плаще. Из-под полы плаща выглядывала рыжая девчужка с хитрыми лисьими глазками.

— Эта женщина утверждает, что она приехала сюда с проверкой, — растерянно объявил Ратко, не сводя глаз с Чингиса.

— Я не понимаю, — начала сочным голосом гостя, расстегивая пряжку на плаще, чтобы явить миру свою монументальную грудь, обтянутую зеленым платьем, — почему вы мне не верите? Разве к вам так часто заезжают проверяющие?

Теперь уже на Чингиса смотрели все присутствующие.

Не знаю, каким даром обладала эта женщина, но у меня сложилось впечатление, что она прочитала наши мысли.

— Так-так-так, — протянула представительная волшебница, тоже поворачиваясь к Чингису. — А ну-ка иди сюда, мой родненький.

Неведомая сила подняла незадачливого обманщика в воздух и подтянула лицом к женщине.

— Ты хорошо выглядишь, Марьяна, — задушенно просипел Чингис, зависнув на локоть от пола. — Я провожу тебя в комнату Вольги, если позволишь...

— Ну проводи, — милостиво разрешила пришелица, развернувшись обратно к выходу.

Поддельный проверяющий поплыл в воздухе прямо за ней.

— Все в порядке, — сказал он нам, — я ее знаю.

Может быть, у нас и было все в порядке, но уж точно не у него.

— Ирта, жди меня там! — уже из коридора крикнула грозная дама.

Рыжая девчужка замерла посреди столовой, настороженно глядя на нас.

— Снимай шубку, а то жарко станет, — подошла к ней я. — Тебя Ирта зовут? Ты кто?

— Волшебница! — гордо сказала она и вскинула голову, потрянув гривой непослушных, не забранных в косы волос.

— Где убыль, там и прибыль, — усмехнулся Ратко.

— А что ты умеешь? — поинтересовалась Белоника.

Девочка зажмурилась и вдруг исчезла с того места, где стояла. А затем с легким хлопком появилась вновь.

Буреслав уставился на нее с откровенной ревностью.

Нина пожала плечами. Белоника смущенно улыбнулась.

Ратко захохотал, да так, что стал вытирать внезапно выступившие слезы.

— Пять... жен... как же! — расслышали мы сквозь приступы его смеха. — Ох, не могу, мировой дед!

Говорят, что хорошие истории должны заканчиваться свадьбой. Баронесса Зоненштадтская всегда считала это полной чушью и говорила, что фразу сильно переиначили и у нее со свадеб все только начиналось.

Похоже, что и для иной Лукреции, северной волшебницы, хранительницы реликвария в доме на Калиновой улице, ничего не изменится.

Вот только на этот раз свадьба не была моей собственной, но такое ощущение, что внимания на ней я получу едва ли не больше, чем невеста. Судьба не только вернула меня в пору физического расцвета, но еще и неожиданно оделила тремя весьма специфическими кавалерами. Если бы я была юной девушкой, подобное заявление списывалось бы на чрезмерное самомнение или тщеславие, но нет, поверьте, я знаю, о чем говорю, и пока еще не растеряла умения видеть людей насквозь.

Мы стояли на пологом холме перед древним каменным алтарем. Выщербленная, покрытая зеленоватым мхом плита уже практически срослась с землей и, казалось, лежала здесь с самого сотворения мира. За алтарем возвышались суровые резные лики северных божеств, а над ним раскинул могучие ветви гигантский дуб. Именно здесь проводили все свои важные торжества горожане, здесь соединялись молодые пары, нарекали новорожденных и провожали в последний путь почивших.

Если бы на дворе было лето, то на алтаре лежали бы цветы, но сейчас украшением служили лишь хвойные ветви и маленькие плоские еще не зажженных светильников.

— Что-то не так? — обеспокоенно спросил меня Вольга. Он чуть ли не силком положил мою руку себе на локоть, полностью игнорируя колкие замечания о своей агрессивной галантности.

— Жаль, что свадьбу приходится делать зимой, не так празднично получается, как хотелось бы, — посетовала я.

— А чего не хватает? — спросил Ждан с другой стороны. Он тоже предлагал мне опереться на его руку, но ему я смогла отказать.

Поначалу к новому облику своей дражайшей баронессы вихрастый присматривался весьма недоверчиво. Сложно было мальчишеской душе совместить в единое целое двух таких разных персонажей: пожилую интриганку, в которой он души не чаял, и противную худышку Лану, взявшуюся невесть откуда. В конце концов, преданность даме сердца одержала верх и в одно прекрасное утро целиком и полностью перенеслась на мой обновленный облик. В тот день Ждан вдруг спросил, а не подожду ли я пятнадцать лет, пока он вырастет, и потребовал у Вольги заверения, что почти шестидесятилетняя разница в возрасте для волшебников сущий пустяк. Я смеялась как никогда, но клятвенно пообещала своему рыцарю минимум пятнадцать лет воздерживаться от очередного замужества. Это легкомысленное обещание было неожиданно встречено в штыки присутствовавшим здесь дедом Буреслава. Пришлось прозрачно намекнуть, что в мои планы также не входит становиться кому-либо шестой женой, но все намеки пропали даром.

— Так чего не хватает-то? — требовательно переспросил Ждан, видя, что я отвлеклась на свои мысли.

Будто он может достать то, чего не хватает!

— Красок, — ответила я, — и цветов.

— Ну, цветов не обещаю, а вот красок... — Мальчишка нашел глазами в толпе собравшихся гостей необычно опрятную Нину и подмигнул ей.

Тут же со всех сторон послышался птичий щебет. Мы подняли головы вверх, чтобы увидеть, как яркие стайки снегирей и синиц слетаются к дереву и пестрыми рядами устраиваются на ветвях.

Я нервно усмехнулась.

— Только смотрите, чтобы не садились над головами гостей.

— А я могу и цветов пообещать, и не только... — неожиданно оказался рядом с нами Драгомир. На его голове все так же красовался яркий платок, в ухе болталась золотая серьга, но морской волк в конце концов уступил местным погодным условиям и надел мохнатый полушубок, такой же черный, как и его борода.

— Пообещать и я могу, — лукаво ответила я, — и даже к лету исполнить.

Дед Буреслава не стал пререкаться, потер руки и исчез. Мы уже привыкли к его повадкам, и поэтому никто, кроме горожан, не удивился.

Не прошло и пяти минут, как Драгомир вернулся с целой охапкой разнообразных цветов в руках. То-то было восторгов и ахов! Большую часть он сразу сгрузил на руки подружкам Нюты.

— А ну-ка, болтушки, украсьте все тут, чтобы любо-дорого...

После этого великий путешественник вернулся к группе волшебников и преподнес мне одну красную розу.

— Чья оранжерея пострадала ради нашего торжества? — спросила я, принимая цветок.

— Моя собственная, — горделиво ответил Драгомир. — Приглашаю вас как-нибудь на экскурсию в страну вечного лета.

— А вы в курсе, что у вас, возможно, нашлась еще одна внучка? — Я резко сменила тему, чтобы не пришлось всерьез отвечать на это приглашение.

— Что?

Я кивнула на рыженькую девчушку, которая переминалась с ноги на ногу рядом с суровой дамой-проверяющей и (неожиданно) Чингисом. Новенькая волшебница все время косилась на Буреслава, который прожигал в ней взглядом дыру.

Драгомира как ветром сдуло, и я вздохнула свободнее.

— Кстати, почему Чингис еще жив и мирно беседует с проверяющей? — спросила я у Вольги.

— Он ей наврал, что пришел в дом, чтобы обучать молодых волшебников, а они все не так поняли.

— И ты поддержал?

— Скоро он поймет, что проще было сознаться в предыдущем обмане, чем городить новый, да еще такого свойства.

— Не знаю, не знаю, — протянула я. — По-моему, как раз учить у него получается лучше, чем...

— Чем у меня?

— Чем воровать.

— Но ты все равно глаз не спускай с хранилища.

— Ты тоже.

К нашей компании присоединились Весень и его новый наставник — наш старый знакомый, лекарь Бер.

— Ну что, хороший подарок вам оставила баронесса Зоненштадтская? — спросила я лекаря, кивая на молодого волшебника.

Строгий мужчина слегка улыбнулся.

— Не трудитесь, я знаю, кто вы, — Весень рассказал про свой выпускной экзамен из дома волшебников.

— Тогда это облегчает дело. Так как вам мой подарок?

Бер покосился на подарок. Молодой целитель перестал дышать: боялся даже надеяться на похвалу сурового учителя.

— У вас отменный вкус, — слегка поклонился лекарь.

— Спасибо! — рассмеялась я и только тут заметила увесистый мешок в руках Весеня. — Что это?

— Морошка еды мне собрала, — ответил смущенный парень, — говорит, что я уже просвечиваю.

— Мы же на свадьбе, — возмутилась я. — Тут будет море еды!

— Говорит, что ее особенная...

Надо будет проверить, чем таким особенным занимается наша малышка на кухне.

Я поискала взглядом в толпе гостей Морошку, но не нашла. Обзор заслоняли два гиганта — старшие братья Ратко, и захочешь — ни с кем не перепутаешь. Оба холостых молодца нависали над Белоникой и наперебой то ли сватали, то ли уговаривали показать свое волшебство. Девушка не тушевалась, отнекивалась и хохотала вовсю.

Рядом стоял Лель, синяки на его щеке давно сошли, не оставив о себе и воспоминания. Внешность юноши уже не была настолько безупречной, как прежде, но он с удовольствием променял свою прошлую неестественную сказочность на настоящее лицо.

За локоть Леля робко держалась Надира, но при всей этой робости умудрялась бросать на городских девчонок такие убийственные взоры, что те даже боялись коситься в сторону все еще очень и очень пригожего княжича.

Мои наблюдения оборвал вновь нарисовавшийся рядом Драгомир.

— Кстати, о семейных узах. Вы уже решили, что будете делать со своими? — громогласно спросил он меня в самое ухо. — Давайте мы пошлем вашим родственникам письмо с соболезнованиями: так, мол, и так, бабушка старенькая, сердце слабое...

— Я бы предпочла нечто более деликатное... — поморщилась я.

— Что опять задумала наша мышка? — фамильярно спросил Вольга, которому все не давало покоя мое детское прозвище.

Я мысленно вскипела, но подавила едкий ответ из сборника лучших перлов баронессы Зоненштадтской, так как воспитатель волшебников нужен был мне для осуществления сложного плана.

— Не сердись, — угадал мои мысли волшебник. — Впервые за многие годы моя

воспитанница настолько близка мне по возрасту, да к тому же столь интересна и привлекательна.

Я не позволила себе не то что зардеться, но даже моргнуть — у тридцатилетних женщин есть свои преимущества, — достала из кармана незапечатанный конверт и протянула его Вольге.

Внутри лежало короткое распоряжение для моего поверенного.

«Господин Берг!

Прошу через две недели после получения настоящего письма собрать всех моих прямых родственников в замке Зоненштадта для оглашения предварительного завещания. Предупредите их особо, что не явившиеся на оглашение вне зависимости от возраста и причин будут вычеркнуты из окончательной версии документа.

О своем прибытии сообщу Вам отдельно.

С уважением,

— Зачем тебе туда ехать? — удивился Вольга. — Послала бы завещание почтой. Хочешь попрощаться?

— О, туда поеду не только я... но и ты.

— Я?!

Его удивление доставило мне истинное удовольствие.

— Конечно, кто еще сможет проверить, не затесался ли среди моих потомков еще один волшебник?

Вольга расхохотался:

— А я-то по наивности думал, что ты сентиментальна! Снова попахивает волшебством обмана!

— Тсс! — зашикал на нас Драгомир. — Идут!

Ратко широкими уверенными шагами поднялся к старому дубу. Он замер у алтаря, поклонился каменным изваяниям богов, а затем гостям. За его плечами крепким тылом встали двое братьев и отец. Нелегко им было принять решение сына и брата перейти в дом к кузнецу, но каждый, кто видел богатыря около горна с наковальней, не мог оспаривать такого выбора. И только другой волшебник, наверное, был в состоянии понять, как горько найти применение своему дару лишь в тот момент, когда ты решил от него отказаться.

Вдруг зазвучал чей-то красивый голос, начал выводить стройную ласковую мелодию — Надира выступила вперед из вереницы гостей. На этот раз ее песня была иной, не о бескрайней степи под ночным небом, а о переменах, которые ожидают каждого из нас. Ее слова порождали перед присутствовавшими зыбкие видения: таял вокруг тяжелый снег, могучий дуб над алтарем покрывался сначала нежными зелеными почками, а затем и резными листьями, пробивались первые цветы, их сменяла шелковистая трава. Но так же, как всегда за периодом расцвета и плодородия, следовал период увядания: желтела и осыпалась крона, падала на оголившуюся черную землю пожухлая листва, опять присыпалась снегом, чтобы вскоре из-под белого холода вновь пробилась вечная жизнь.

Когда под мелодию песни Нюта в своем свадебном наряде вступила на дорожку, ведущую вверх к алтарю, в руках у гостей сами собой стали зажигаться маленькие глиняные светильники. Это было последним волшебством Ратко, и он дарил его своей юной невесте.

Я смахнула непрошеные слезы и улыбнулась, ибо иногда нужно лишь набраться смелости и отказаться от чего-то старого, чтобы получить новое и прекрасное взамен.